

129
—
1043

О В Ы С О К О М Ъ

И Л И

ВЕЛИЧЕСТВЕННОМЪ.

Твореніе Діонисія Лонгина.

Переводъ съ Греческаго,

съ примѣчаніями переводчика.

Въ С а н к т п е т е р б у р г ѣ, 1803.

въ Императорской Типографіи.

9.51
8.40

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ
ВЕЛИЧЕСТВУ
ВСЕАВГУСТѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ
ИМПЕРАТОРУ
АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ
Самодержцу Всероссійскому,

В

В

З

З

С

Л

П

Р

М

Е

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Лонгинъ, Геній знаменипыхъ
временъ Пальмирской Царицы
Зиновіи, шонкимъ вкусомъ и
здравною крипикою приобрѣлъ
славу всѣхъ вѣковъ.

Желаніе принестъ хопя ма-
лую пользу Россійскимъ Лип-
пешерапорамъ, побудило меня пе-
ревести его швореніе; безпри-
мѣрное же ВАШЕГО ИМПЕ-
РАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

благоволеніе къ наукамъ вну-
шило мнѣ смѣлостъ посвящипъ
переводъ сей Высочайшему
Имени Вашему.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА

Всеподданнѣйшій

Иванъ Мартыновъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Діонисій Лонгинъ, какъ многіе Писатели увѣряютъ, родился въ Аѳинахъ; но кто были его родители, навѣрно не извѣстно. Тождъ касается до великихъ его достоинствъ, они неоспоримы. Никто не былъ въ его время столько уважаемъ, какъ сей Критикъ. Порфирій, ученикъ его, говоритъ о немъ, какъ о нѣкоторомъ феноменѣ. Его сужденіе, — пишетъ сей Философъ, — было почитаемо правиломъ здраваго разсудка и вкуса; его отзывы о сочиненіяхъ были верховными приговорами, такъ что никто не смѣлъ подать своего голоса о какомъ нибудь Писателѣ прежде Лонгина; и если они и подаваны были, то ни мало не были уважаемы, пока Лонгинъ не сказывалъ своего мнѣнія. Сего не довольно. — Онъ былъ великій Министръ, котораго весьма уважала славная Пальмирская Царица Зиновія, объявившая себя Вос-

тогною Царицею по смерти мужа своего Одената. Она сперва призвала къ себѣ Лонгина для обученія ея Греческому языку, и на конецъ изъ учителя сдѣлала его своимъ Министромъ. Онъ-то ободрялъ сію Царицу къ удержанію за собою титула Восточной Царицы и внушилъ ей, какъ говорятъ, томъ гордой отвѣтъ, которой написала она къ Императору Авреліану, когда сей принуждалъ ее себѣ покориться. Сіе стоило Лонгину жизни. Но смерть сего великаго теловѣка столько дѣлаетъ ему гести, сколько виновнику оной безславія. Лонгинъ перенесъ смерть съ такою удивительною твердостію духа, что даже умирая утѣшалъ сострадавшихъ о его несчастіи. — Это доказываетъ, что онъ былъ не токмо искусной Риторъ, но и Философъ, могущій стоять на ряду съ Сократами и Катонами. Сочиненіе его подтверждаетъ сію истину еще болѣе. Вездѣ виденъ въ ономъ строгая нравственность теловѣка: его чувствованія и мнѣютъ что-то ознагающее не

только высокой умъ, но и душу гораздо выше обыкновенной.

Сочиненіе сіе не велико, да и то не все дошло до нашихъ временъ; ибо многія въ немъ мѣста недостаточны, и цѣлое разсужденіе о страстяхъ, о коихъ Авторъ написалъ особенную книжку, служившую продолженіемъ мною переведенной, потеряно. Не смотря на то, для насъ довольно еще изъ него осталось, чтобъ полугитъ объ Авторъ онаго великія мысли, и сожалѣть о потерѣ другихъ его твореній, коихъ счисляютъ до двадцати, и кои должны быть твореніями вкуса, чистоты и краснорѣчія.

За нужное считаю предварить читателей въ разсужденіи даннаго мною сему творенію заглавія. Въ подлинникѣ оно написано: *peri vψys*, т. е. о Высшѣ или о Высокоспи. Я перевелъ прилагательнымъ именемъ, слѣдующаго принятому на Французскомъ языкѣ слову: *du sublime*. При томъ, и у насъ говорятъ въ Эстетическихъ сочиненіяхъ:

о изящномъ, о прекрасномъ; для того же не сказать и о высокомъ? — Многіе совѣтовали мнѣ перевести: о выпреннемъ, о возвышенномъ, о превосходномъ, также о возвышенности, выпренности, высокопарности. Всякой имѣлъ на то свои притинги; и я также, не послѣдовавъ сему совѣту. Искуснѣйшіе изъ нашихъ Литтераторовъ выборъ мой утвердили.

О переводѣ скажу, что я старался сдѣлать его сколько можно исправнѣе. Я какъ желалъ подарить нашимъ Литтераторамъ не только переводъ Лонгина, но и разсужденіе о высокомъ: то осмѣлился въ иныхъ мѣстахъ сказать свое мнѣніе, въ другихъ прилѣганія либо къ объясненію, либо къ дополненію Автора служащія. Не выходя изъ границъ Комментара, я также позволилъ себѣ приводить изъ нашихъ Авторъ примѣры и сдѣлать нѣкоторыя приношенія къ Россійскому языку.

О В Ы С О К О М Ъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

*Сочиненіе Цецилія о високомъ не-
статочно, и потому именно.*

Разсмапривая вмѣстѣ съ побою,
любезный Теренціанъ (1), сочиненіе Це-
цилія (2) о високомъ, нашли мы, какъ изъ-

(1) Въ подлинникѣ сказано: *Постумій Терен-
ціанъ*. Два сіи имена доказываютъ, что
онъ былъ Римлянинъ; но тотъ ли самой,
кого прекрасное сочиненіе: *De metris* (о
измѣреніи слова или о столахъ) и по нынѣ
находится, или другой какой, навѣрно ска-
зать не можно.

(2) Здѣсь разумѣется Цецилій Риторъ Си-
цилійскій, который славился въ Римѣ во
время Цезарей Юлія и Октавіана, и былъ
другомъ Историку Діонисію Галикарнас-
скому. О немъ, кромѣ другихъ писателей,
упоминаетъ Квинтилианъ, Фотій, Суида и

вѣстно тебѣ, что оно ниже своего предмета, не касается ни мало главных частей онаго и не соответствует той цѣли, которую долженъ имѣть въ виду всякой писатель, т. е.: чтобы сочиненіемъ своимъ принести пользу читателямъ. При томъ, поелику всякая наука пребудетъ: первое, чтобы показанъ былъ предметъ оной; второе — по порядку, но по важности первое — чтобы представлены были средства къ достиженію сего предмета: то сочиненіе Цицерона и въ семъ отношеніи недостаточно. Ибо онъ весьма пространно объясняетъ, въ чемъ состоитъ *высокое*, какъ бы это не было до него извѣстно; а какимъ образомъ достигнуть онаго, о

Плутархъ. Онъ много писалъ сочиненій, и первый написалъ *De sublimi genere dicendi* (о *высокомъ слогѣ*). Родился въ городѣ *Калактѣ*, находившемся на сѣверномъ берегу Сициліи.

семѣ не знаю по чему, какъ о не
жномѣ, не говоритѣ ни слова. Не смо-
тря на то, онѣ не столько охуденія до-
стойнѣ за сіи недоспапки, сколько по-
хвалы за такое предпріятіе и стараніе.

Но какъ ты просишь меня, чтобѣ
и я написалъ что нибудь о семѣ пред-
мѣшѣ, то въ угодностѣ тебѣ посмо-
тримѣ, не сдѣлано ли мною такихѣ на
оной примѣчаній, которыя могутѣ при-
нести пользу Ораторамѣ (3). Одна-
кожѣ за сіе принимаюсь я съ тѣмѣ,
чтобѣ ты, любезный Теренціанѣ, обо
всемѣ сказалъ мнѣ свое мнѣніе съ при-
личною тебѣ искренностію и безпри-
страстіемѣ (4). Ибо „ни чемѣ, по сло-

(3) *ἄνδρας πολιτικούς. мужамѣ гражданскимѣ, об-
щественнымѣ. Подѣ симѣ разумѣетѣ Лон-
гинѣ не столько Правителей республики,
сколько Ораторовѣ, которые говорили о
гражданскихѣ дѣлахѣ на торжищахѣ.*

(4) Лонгинѣ собственнымѣ своимѣ примѣромѣ
доказываетѣ, что надобно спрашивать у

„вамъ одного мудреца (5), не можно
 „столько уподобиться Богамъ, какъ дѣ-
 „лая другимъ добро и говоря истину.”

Впрочемъ, поелику я пишу къ тебѣ,
 любезный другъ, какъ къ человеку свѣду-
 щему въ наукахъ: то почти и не обя-
 занъ предварительно доказывать, что
*высокое въ сочиненіяхъ есть самое возмо-
 жное возвышеніе — превосходство слова* (6),
 и что наилучшіе Поэты и прозаиче-
 скіе писатели не инымъ чемъ, какъ

другихъ мнѣнія о своихъ сочиненіяхъ,
 естли желаемъ, чтобъ оныя были совер-
 шенны. Горацій и Квинтиліанъ во многихъ мѣ-
 стахъ подають намъ такой же совѣтъ. Дру-
 гіе всегда скорѣе могутъ усмотрѣть наши
 недоспашки; самой посредственной умъ
 иногда можетъ примѣтить погрѣшность у
 самаго великаго писателя.

(5) Это правило Цицерона. Двумя дѣяніями, го-
 ворилъ онъ, люди уподобляются Богамъ:
 τό, τε ἀληθεύειν καὶ τὸ εὐεργετεῖν. ш: е: „говоря
 истину и благотворя другимъ.”

(6) Ἀκρότης καὶ ἐξοχή τις ἐστὶ τῆ ὕψης.

симъ приобрѣли первенство и имя свое
увѣнчали безсмертною славою. — Ибо
высокое не просто убѣждаетъ слуша-
теля, но приводитъ его въ восторгъ
и наполняетъ душу удивленіемъ, пре-
восходящимъ всякое убѣжденіе и прі-
ятность. Убѣжденіе большею частію
зависитъ отъ произволенія слуша-
телей; *высокое* же даетъ слову такую
власть и силу, которая всѣхъ слуша-
телей, противъ ихъ воли, внѣ себя при-
водитъ. Искусство изобрѣтенія, по-
рядокъ и расположеніе предмѣтовъ не
изъ одной или изъ двухъ частей сочи-
ненія, — едва изъ цѣлаго состава онаго
примѣшешь можно; *высокое* же, произ-
несенное у мѣста, подобно громовому
удару, все разсыпаетъ, и силу Ора-
тора въ мигъ обнаруживаетъ (7). Но

(7) Еслили что не подлежитъ, кажется, ни
какому раздробленію и даже опредѣленію,

сказанное мною и все, что могу еще
сказать сему подобнаго, столько тебѣ

говоритъ Ла Гарпъ, то безъ сомнѣнія *высокое*,
Въ самомъ дѣлѣ, какъ опредѣлить то,
что никогда не можетъ быть приговле-
но Поэтомъ или Ораиторомъ, ни предвидѣно
чипашелями или слушателями; что не ина-
че производится какъ только восторгомъ,
не иначе чувствуется какъ съ изступлені-
емъ; что равно приводитъ внѣ себя какъ
Архиспа, который произвелъ оное, такъ
и толпу ему удивляющуюся? Какъ изъ-
яснишь такое впечатлѣніе, которое вмѣ-
стѣ и живѣе и быстрѣе всѣхъ впечатлѣ-
ній? Да и какое изъясненіе не холодно и не-
достаточно, когда надобно показать дру-
гимъ то, что привело въ столь сильное
потрясеніе всѣхъ душевныя ихъ силы? Кому
не извѣстно, что во всѣхъ чрезвычайныхъ
чувствованіяхъ есть нѣчто превышающее
всякое выраженіе, и когда душа наша до нѣ-
котораго степеніи бываетъ въ восхищеніи,
то она нѣкоторымъ образомъ спраждетъ,
не находя словъ для изображенія онаго. —
Что жъ такое сдѣлалъ Лонгинъ въ своемъ
разсужденіи о *высокомъ*, продолжаетъ Ла
Гарпъ, если не можно ни опредѣлить она-
го, ни раздробить? Онъ хотѣлъ, говоритъ

изъ опыта извѣстно, что ты самъ можешь другимъ преподашь въ томъ правила.

онъ, рассуждать не о *высокомъ*, но о томъ, что у Риторовъ называется высокимъ слогомъ, въ противоположеніи слогу простому и посредственному или умѣренному. Такъ говоритъ Ла Гарпъ; и мнѣніе его, кажется, мнѣ основательно; хотя весьма многіе примѣры въ сочиненіи Лонгина убѣждаютъ вѣрить г-ну Боало.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Есть ли правила для высокаго?

Прежде всего надобно разсмотрѣть: есть ли наука для *высокаго*? Ибо желаніе подвесити оное подъ правила, нѣкоторые почитаютъ заблужденіемъ, и говорятъ, что высокое есть даръ не искусства, но природы; что единственное для него искусство — съ нимъ родиться. Они

даже думаютъ, что произведенія природы лишаются отъ правилъ своего величества, слабѣютъ и дѣлаются сухими.

Чтожъ касается до меня, я совсѣмъ иначе думаю; да и всякому, кто только захочетъ вникнуть въ существо вещи, ясно видѣть можно, что хотя природа въ возвышенномъ и страстномъ (1) по большей части бываетъ самовластна; однакожъ не безразсудно предается своему стремленію и не вовсе оппмешаетъ искусство. Нѣтъ сомнѣнія, что во всѣхъ произведеніяхъ должно полагать природу первымъ и главнымъ основаніемъ; но какимъ образомъ, гдѣ и когда употреблять оную непогрѣшительно, сему научаютъ насъ правила. Какъ оставленный самому себѣ не довольно нагруженный корабль подверженъ опасности: такъ

(1) Пашетическомъ.

равно и *высокое*, естли оно предается одному только своему спремленію ■ безразсудной опважности; ибо часто нужно ему сколько побужденіе, сполько и обузданіе. *Дилосоенъ* сказалъ, что величайшее благо въ жизни человѣческой есть щастіе; а другое, не меньшее того, благоразумное онымъ наслажденіе, безъ чего и первое быть не можеть: то же самое сказать можно и о сочиненіяхъ; такъ что щастіе замѣняется въ нихъ природою, а благоразуміе *искусствомъ* или *наукою*. Но всего важнѣе то, что и самое сіе знаніе, что есть въ слогѣ нѣчто долженствующее быть предоставленнымъ одной природѣ, приобрѣтается помощію искусства (2). По-

(2) Искусство не можетъ создать Генія; но можетъ управлять имъ, естли кто имъ одаренъ. Правила не могутъ наградить скудости въ дарованіяхъ; но могутъ удержать въ границахъ излишество въ оныхъ,

чему я и не сомнѣваюсь, что естли бы кто хотѣлъ охуждать мое стараніе подвести *высокое* подъ правила (3), то вникнувъ въ сказанное мною, перемѣнитъ свои мысли, и мое о семъ предмѣтѣ умозрѣніе не почтетъ излишнимъ и безполезнымъ.

предписать имъ путь, по которому ипши они должны, удалить отъ великихъ и грубыхъ погрѣшностей, словомъ: — могутъ даровать *вкусъ*. *Геній безъ вкуса* можетъ надѣлать весьма много и при томъ самыхъ важныхъ ошибокъ, и что хуже всего, не будетъ ихъ чувствовать; на противъ, *Геній со вкусомъ* никогда ихъ не сдѣлаетъ.

- (3) Изъ сего наиболѣе видно, что Лонгинъ собственно такъ называемое *высокое* сливаетъ съ *высокимъ* *слогомъ*. Ибо можно будучи съ дарованіями научиться изъ правилъ хорошо писать; но бытъ *высокимъ* мы не научаемся.
-

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

О пустой *надутости* и о *слогѣ*
ребяtesкомѣ.

* • •

„И (1) не уняли бы ужаснаго
„пламени, изъ горнила выходящаго. Ибо
„есъли только увижу хозяина, то
„однимъ свиткомъ пламени зажгу домъ
„его и превращу въ пепелъ. Но нынѣ

(1) Тутъ многого недостаетъ въ подлинникѣ. Лонгинъ, не приступая еще къ правиламъ *высокаго*, началъ разсуждать о противныхъ оному порокахъ, между коими первое мѣсто занимаетъ *слогъ надутый, лухлой, ребяtesкой*, которой состоитъ въ чрезмѣрной, вынужденной, неестественной высокости. А чтобъ лучше доказать вздорность онаго, онъ привелъ въ примѣръ изъ какого-то Греческаго Трагика стихи, изъ коихъ осталось только пять. Но какъ они сами по себѣ вздорны, то съ потерей предыдущихъ, еще болѣе сдѣлались таковыми; по чему я не виноватъ, есъли сіе

„я (2) не началъ еще играть сей величественной пѣсни.”

„Изрываютъ на небо, свитокъ пламени,
„представляютъ Борея трубачемъ” ■ другія
слѣдующія за сими въ трагедіи выра-
женія, суть болѣе нежели трагическія
и вздорныя; ибо они таковымъ не-
пытнымъ изображеніемъ больше обезобрази-
ли и зашмили рѣчь, нежели придали ей
силы и величества (3); такъ что есть-

мѣсто читателямъ не понравится. Для
знающихъ же Греческій языкъ помѣщаю
здѣсь оригиналъ:

Καὶ μὴ καμίνε σχῶσι μάστιγον σέλας.
Ἐὶ γάρ τιν' ἐσιῶχον ὄψομαι μόνον,
Μίαν παρείρας πλεντάνην χειμάρροον,
Στέγη πυρώσω, καὶ καταυβρακώσομαι,
Νῦν δ' ἔκ κείραγά πω τὸ γενναῖον μέλος.

(2) Борей говоритъ о себѣ, любуясь сказан-
ными имъ стихами.

(3) Виргилія такъ же упрекающъ симъ поро-
комъ въ описаніи горы Этны:

„Horrificis iuxta tonans Aetna ruinis
„Interdum atram prorumpit ad aethera nubem,

она можетъ быть терпима въ обыкновенныхъ родахъ сочиненія. По чему не лзя не смѣяться и надъ *Торгіемъ Леонтійскимъ* (4), что онъ въ своемъ

Утробу собственную изрвгати, ■ при томъ, какъ стоишъ въ подлинникъ, состоишъ, — такое уподобленіе горы человеку, до пьянства виномъ упившемуся, рѣчь весьма унижаетъ. Вотъ другой примѣръ надутаго слога изъ Малерба, въ которомъ описывается покаяніе св. Апостола Павла: „тогда его восклицанія возшумѣли „подобно грому; его воздыханія сдѣлались „вѣтрами, дубъ поражающими; его слезы, „которыя иногда текли по ланишамъ, „уподоблялись ручью спрежнему съ вы- „сокихъ горъ, которой раззоряя и пошун- „ляя окрестныя поля хочетъ превращишъ „въ Океанъ всю вселенную.“

(4) *Торгій Леонтійскій*, славный Софистъ и Орапоръ. Сograждане его, во время войны съ Сиракузянами въ 417 году до Р. Х. оправили его Депушомъ къ Аѣинянамъ, просить у нихъ помощи прошивъ непріятелей. Онъ такъ плѣнилъ Аѣинянъ краснорѣчіемъ своимъ, что все получилъ по желанію; по томъ блисталъ онымъ на Олимпійскихъ и Писійскихъ играхъ, гдѣ принималъ

сочиненіи назвалъ Ксеркса *Персидскимъ Юпитеромъ*, а коршуновъ *одушевленными гробами* (5). Такое же дѣйствіе производятъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сочиненія Калисѣена (6), который, стараясь возвыситься, иногда перяется въ обла-

былъ отъ всей Греціи съ рукоплесканіями; а въ Дельфахъ въ честь его даже воздвигнута была золотая статуя. Не смотря однакожъ на всю его славу, онъ не избѣжалъ строгой критики нашего Ритора-Философа.

(5) Подобное сему *Евнатій*, сказалъ о нашемъ Лонгинѣ: *Лонгинъ былъ ἐμφυχὸς βιβλιοθήκη, (одушевленная библіотека), περιπατῶν μουσείον (ходящій музей)*. Однакожъ нѣкоторые писатели оправдываютъ сіи выраженія.

(6) Тотъ самый, котораго *Аристотель* рекомендовалъ *Александру Великому* для укрощенія пылкихъ его спрасей. Но Калисѣенъ, будучи больше нелюдимъ, нежели придворной челоуѣкъ, не умѣлъ заставить его любить добродѣтель. Онъ сочиненія свои почиталъ выше завоеваній Александровыхъ. Чтожъ касается до его слога, Аристоель говоритъ, что

кахъ. Но еще гораздо болѣе обоихъ
сихъ писателей надупѣ Клипархъ (7),
коему весьма приличны слѣдующіе Со-
фокловы стихи:

*Онъ въ малую свирѣль изъ всего рта
дуетъ (8).*

онъ былъ въ словѣ силенъ и великъ, но
не имѣлъ благоразумія.

- (7) Писалъ исторію о дѣяніяхъ Александра
Великаго. Отзываетъ Лонгина о его словѣ
весьма справедливъ. — Въ доказатель-
ство сего сподобился только привести
то мѣсто, гдѣ онъ говоритъ о пчелѣ:
*κητιμέταυ τῇν ὄρεινῃν, εἰσιπταταυ δὲ εἰς τὰς κολλὰς
δρύς.* т. е. она пасется на горахъ и
влѣтаетъ въ пусшыя дубы.
- (8) (Φυσῶ) σπινροῖς μὲν αὐλίστοις, Φορβείῃς δ' ἄτερ.
До слова это значить: “дуетъ въ ма-
ленькія дудки, но безъ ремешка.” Боало такъ
перевелъ: *ouvre une grande bouche pour
souffler dans une petite flûte.* Чтobъ слова
сіи были вразумительнѣе, я также опи-
ступилъ отъ подлинника. Но дабы объ-
яснить, что значить *Φορβείῃς*, надобно прежде
знать, что у древнихъ свирѣли или флей-
шы были весьма отличны отъ нынѣшнихъ.

Сюда опнеспи можно такъ же
Амфикраша (9), Гегезія (10), Мапри-

Ибо звукъ ихъ былъ гораздо громчѣе, и подобенъ звуку трубы. По чему, для игранія на нихъ, требовалось гораздо больше духу, и слѣдовательно надлежало чрезвычайно надувать щеки, что было безобразно. Сіе-то самое произвело къ сему инструменшу отвращеніе въ Минервъ и Алкивіадъ. Для избѣжанія такой непріятности, выдуманъ узенькой ремешекъ, копорой прикладывали ко рту и на зашылкѣ завязывали; въ срединѣ ремешка была дырочка, чрезъ которую можно было дуть въ флейшу. Сей ремешекъ назывался *φορβειά* и производилъ два различныя дѣйствія; ибо кромѣ того, что сжимая щеки не давалъ имъ надуваться, онъ придавалъ при томъ болѣе силы дыханію, копорое выходило изо рта гораздо съ большимъ стремленіемъ и пріятностію. И такъ Авторъ, желая изобразить надменнаго Стихотворца, копорой *дуетъ и досаждаетъ, что не производитъ никакого шума*, сравниваетъ его съ человекомъ играющимъ на флейшѣ безъ сего ремешка.

(9) Писалъ о знаменитыхъ мужахъ.

(10) Много было писателей сего имени. Вѣроятно, что здѣсь разумѣется тотъ, о

да (11), кошорые иногда воображая себя вдохновенными, бредящѣ и ребячески вуютѣ. Крапко сказащѣ, естѣли чего, шо наипаче надупости, прудно избѣжащѣ вѣ сочиненіи. Ибо всѣ тѣ, кои спре- мящѣ кѣ величественному, избѣгая при- знанія своей слабости и сухости, не знаю какѣ, обыкновенно впадающѣ вѣ сей порокѣ (12), на основаніи слѣдую- щаго снixa:

*Участъ сѣ велигествомѣ порокѣ естѣ
благородный (13).*

которомѣ Діонисій Галикарнасскій вѣ сво- ей книгѣ о словосогиненіи говоритѣ: сей родѣ согиненія естѣ Гегезіевѣ; ибо онѣ нагальникѣ таковыхѣ вздоровѣ.

(11) Матридѣ писалѣ похвалу Геркулесу.

(12) Чѣмѣ меньше кто имѣетѣ дарованій, тѣмѣ болѣе стараецѣя возвышатѣся и разпространятѣся; подобно какѣ малоро- слые подымающѣся на пальцы и слабые много грозятѣся. *Квинтил.* Кн. II. гл. 3.

(13) Μεγάλως ἀπολιβαίνειν, ἀμείψτην' εὐγενές. Боало перевелѣ слѣдующимѣ образомѣ: dans un noble projet on tombe noblement; а Толлій

Не смотря на то, надутость и пух-
лость сколько вредна въ шѣлѣ, сполько
и въ рѣчи; она имѣетъ обманчивую на-
ружность и не рѣдко производитъ дѣй-
ствіе совсѣмъ противное нашему намѣ-
ренію. „Ибо нѣтъ, говорятъ, ничего су-
ше водяной болѣзни,,. Впрочемъ наду-
тость извинительна тѣмъ, что она
старается превзойти *высокое*; а ребя-
ческой слогъ совершенно противенъ *вы-*
сокому по тому, что онъ свойственъ
низкой, мѣлкой и не имѣющей никакого
благородства душѣ.

Чтожъ такое есть *слогъ ребяческой*?
Не иное что, какъ слогъ школьной, ко-
торой отъ излишней заботливости о
украшеніи, дѣлается холоднымъ. Въ сей
порокъ впадаютъ и тѣ, кои желая быть

такъ: Si cadendum est mihi, caelo cecidisse
velim. т. е. *Коль должно мнѣ уласть, хоту*
уласть я съ неба.

чрезвычайными и вишієвапыми, а особливо пріяпными, говорящѣ пропами (14) и блистающѣ ложною красою.

Есть еще прешій подобный сему порокѣ въ спраспномѣ патетическомѣ родѣ рѣчи и называется у Θεодора (15) неумѣстнымѣ воспоргомѣ (*παρένθρσον*). Онѣ состоитѣ въ показаніи спраспи не во время и безѣ всякой нужды, или въ неумѣренности обнаруженной тамѣ, гдѣ бы надлежало быть спокойнымѣ. Часпо Орапоры, какѣ бы въ нѣкошоромѣ упоеніи, предаются такимѣ спраспиямѣ, ко-

(14) Здѣсь охуждается излишнее стараніе о тропахѣ, а не благоразумное употребленіе оныхѣ.

(15) Здѣсь разумѣется Θεодорѣ Гадерейскій, который обучалѣ Цесаря Тиверія. Онѣ писалѣ между прочимѣ *Περὶ Ῥήτορος δυνάμειος* (о способности Орапорской), гдѣ говоритѣ и *περὶ παρένθρσος*. Въ сей порокѣ впадаемѣ, когда о маловажныхѣ вещахѣ говоримѣ съ важностію.

порья во все предмѣту ихъ не приличны, а только имъ однимъ свойственны и изъ школы вынесены. По чему и случается, что они производятъ въ слушателяхъ не удивленіе, но смѣхъ и отвращеніе; ибо ихъ испуленіе слушателямъ не сообщается. — Но о спрасяхъ мы еще будемъ имѣть случай говорить въ другомъ мѣстѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О слогѣ холодноѣ.

Тимей (1) сказаннымъ мною ребяческимъ и холоднымъ слогомъ преисполненъ. Впрочемъ онъ (2) имѣетъ глубо-

(1) Историкъ, который говорилъ о себѣ, что онъ легко можетъ превзойти Фукидида важностію и силою.

(2) Цицеронъ также довольно хвалитъ его въ 11 кн. de Oratore гл. XIV. Minimus natu horum omnium Timaeus; quantum autem judi-

кія свѣденія; иногда не скуденъ бываетъ въ величествѣ слова; изобилень въ вещахъ и замысловатыхъ выраженіяхъ; только чрезвычайно любитъ оуждать чужіе пороки, а собственныхъ не чувствуетъ, (3) и имѣя спрость вездѣ блистаетъ новыми мыслями, часто впадаетъ въ не-

care possum, longe eruditissimus, et rerum copia et sententiarum varietate abundantissimus et ipsa compositione verborum non impolitus magnam eloquentiam ad scribendum attulit.

- (3) Ничего нѣтъ несноснѣе такого писателя, который, не видя собственныхъ недостатковъ, находитъ оныя въ самыхъ лучшихъ писателяхъ; а особливо когда считаемые имъ таковыми не могутъ назваться недостатками. Наши молодые писатели симъ порокомъ заражены. Мой совѣтъ, быть какъ можно скромнѣе въ сужденіи о первостатейныхъ писателяхъ въ первые годы авторства, если желательнѣе быть когда нибудь великимъ писателемъ. Недовѣрять къ своимъ талантамъ есть наилучшій способъ рано или поздно обратить на нихъ вниманіе.

сносное ребячество. Въ доказательство сего приведу одинъ или два примѣра; по тому что Цецилій множество ихъ привелъ прежде меня. Желая похвалишь Александра Великаго, онъ говоритъ: „Александръ завоевалъ всю Азію скорбе, нежели Исократъ написалъ ему похвальное слово.“ — Удивительное Александра съ Орапоромъ сравненіе! По швоему, Тимей, мнѣнію, Лакедемоняне въ храбрости и мужествѣ, въ сравненіи съ Исократомъ, весьма не много значатъ; ибо они взяли Мессину чрезъ двадцать (4), а Исократъ написалъ Панигирикъ чрезъ десять лѣтъ.

(4) Въ изданіи, съ котораго я переводилъ, сказано тридцать лѣтъ; я поставилъ двадцать, основываясь на Исторіи и на увѣреніи многихъ Комментаторовъ, которые говорятъ, что у Лонгина точно было написано κ, что значитъ двадцать, а не λ, что значитъ тридцать.

Какое, думали бы вы, употребилъ онъ восклицаніе, говоря объ Аѳинянахъ, взятыхъ въ плѣнъ въ Сициліи? — „И они „наказаны, говоритъ онъ, за то, что „наругались надъ Ерміемъ (Меркуріемъ) „и обезобразили его спашуи; и сей „гнѣвъ Меркурія былъ тѣмъ ощути- „пельнѣе, что онъ совершился чрезъ „одного полководца по имени Ермокраша, „сына Ермонова, производившаго свое „поколѣніе отъ Ермія,. Чипая сіе, любезный Теренціанъ, удивляюсь, какъ не пришло на мысль Тимею, сказать и о Діонисіи Тиранѣ, что какъ онъ не оказывалъ уваженія Дію (5) и Ираклу, то и свергнувъ съ престола Діономъ и Ираклидомъ (6).

(5) *Дій* значитъ Юпитеръ; а *Иракль* тоже что Геркулесъ.

(6) Діонъ — переводя Рускимъ окончаніемъ — надлежало бы сказать Діевичъ; а Ираклидъ — Иракловичъ.

Но для чего я укоряю въ семъ Тимея, когда оныя великіе мужи древности *Ксенофонтъ* и *Платонъ*, вышедшіе изъ школы Сократовой, гоняясь за шаковыми мѣлочами, иногда сами себя забываютъ? Первый изъ нихъ въ разсужденіи своемъ о Лакедемонской Республикѣ пишетъ такъ: „они столько же „говорятъ, какъ бы были каменные, лица ихъ столькоже обращаются какъ бы были мѣдныя; а въ стыдливости (7) превосходятъ они даже тѣ части глазъ, которыя по Гречески называются *παρθένοι* (дѣвицами), (8)“. Амфикрапу (9), а не

(7) Ксенофонтъ говоритъ въ семъ мѣстѣ о *Λικυργῆς*, который предписалъ такъ воспитывать юношей, чтобъ они были скромнѣе и стыдливѣе женскаго пола.

(8) *Ἀιδιμονεσέρεος δ' αὖ αὐτὰς ἡγήσατο καὶ αὐτῶν τῶν ἐν τοῖς ὀφθαλμοῖς παρθένων.*

Всѣ Комментаторы согласны въ томъ, что у Ксенофонта вмѣсто *ὀφθαλμοῖς* сказано было *θαλάμοις*; тогда будетъ слѣдую-

Ксенофонту было бы приличнѣе зрачки
глазѣ названъ спыдливыми дѣвицами. —
Не странное ли дѣло, хотѣшь увѣришь,
что всѣ зрачки глазѣ спыдливы, между
тѣмъ какъ, по увѣренію многихъ, ни
гдѣ сполько не обнаруживается без-
спыдство, какъ въ глазахъ? Но сей при-
чинѣ и Омирѣ о безстыдномъ человѣкѣ
говоритъ: *пояница, съ несвили глазами!*
Но какъ ни холодна сія Ксенофонтова
мысль, Тимей не погнушался ■ оною,
какъ такою вещію, копорую можно бы-
ло похитить (10). Ибо онѣ въ одномъ

щій смыслъ приведенныхъ изъ него словъ:
*въ стыдливости превосходятъ даже дѣ-
вицъ въ брачныхъ тертогахъ.* Лонгинъ
вѣрно судилъ о семъ мѣстѣ по памяти
и не справясь съ самимъ Ксенофонтомъ.
Ибо не лзя спаться, чтобъ Ксенофонтъ
сказалъ такую нелѣпость.

(9) *Амфиократъ*, Греческій историкъ, писалъ
о знаменитыхъ мужахъ.

(10) „Какъ вещію положенною гдѣ нибудь
„такъ, что можно ее украсть; какъ ве-

мѣстѣ обѣ Агаѳоклѣ, который насильно увелъ отъ мужа двоюродную сестру свою на другой день свадьбы ея, говоритъ такъ: „кто бы могъ другой сдѣ-
„лашь сіе, кромѣ имѣющаго въ глазахъ
„безстыдные зрачки? (11). Чтожъ ска-
зать о Платонѣ, впрочемъ божествен-
номъ (12), который о кипарисныхъ

щю не припрятанною“ — Вотъ что Лон-
гинъ хочеть сказать чрезъ слово *Φάριον*,
дабы доказать худой вкусъ и Авторскую
недобросовѣстность *Тимея*.

(11) *κόρας πόρις* — значитъ также и *нелотреб-
ныхъ, безстыдныхъ дѣвицъ*.

(12) Можно бы перевести не слишкомъ придер-
живаясь подлинника: о *Превосходномъ, вели-
комъ Платонѣ*; но я перевелъ до слова: бо-
жественный Платонъ, *Θεῖος Πλάτων, Divinus
Plato*, по тому, что сіе прилагательное имя
дано Платону не безъ основанія. Во всѣхъ
надгробіяхъ, которыя Діогенъ Лаерцій по-
мѣстилъ въ его жизни, оно, изъ отлич-
наго къ его твореніямъ уваженія, припи-
сывается ему какъ существенное, неотъ-
емлемое. *Плотинъ*, учитель нашего Ав-

доскахъ (13) говоритъ такъ: „написавъ,
 „что надобно, положатъ сіи кипарисные
 „памятники во храмахъ“; и въ другомъ
 „мѣстѣ о стѣнахъ: что касается до
 „стѣнъ, о Мегеллѣ! я согласенъ съ мнѣ-

тора, едва не выпросилъ было у Импера-
 тора *Галіена*, чтобъ построили городъ
 во имя сего великаго философа, *Плато-
 нополь*, въ которомъ бы жили философы
 по его законамъ. Сверхъ того Платонъ
 прозванъ былъ пчелою Аптики и Омиромъ
 философовъ. — Но кто не имѣетъ недо-
 статковъ? Ксенофонтъ, упоминаемый Лон-
 гиномъ, также прозванъ былъ за свое кра-
 снорѣчіе Аптической Музою; но также
 какъ и Платонъ, не избѣжалъ его кри-
 тики.

(13) *Δέλτα*. Подъ симъ словомъ разумѣются
 здѣсь тѣ доски или скрижали, на кото-
 рыхъ древніе писали общественныя по-
 становленія, договоры и тому подобное.
 Впрочемъ всякія доски для писанья при-
 гошовденныя и книги назывались симъ
 именемъ по тому, что онѣ дѣлаемы бы-
 ли изъ мѣди, изъ дерева и другихъ мате-
 ріаловъ на подобіе Греческой треугольной
 буквы Δ, называемой делтою.

„ніемъ Спаршанцевъ, чшобъ оставишь
 „оныя спящими на землѣ, и никогда не
 „разбужать“. Не далеко опходитъ отъ
 сего и Иродотъ, назвавъ прекрасныхъ
 женщинъ болѣзною для глазъ (14). Хо-
 тя сіе выраженіе нѣкоторымъ образомъ
 извинительно, ибо у Иродота это го-
 ворятъ варвары, и при томъ пьяные:
 однакожъ и для таковыхъ лицъ не над-
 лежало бы изъ мѣлкаго удовольствія
 хорошее сочиненіе обезображиваць и
 подвергати суду потомства.

(14) Ἀλγιδόνας ὀφθαλμῶν. Это говорятъ Персид-
 скіе послы предъ Македонскимъ Царемъ
 Аминтомъ въ книгѣ V у Иродота. Боало
 находитъ сіе выраженіе также холоднымъ,
 но многіе оправдываютъ оное. Одинъ Гре-
 ческій писатель назвалъ цвѣты ἐορτήν
 ὀψεως, праздникомъ зрѣнія; а зелень πυχίγγυρι
 ὀφθαλμῶν, торжествомъ глазъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Откуда происходят вышесказанные пороки.

Всѣ таковыя прошивныя важности слога пороки не отъ инаго чего происходятъ, какъ отъ приспраспїя къ новымъ мыслямъ, къ которымъ нынѣшніе писатели (1), до безумїя привязались. Ибо недоспашки почти изъ того же самаго источника произтекаютъ, изъ котораго и совершенства (2). Такимъ образомъ что въ нѣкоторыхъ случаяхъ удивительно способствуешь къ возвышенію рѣчи, какъ на прим. красо-

(1) Лонгинъ разумѣетъ подъ симъ своихъ современниковъ; но тоже можно сказать и о многихъ изъ нашихъ писателей.

(2) Прекрасно о семъ сказалъ Гораций въ слѣдующихъ стихахъ:

Decipimur specie recti. brevis esse laboro,

Obscurus fio: sectantem levia, nervi

Deficiunt animique: professus grandia turget:

Serpit humi tutus nimium, timidus que procellae. m. e.

пы слововыраженія, высокостъ мыслей и пріятность, то иногда бываетъ причиною прошивнаго сему дѣйствія, какъ легко можно видѣть сіе въ *Метасолахъ*, *Иперволахъ* и фигурахъ называемыхъ *Множественными* (3). Мы покажемъ ниже, сколь опасно употреблять оныя. По чему и надобно теперь найши и утвер-

Мы обманываемся наружностию добра. Я, желая быть краткимъ, дѣлаюсь темнымъ; другой стараясь о исправности и лавности своего сочиненія, отнимаетъ у онаго крепость и силу; иной стараясь быть высокимъ надувается, а другой не смѣя возвыситься, дабы не потеряться въ облакахъ, пресмыкается по землѣ. de arte Poetica. — Краснорѣчіе есть море; кто пускается въ оное съ благоразуміемъ, тошъ ни слишкомъ удаляется отъ берега, ни слишкомъ его держится. Въ первомъ случаѣ онъ могъ бы погибнуть въ волнахъ; а въ послѣднемъ разбить свой корабль о берегъ.

(3) Когда вмѣсто единственнаго числа употребляется множественное. напр. *Петры*, *Генрихи*, *Титы*.

дѣть способъ, по которому бы можно было избѣжать пороковъ, вкрадывающихся въ высокое.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

*Трудно научиться узнавать истинно
высокое.*

Сей способъ, любезной другъ, состоишь въ томъ, когда мы прежде приобрѣтемъ ясное объ истинно - высокомъ понятіе и способность здраво судить; хотя въ прочемъ это не малаго стоить труда. Ибо сужденіе о сочиненіяхъ есть послѣдній, такъ сказать, плодъ долговременнаго упражненія и опытности (1).

(1) Чтожъ послѣ сего значатъ слѣдующіе стихи :

La Critique est aisée, mais l'art est difficile ?
Не иное что, какъ легкая, свойственная молодымъ умамъ, критика, которая есть одно только порицаніе и оужденіе безъ дальней

Не смотря на то, здѣсь можетъ быть
покажемъ кратчайшій путь къ доспи-
женію сего совершенства.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Какъ можно узнать высокое?

Надобно знать, любезный другъ,
что въ общежитіи ничто не можетъ
назваться великимъ такое, презрѣніе
чего почиается за великое дѣло; какъ
на примѣръ: богатство, почести, слава,
достоинства, власть и другія блага,
которыя прельщаютъ только наружно-

заботы о справедливости и тонкости
примѣчаній. Нашъ великій критикъ
разумѣетъ подъ критикою или сужде-
ніемъ, какъ вы сами видите, прямую, без-
пристрастную оцѣнку, дѣлаемую разсуд-
комъ и вкусомъ подлинному достоинству
и превосходству твореній ума и даро-
ваній.

стію, а вѣ очахъ разумнаго чловѣка никогда не могутъ быть превосходнымъ благомъ; ибо самое презрѣніе оныхъ не малое составляетъ достоинство. Отсюда происходитъ, что мы больше удивляемся тѣмъ, которые могутъ все поимѣть, но по душевному величію презираютъ, нежели имѣющимъ оное (1).

Тоже самое наблюдать должно и вѣ разсужденіи поэмъ и рѣчей, дабы вѣ нихъ не счесть возвышеннымъ такого, что имѣетъ только видъ онаго и что обыкновенно состоитъ вѣ наборѣ громкихъ словъ, которыя по спрогосъ разсмотрѣніи оказываются пустыми, надутыми и пошлему достойными больше презрѣнія, нежели удивленія. Ибо душа наша, услышавъ истинное высокое, естественнымъ какимъ то образомъ

(1) Фокіоны, и Фабриціи гораздо болѣе удивляютъ насъ, нежели Лукуллы ■ Крассы.

возвышается, и принявъ на себя нѣкоторую гордую осанку, исполняется радостію и щеславіемъ, какъ бы слышанное ею было собственнымъ ея произведеніемъ (2). И такъ, еспли какое мѣсто въ сочиненіи, слышанное нѣскольکو разъ кѣмъ нибудь знающимъ и искусившимся въ краснорѣчіи, не расположитъ души его къ высокоумію, и ничего кромѣ произнесеннаго не оставитъ въ умѣ для умозрѣнія; а напрошивъ часто будучи разсматриваемо, опѣ часу болѣе будетъ понижаться и наконецъ во все упадетъ: въ такомъ мѣстѣ нѣтъ истиннаго высокаго, по тому что оно нравится только слуху, и не проходитъ

(2) Лагарпъ приводитъ во IIй главѣ Лицея нѣсколько опредѣленій *высокаго*, которыя сдѣланы новѣйшими писателями; но онъ же находитъ въ нихъ и недостатокъ. Кому угодно, можетъ при семъ случаѣ прочесть оныя.

далѣе. Истинно — великое (3) есть то, что заставляетъ душу долго заниматься онымъ; чему не только трудно, но и не возможно пропивиться и что оставляетъ по себѣ сильное и неизгладимое впечатлѣніе въ памяти. Словомъ: истин-

(3) Примѣтите, что Лонгинъ часто безъ разбору употребляетъ слова *высокое* и *великое*. Въ семъ мѣстѣ у него сказано: *τῷ ὄντι μέγα. π. е. по истинѣ, подлинно великое*, что кажется разности не дѣлаетъ съ высокимъ; однакожъ если судить строго, а особливо въ отношеніи къ другимъ мѣстамъ, гдѣ онъ сіе слово употребляетъ, то *великое* не можетъ замѣнить *высокаго*. Великое (*le grand*) приемлетъ еще большую или меньшую степень совершенства; но высокое, никакой. Когда кто нибудь подходитъ въ первой разѣ къ памятнику ПЕТРА Великаго ■ читаетъ надпись: *ПЕТРУ Первому ЕКАТЕРИНА Вторая*, то онъ вдругъ чувствуетъ въ себѣ все, что желательно было сказать сими словами. Постарайтесь представить себѣ что нибудь такое, что бы можно было сказать вмѣсто сего, вы всегда останетесь ниже. — Вошъ высокое!

нымъ и дѣйствительно — высокимъ должно почитать такое, которое всегда и всѣмъ нравится (4). Ибо если о чемъ нибудь всѣ, будучи различныхъ склонностей, нравовъ, обычаевъ, лѣтъ и знаній, будучи одинакаго мнѣнія: то сіе единомысленное несогласныхъ впрочемъ между собою умовъ сужденіе и одобреніе твердую и несомнительную внушаетъ вѣру къ тому, что произвело удивленіе (5).

(4) Кажется, я понялъ сіи слова: ὅλας δὲ καλὰ νομίζε ἱφθ καὶ ἀληθινὰ τὰ διαπαντὸς ἀρεστοῦτα καὶ πάντι. Истинное высокое для всѣхъ временъ и лицъ есть высокое; а ложное только для не имѣющихъ еще здраваго вкуса кажется таковымъ, и потому можетъ имѣть свою силу надъ нѣкоторыми только умами, да и то на самое короткое время, т. е. пока они не въ состояніи еще примѣтить обманчивую наружность онаго.

(5) Слово удивленіе въ концѣ сего періода есть то, что Логики называютъ *отличительнымъ знакомъ* (nota characteristica); ибо прочее все прилично также и

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

О пяти источникахъ высокаго.

Я счисляю пять обильнѣйшихъ источниковъ *Высокаго*, предполагая какъ бы въ общее основаніе онымъ даръ

прекрасному либо *изящному*. Трудно и для самаго Лонгина, какъ примѣрно, опѣнить словами впечатлѣніе *высокаго* отъ впечатлѣнія производимаго *прекраснымъ* или *изящнымъ*; хотя разность между ими въ душѣ нашей весьма ощутительна. Первое изъ нихъ есть родъ какого-то внутреннего, такъ сказать, разширенія, возноситъ духъ гораздо выше обыкновенной степени, и производитъ въ немъ сильное движеніе, которое конечно имѣетъ въ себѣ пріятность, но важнаго рода и нѣкоторымъ образомъ приближается къ суровому и строгому. Последнее такъ же производитъ въ духъ сильное движеніе, но смѣшанное съ какою то веселостію и живостію. Впрочемъ мы легко можемъ дать отчетъ въ чувствованіяхъ произведенныхъ изящнымъ и прекраснымъ; но въ произведенныхъ *высокимъ* сдѣлать того не въ силахъ. Когда мы слышимъ прекрасную сцену, прекрасной отрывокъ поэзіи или прозы,

краснорѣчія (1), безъ котораго все прочее ничего не значитъ.

и насъ спросятъ, для чего онъ приносилъ намъ удовольствіе: то всякой по своимъ знаніямъ можетъ сказать тому причину, и болѣе либо менѣе хвалить въ такомъ сочиненіи сложность или подробности мыслей, украшенія, согласіе, словомъ: все о чемъ искусство научаетъ хорошо судить. Но когда великій Сципіонъ, осужденный трибунами, является въ собраніе народа и вмѣсто всякаго защищенія говоритъ: *Римляне! двадцать лѣтъ тому, какъ я въ такой же день побѣдилъ Аннибала и покорилъ Карфагенъ. Пойдемъ въ Капитолію принесемъ богамъ благодареніе*; когда при сихъ словахъ поднимается всеобщій крикъ и всѣ за Сципіономъ послѣдуютъ; тогда если бы кто нибудь спросилъ народъ, для чего онъ находитъ слова сіи такъ прекрасными: то кто бы захотѣлъ отвѣчать на странной сей вопросъ, да ■ что такое можно было бы тогда отвѣтствовать, кромѣ того, что это прекрасно потому, что мы приведены въ себя; что Сципіонъ имѣетъ высокія чувствованія ■ что *высокому* свойственно всѣхъ покорять себѣ?

(1) *Εν τῷ λέγειν δύαρεως, способность говорить*; изъ сего видѣть можно, что

Первый ■ превосходнѣйшій изъ нихъ
 есть *счастливая отважность мыслей*, такъ
 какъ сіе показано уже нами въ толко-
 ваніи Ксенофоновыхъ сочиненій (2);
 второй, *силовая и изступленная страсть*
 (3); и сіи два источника по большей ча-
 сти суть даръ природы; а послѣдніе
 при приобретаются искусствомъ. Тре-
 тій источникъ есть *пристойное соста-
 вленіе фигуръ*, изъ коихъ однѣ суть фи-
 гуры *мыслей*, а другія *речей*. Четвертый,

Лонгинъ хочетъ здѣсь преподавать правила
 къ усовершенствованію сей способности,
 ■ не правила собственно такъ называе-
 маго высокаго, Ибо кому не извѣстно, что
 въ самомъ худомъ сочиненіи можетъ
 встрѣшиться самая высокая черта; и
 напротивъ, самое краснорѣчивое сочине-
 ніе можетъ не имѣть ни одной высокой
 черты?

- (2) Сіе сочиненіе вмѣстѣ со многими други-
 ми не дошло до нашихъ временъ.
 (3) То, что у новыхъ писателей называется
*l'energie des sentimens et des pas-
 sions*,

благородное слововыраженіе, которое состоитъ изъ двухъ частей: изъ выбора словъ и пропическаго ■ украшеннаго слога. Пятой, заключающей въ себѣ всѣ другіе источники, есть величественное и возвышенное словорасположеніе (4).

Показавъ источники высокаго вообще, рассмотримъ теперь въ частности, что каждой изъ нихъ имѣетъ достойнаго примѣчанія. Но скажемъ прежде, что нѣкоторые изъ нихъ Цециліемъ

- (4) Здѣсь словорасположеніе относится къ *Риторическому числу и гармоніи*. — Изъ сихъ источниковъ я почиаю два только имѣющими тѣснѣйшую связь съ *высокимъ*, или лучше съ *высокимъ* слогомъ; и: е: отважность мыслей и сильную ■ изступленную страсть. Чтожъ касается до проповѣй, фигуръ и расположенія словъ, то они больше относятся къ другимъ родамъ сочиненій, нежели къ высокому; ибо ему всего менѣе приличны украшенія.

пропущены, какъ на примѣрѣ спраспъ (5).

Естьли онъ сдѣлалъ сіе для того, что высокое и спраспное почиалъ за одно, такъ что они другъ безъ друга бытъ не можетъ: то онъ обманулся; ибо бывающъ такія спраспи, которыя весьма далеки отъ высокаго и даже низки, каковы суть: сожалѣніе, печаль, страхъ; и на оборотъ, бываетъ высокое безъ всякой спраспи. Сему, между прочимъ, можетъ служишь примѣромъ и то, что Омиръ съ такою отважностію говоришь объ Алоидахъ (6):

(5) *Πάθος*. У нынѣшнихъ Еспешиковъ это называется обыкновенно *патетическимъ*, что значитъ по Руски *страшнымъ*.

(6) *Алой* былъ сынъ *Титана* и *Земли*. Жена его *Ифимедія* лишена была дѣвства *Нептуномъ*, отъ котораго родила двухъ сыновъ *Опа* и *Ефилеша*, проименованныхъ *Алоидами* пошому, что они воспитывались у *Алая*, какъ собственныя его дѣти. *Виргилій* упоминаетъ ■ нихъ въ 6й

„Дабы взойти на небеса ,
 „Хопѣли на Олимпъ взнести огро-
 мну Оссу ,
 „На Оссу же взвалишь лѣсиспый
 Пеліонъ,, (7).

Къ сему присовокупляетъ еще сильнѣй-
 шее и величественнѣйшее мѣсто :

пѣсни Энеиды: „Hic Aloidas geminos im-
 mania vidi corpora,,. Многие думаютъ ,
 что Виргилій въ семъ мѣстѣ превзошелъ
 Омира.

- (7) Въ семъ примѣрѣ нѣтъ ничего стра-
 сшнаго ; но вся высокость онаго про-
 изходитъ какъ отъ того , что Алои-
 дамъ приписывается чрезвѣстственная
 сила, съ которою они вносятъ од-
 ну гору на другую , такъ и отъ того ,
 что они имѣютъ намѣреніе чрезвычай-
 ное — взойти на небо. — На противъ ,
 въ томъ мѣстѣ , гдѣ Димитрій Самозва-
 нецъ говоритъ : *ахъ! естли бѣи со мной*
погибла вся вселенна — высокое произ-
 ходитъ отъ страха, т. е. отъ отчая-
 нія, съ которымъ онъ желаетъ, чтобъ съ
 нимъ вмѣстѣ погибъ весь свѣтъ.

„И то моглибъ свершить, и проч. (8) Сверхъ того похвальныя слова Орапоровъ и другія сочиненія, которыя пишущся только для показанія ума, хотя много заключающъ въ себѣ высокости и великолѣпія, но спрасшнаго по большей части лишены бывающъ. Отсюда происходишъ, что весьма не многіе способны къ похвальнымъ словамъ извѣстныхъ Орапоровъ, которые способны къ возбужденію спрасшей; и на противѣшъ, которые опличаются въ похвальныхъ словахъ, къ возбужденію спрасшей не способны.

Впрочемъ, естли Цецилій думалъ, что спрасшное ни мало не служишъ къ *высокому*, и пошому за ненужное счелъ и упомянуть объ ономъ: то еще

(8) Καὶ νῦν κεν ἐξετέλεσται, εἰ ἤβης μέτρον ἴκοντο. Одисс. пѣсн. IX. ш. е. И то моглибъ свершить, когдабъ пришли въ лѣта. „

гораздо болѣе обманулся. Ибо я смѣло могу сказать, что ничего не бываетъ въ краснорѣчіи величественнѣе благородной и къ сташи употребленной страсти; тогда рѣчь произносится какъ бы съ нѣкоторымъ испущеніемъ и одушевляется божественнымъ вдохновеніемъ (9).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

О высотѣ мыслей.

Хотя первой и превосходнѣйшей изъ пяти показанныхъ мною испочни-

-
- (9) Величіе Оды Господина Ломоносова къ *Юву* весьма много обязано сему источнику. Страсть оныя есть гнѣвъ, съ которымъ Богъ говоритъ къ ропщущему на провидѣніе человеку. Самая начальная строфа сей оды столь уже грозна, что никогда не читавшій ея, едва ли можетъ дочитать до конца, не погрузясь въ долговременное изумленіе и забвеніе самаго себя.

ковъ, состоящій въ величествѣ духа (1),

(1) Тоже, что выше названо счастливою опважностію мыслей. — Сюда отнести надобно какъ то, что новѣйшіе Риторы называютъ высокимъ въ чувствованіяхъ (*le sublime des sentimens*), такъ и то, что называютъ они *высокими въ мысляхъ* (*le sublime des pensées*). *Высокое* *перваго* *рода*, имѣя основаніемъ истинную добродѣтель, превышаетъ природу человѣческую, и въ слабомъ смертномъ показываетъ нѣчто божественное и величественное; или происходя отъ злонавія, открываетъ гнусность сердечныхъ склонностей въ невѣроятной степени. Всѣ почти предмѣты сего рода можно заключить подъ именемъ иройства. — Высокое же въ мысляхъ (*le sublime des pensées*) есть то, которое живо представляя воображенію какой нибудь великой физической либо отвлеченной предмѣтѣ, производитъ въ насъ смѣшенное съ изумленіемъ къ нему уваженіе. Такого рода предмѣты суть: на пр.: „Необозримыя долины, безпредѣльной Океанъ, сводъ небесной, высокія утесистыя горы, бездонныя пропасти, развалины; такъже сверканіе молній, громкой звукъ колоколовъ въ уединеніи, звукъ пушекъ

есть даръ больше природы, нежели искусства (2); однакожъ надобно какъ мож-

„и грома, свистъ вѣтровъ, крикъ толпы
 „народной; великая сила и могущество,
 „сраженія войскъ, землетрясенія, огнеды-
 „шущія горы, великіе пожары, бури, раз-
 „литія морей, ураганы, быстро и съ шу-
 „момъ текущія рѣки, водопады,.. Сверхъ
 того весьма часно способствуетъ къ вы-
 сокимъ описаніямъ, мракъ, уединеніе,
 „безмолвіе, ужасы, дикая природа,; а
 всего выше мысли касающіяся всемогу-
 щества Божія. —

- (2) Величество духа есть существенная принадлежность *Генія*. Но Генія — разумъя подъ симъ *Генія* превосходнаго, съ понятиемъ коего мы соединяемъ нѣчто высокое, единственное въ своемъ родѣ — мы приносимъ съ рожденіемъ своимъ. Сама Природа образуетъ чувственныя его орудія съ возможнымъ совершенствомъ. Она, подобно благодѣтельной Феѣ, одаряетъ его сильнымъ воображеніемъ *Момосова*, творческимъ духомъ *Милстона* и *Клопштока*, остроуміемъ *Волтера*, глубокомысліемъ *Юнга*, чувствительностію *Делля*, тонкостію вкуса *Ла Гарпа*, высокимъ умомъ *Винкельмана*.

но стараться воспитывать, такъ сказать, душу къ величеству (3) и безпрестанно исполнять оную благородными и

Она даетъ ему чувствительное сердце, могущее другаго восхищать, и подобно нѣжнымъ струнамъ, возбуждать страсти; научаетъ сильнымъ желаніямъ тѣсно соединеннымъ съ любовью добродѣтели, съ чувствомъ челоѳчества, съ достойными и возвышенными мыслями. При всемъ томъ однакожъ весьма много найдется еще работы искусству въ образованіи такого Генія, какъ уже выше примѣчено.

- (3) Воспитаніе *Генія* должно соответствовать намѣренію Природы. Способности души его должны заблаговременно развиться, возвыситься. Онъ долженъ просвѣтить умъ свой, образовать сердце; гнушаться предрасудками, смѣяться надъ простонародными мнѣніями, и въ самыхъ раннихъ лѣтахъ начать уже мыслить благородно. Онъ ищетъ красоты Природы и Искусства, читаетъ лучшія произведенія Висшійства и Поэзіи съ изступленіемъ, но вмѣстѣ и съ разсудкомъ, отбираетъ изъ нихъ самое лучшее и кладетъ, такъ сказать, въ свой запасной магазинъ; смотритъ за самимъ собою, узнаетъ сердце

высокими мыслями. Но какимъ образомъ это сдѣлать? спроситъ кто нибудь. — Я уже и въ другомъ мѣстѣ гдѣ-то сказалъ, что высокое есть какъ бы нѣкоторой опголосокъ (4) душевнаго величія; и по сему иногда удивляемся мы нагой и не произнесенной голосомъ мысли, по причинѣ видимаго въ ней возвышенія духа. Сему примѣромъ служить можетъ Аяксово въ Одиссеѣ молчаніе (5), по испинѣ величественное

свое, его движенія, и пріобрѣтаетъ такія познанія, въ которыхъ состоитъ благородство человѣка и достоинство артиста. — Вотъ въ чемъ почти должно состоятъ *воспитаніе души къ величеству!*

- (4) μεγαλοφροσύνης ἀπήχημα; откликъ, отгласъ (если можно такъ сказать по сходству съ словомъ возгласъ) душевнаго величія, или — если употребить старинное слово для выраженія Греческаго слова μεγαλοφροσύνης — велемудрія. Можно ли лучше изобразить *Высокое*?
- (5) Т. е. въ пѣснѣ IX, гдѣ Улиссъ бесѣдуетъ во адѣ съ тѣнями усопшихъ.

■ превосходящее высокостію своею всякое слово (6).

И такъ прежде всего положишь надобно, чпо истинному Орапору не должно имѣть низкаго и подлаго духа. Ибо не возможно, чпобы имѣющій во

*Αἱ δ' ἄλλαι ψυχαὶ, νεύων καταθεθνεώτων,
Ἔεσαν ἄχνύμεναι, ἔιροντο δὲ κῆδ' ἐνάτη.
Ὅτη δ' Ἀϊαντος ψυχὴ Τελαμωνιάδεο
Νόσφιν ἀφ' ἑσέηκει κεχολωμένη ἔνεκα νίκης,
Τῇ μιν ἐγὼ νίκησα*

т. е. „другія души усопшихъ сѣтовали и повѣствовали каждая о своихъ напастяхъ; одна только душа Аяксова вдали стояла безмолвна, негодуя на побѣду мною надъ нимъ одержанную.„

(6) Высокое можетъ быть даже и въ молчаніи. Г. Лагаріѣ приводишь въ примѣръ сему славнаго заговорщика Бюси ле Клерка, когда онъ явился со своими соумышленниками въ Парламентъ. Онъ повелѣваетъ градоначальникамъ отдать приговоръ прошивъ правъ Бурбонскаго дома или слѣдовать за нимъ въ Баспилю. Никто ему не отвѣтствуетъ, и всѣ встаютъ съ мѣста, чтобъ за нимъ слѣдовать.

всю жизнь свою маловажныя и рабскія мысли произвелъ что нибудь удивительное и достойное потомства. Напротивъ, тѣхъ только сочиненія могутъ быть высоки, коихъ мысли всегда стремятся къ величественному; откуда происходитъ и то, что чрезвычайное свойственно только тому, кто имѣетъ духъ возвышенной (7). Посмотримъ, на примѣръ, что Александръ отвѣчалъ, когда Дарій предложилъ ему половину Азіи и дочь свою въ замужство. „Что касается до меня, сказалъ ему Парменіонъ, еслибы я былъ Александръ, то бы согласился на сіи предложенія.“ — И я, отвѣтствовалъ Александръ, еслибы я былъ Парменіонъ (8)., Не надлежало

(7) Возвысится ли, на примѣръ, обыкновенная душа до величія Павла Демидова?

(8) Какъ примѣры лучше научаютъ, нежели правила, то я приведу нѣсколько оныхъ

ли бытъ Александромъ, чтобы такъ отвѣтствовать? Равнымъ образомъ, естли

въ дополненіе къ Лонгиновымъ. Престарѣлый Горацій, услышавъ, что изъ трехъ его сыновей, сражавшихся противъ трехъ же Куріаціевъ, двое убиты, а третій бѣжалъ, весьма вознегодовалъ на поступокъ послѣдняго. Бывшая при томъ дочь его, въ извиненіе брата своего, говоритъ ему: „чтожъ осмалось ему одному дѣлать противъ троихъ?“. Старикъ отвѣтствуетъ: „умереть!“, *qu'il mourût*. Смотри въ Корнелевой трагедіи называемой: Гораціи., — Юлій Цесарь, прогнѣвавшись на кормчаго, что онъ боится бури, сказалъ ему: „*Quid times? Caesarem vehis.*“, Чего боишься? „Цесаря везешь., — Поръ Царь Индійскій, по храбромъ защищеніи себя, взявъ былъ въ плѣнъ, и спрошенъ будучи Александромъ, какъ онъ хочетъ, чтобъ было съ нимъ поступлено: „какъ съ Царемъ!“, отвѣтствовалъ. — Одна женщина изъ простаго состоянія отвѣтствовала священнику при случаѣ, когда онъ говорилъ о повелѣніи Божіемъ, дабы Авраамъ принесть на жертву сына своего Исаака. — *Богъ никогда бѣ не повелѣлъ матери принести такую жертву.* Во всѣхъ сихъ примѣрахъ видно высокое чувствованіе. —

что доказываетъ величество Омирова
духа, то наиболѣе его описаніе *Раздора*:

Теперь слѣдуютъ примѣры высокаго въ
мысляхъ:

Et cuncta terrarum subacta,

Praeter atrocem animum Catonis. Horat. libr II od. I.

Т. е. „вся вселенная была покорена, кромѣ
гордаго духа Катона.„

Боссюетъ во всеобщей Исторіи своей го-
воритъ о идолопоклонникахъ: „все было
„Богъ, кромѣ самаго Бога; и міръ, со-
„творенный Богомъ для показанія своего
„могущества, учинился по видимому хра-
„момъ идоловъ.„ — Нашъ Ломоносовъ
преисполненъ высокими мыслями. Таково
на пр: слѣдующее мѣсто въ его одѣ,
выбранной изъ Іова.

Ты можешь ли Левіаѳана

На удѣ вытянуть на берегъ?

Въ самой срединѣ Океана

Онъ быстрой простираетъ бѣгъ;

Свѣщающимися чешуями

Покрытъ какъ мѣдными щитами;

Копье и мечъ и молотъ твой

Щитаютъ за простникъ гнилой.

*

Какъ жерновъ, сердце онъ имѣетъ

И зубы страшный рядъ серповъ:

Кто руку въ нихъ вложить посмѣетъ?

Всегда къ сраженью онъ готовъ;

„Онѣ ходишѣ по землѣ, главу скрывѣ въ
небесахѣ (9).

Можно сказать, что сія величина не столько служишѣ мѣрою *Раздора*, сколько *Омирова* таланта. Но какая разность между симѣ и *Исидовымѣ*

На острыхѣ камняхѣ возлегаешѣ,

И твердость оныхѣ презираешѣ.

Для крѣпости великихѣ силѣ

Щипаешѣ ихѣ за мягкой илѣ.,,

(9) До слова такѣ: въ небесахѣ утвердилѣ главу и ходишѣ по землѣ. — *Виргилій* въ четвертой книгѣ *Енеиды* почти опѣ слова до слова перевелѣ сей стихѣ, примѣнивѣ оной, вмѣсто *Раздора*, къ *Молвѣ*:
Ingreditur que solo, et caput inter nubila condit.
Подобно сему *Г. Державинѣ* изображаешѣ гору *Сенготарѣ* въ своемѣ переходѣ въ *Швейцарію* чрезѣ *Алпійскія* горы *Россійскихѣ* войскѣ:

„Ведешѣ — и нѣкая громада,

Тиганшѣ предѣ нимѣ возсталѣ въ пути,

Главой небесѣ, ногами ада

Касаяся, претишѣ ишти..,,

Читая сіе мѣсто, не може ли самое сказать можно о талантѣ *Державина*, что *Лонгинѣ* говоритѣ объ *Омировомѣ*?

стихомъ, въ которомъ онъ описываетъ
Пегасъ, естли только правда, что щипъ
 Геркулесовъ есть его твореніе?

„И возгри изъ ноздрей ея шекли.,, (10).

Такимъ образомъ онъ представилъ
 богиню не спрашною, но опвращишель-

(10) Можетъ быть, нѣкоторые скажутъ,
 что природа безобразная, когда она бу-
 детъ изображена совсѣмъ совершенствомъ,
 дѣлаетъ столько же чести живописцу,
 какъ и природа прекрасная. На пр: до-
 вольно ли безобразна лягушка, змѣя,
 обезьяна, скорпионъ, трупы, и пр? Но сіи
 предмѣты подъ искусною кистію плѣня-
 ютъ знакоковъ.

Il n'est point de serpent ni de monstre odieux
 Qui par l'art imité, ne puisse plaire aux yeux.

Такъ, это не спорно. Но нужно помнить
 цѣль, съ которою мы говоримъ, и мѣсто,
 гдѣ говоримъ. Разборчивая кисть никогда
 не выставитъ тѣхъ, самыхъ естестве-
 ственныхъ впрочемъ дѣйствій и призна-
 ковъ, которые родили бы дурную мысль
 о художникѣ.

Ne presentez jamais de basses circonstances.

Boileau.

ною. На прошивъ, какое величіе даетъ богамъ Омиръ! на примѣръ, когда говоритъ:

Колико можетъ взоръ обнять поля воздушны,
Когда съ утеса кто на синій смотритъ Понтъ,
Толико Божески высоковѣйны кони
Спремленіемъ однимъ препрыгиваютъ вдругъ.

Спремленіе или скачокъ коней онъ измѣряетъ пространствомъ міра. При столь чрезвычайномъ спремленіи, кто не воскликнетъ вдругъ, что естли божескіе кони два раза съ ряду скакнутъ, то не найдутъ уже мѣста въ мірѣ? Сколько же величественно и описаніе сраженія боговъ:

Потрясся (11) весь Олимпъ, сѣдалище боговъ;
Плутонъ, усопшихъ Царь, во адѣ ужаснулся,

(11) Въ семъ словѣ я отступилъ отъ подлинника, въ которомъ сказано *ἑσάλπιγξεν*, что значитъ собственно *вострубилъ*.
Димитрій Фалерей, сочинитель книги

И съ трепетомъ вскоча съ престола возопилъ,
Боясь, дабы Нептунъ земны разверзши нѣдра
Небеснымъ жителямъ и смертнымъ не открылъ
Жилища адскаго, самимъ богамъ ужасна (12).

*о украшеніи слова (περί ἐρμηνείας) крипи-
куешъ сіе слово; и я тогоже мнѣнія, что
оно ■ не къ мѣсту, и унижаетъ до-
стоинство мысли Поэта.*

(12) Мѣсто сіе взято изъ 20 книги Иліа-
ды; въ немъ описывается то время,
когда Юпитеръ позволилъ богамъ вмѣ-
шаться въ раздоръ Грековъ съ Троя-
нами и сойти на поле сраженія. Пере-
водчикъ книги *Способа учить и обу-
чатся* перевелъ оное съ Французскаго
языка такъ:

„Подвигнулся весь адъ, Нептунъ какъ зашумѣлъ.
Плутонъ съ престола *всталъ* и въ блѣдности
вопѣлъ:

Бояся, чтобъ въ его ужасные чертоги
Не сдѣлалъ свѣту сей презубцемъ богъ дороги,
Чтобъ чрезъ отверстіе всколебанной земли
Не показалъ бреговъ онъ адской всѣмъ рѣки,
И область чтобъ его открыть не покусился,
Которой человекъ ■ богъ всегда страшился.,, —

Нѣкоторыя мѣста въ семъ переводѣ весьма
далеки отъ подлинника и слабы.

Видишь ли, любезный другъ (13), какъ земля разверзается до основаній, открывається шаршаръ, громада вселенныя разрушается; небеса, адъ, смертные и бессмертные — словомъ: все купно сражается съ богами и участвуетъ въ ихъ опасности? — Но сіи ужасы, естли не принять ихъ за иносказаніе, будутъ нарушать пристойность и противны величію боговъ. Ибо Омиръ, описывая язвы боговъ, раздоры, наказанія, слезы, узы ■ разныя спраспи ихъ, по моему мнѣнію, старался, сколько можно, осаждавшихъ Трою людей сдѣлать богами, а боговъ людьми. Онъ сдѣлалъ ихъ и самихъ людей несчастнѣе, поелику намъ служитъ пристанищемъ

(13) Видишь ли, любезный читатель, какъ Лонгинъ дышетъ духомъ Омировымъ; какъ разсматривая сіе высокое мѣсто, самъ дѣлается высокимъ?

въ несчастіяхъ смерть; а бѣдспвія боговъ,
по причинѣ ихъ безсмертія, должны быти
вѣчны. На противъ, сколь превосходнѣе
сего мѣста, въ которыхъ описы-
ваетъ онъ боговъ съ истинными ихъ
свойствами, изображая ихъ великими,
никакимъ слабостямъ и бѣдспвіямъ не
подверженными! Таково, на примѣръ,
есль слѣдующее мѣсто, многими до
меня уже приведенное, гдѣ онъ говоритъ
о Нептунѣ:

— Тряслися горы и лѣса высоки,
Куда Непшунѣ стопы безсмертны на-
правляя (14).

(14) Иліады пѣснь XIII. — Г. Ломоносовъ
подобное сему мѣсто изъ V. пѣсни Иліады
такъ перевелъ:

„Внезапно всталъ Нептунъ съ высокія горы,
„Пошелъ, и тѣмъ потрясъ и *лѣса* и бугры;
„Трикрашы онъ ступилъ, четвертый шагъ
досигнулъ
„Домѣста, въ кое гнѣвъ и духъ его подвигнулъ.,,

Такъ же :

„Непшунъ съ величествомъ стремится по
волнамъ ;

„Узрѣвъ его, киты изъ водныхъ безднъ повсюду

„Встаютъ и прыгаютъ въ весельи вокругъ его ;

„Отъ радости валы морскіе разступились ;

„А кони между тѣмъ летятъ по верхъ
зыбей. „ ■ проч.

Такимъ образомъ и законодатель
Иудейскій, сей необыкновенный мужъ,
получивъ доспойное о могуществѣ Бо-
жіемъ понятіе, доспойнымъ образомъ

Г. Державинъ въ своемъ *Переходѣ* грезѣ
Алпійскія горы говоритъ о Суворовѣ.

„На Галла сталъ ногой Суворовъ

„И горы треснули подъ нимъ. „

Смертный или Богъ какой Суворовъ?
Вижу, что это не иное что, какъ Ипер-
бола, какъ сѣтъ поставленная Поэтомъ
моему воображенію ; но когда вижу? —
Когда онъ получилъ уже надо мною полную
побѣду. Произведенное имъ во мнѣ уди-
вленіе упредило всякое холодное толко-
ваніе, и онъ торжествуетъ. —

изобразилъ оное въ самомъ началѣ своихъ
законовъ: „Рече Богъ, говоритъ онъ. —
„Да будетъ свѣтъ и бысть свѣтъ
„(15), да будетъ земля и бысть

(15) Здѣсь высокое показывается въ самомъ
простомъ видѣ, безъ всякихъ Риториче-
скихъ прикрасъ; — новое доказательство,
что оно легко можетъ обойтись безъ
искусства. Все достоинство Моисеевыхъ
словъ состоитъ въ томъ, что они ско-
рость, съ каковою созданъ свѣтъ, выража-
ютъ столько, сколько можно выразить
человѣческому слову; — и сколько уже
написано подражаній на сіе мѣсто древними
и новѣйшими писателями! При всемъ
томъ, и въ самыхъ подражаніяхъ всегда
видно бываетъ нѣчто опмѣнное. Таково
есть слѣдующее мѣсто въ 6 одѣ Г. Ло-
моносова:

„Уже народъ нашъ оскорбленный
„Въ печальнѣйшей ночи сидѣлъ;
„Но Богъ, смотря въ концы вселенны,
„Въ полночный край свой взоръ возвелъ,
„Взглянувъ въ Россію крошкимъ окомъ,
„И видя въ мракъ ту глубокомъ,
„Со властью рекъ: да будетъ свѣтъ!
„И бысть.,,

земля (16).,,

Думаю, что тебѣ, любезный другъ, не прошивно будешь, когда я приведу изъ Омира еще одинъ примѣръ, и при томъ такой, въ которомъ говоришь онъ о людяхъ, дабы показать тебѣ, какъ онъ изображая величіе Ироевъ, вмѣстѣ съ ними возвышается. Онъ представляешь, что внезапной туманъ и глубокая ночь остановили сраженіе Грековъ. Аяксъ, негодуя на то, восклицаетъ:

Какъ ни величественно однакожъ сіе подражаніе, но не производитъ во мнѣ такого дѣйствія, какъ слова Моисеевы, и, какъ думаю, по тому что оно, во первыхъ, какъ подражаніе, вдругъ напоминаетъ мнѣ о подлинникѣ; во вторыхъ, что слѣдствіе сего Божія велѣнія, въ разсужденіи слѣдствія въ Библейскомъ текстѣ видимаго, слишкомъ мало; здѣсь свѣтъ ограничивается Россією, а тамъ проливается на всю вселенную.

(16) Изъ сего видно, что Лонгинъ не имѣлъ предъ глазами нашей Библии, когда писалъ на сіи слова примѣчаніе; ибо всѣмъ

„О Боже! прогони отъ нашихъ мракъ очесъ,
 „И насъ карай, но лишь при свѣтлости
 небесъ (17).“

Вотъ подлинно достойныя Аякса
 чувствованія! Онъ не проситъ жизни;
 это унизило бы Ироя; но поелику въ
 густомъ мракѣ лишается случая оказать
 свою храбрость: то негодуя, что дол-
 женъ сраженіе на время оплошится,
 проситъ какъ можно скорѣе возвратитъ
 свѣтъ, дабы получитъ ему совершенно
 достойную иройства его кончину, хотя
 бы надлежало сражаться и съ самымъ
 Юпитеромъ. Въ семъ мѣстѣ Омиръ

извѣстно, что въ ней нѣтъ словъ: „да
 будетъ земля и бысть земля.“

(17) Иліады пѣснь XVII. — Ближе къ подлин-
 нику такъ: „Юпитеръ! избавь отъ мрака
 „сыновъ Ахайскихъ, возврати свѣтъ, дай
 „очамъ видѣти. Да зримъ очами; тогда
 „и погуби при его сіяніи, естли такъ
 тебѣ угодно.

есть благопріятный для сражающихся
вѣтрѣ и точно таковѣ,

„Какѣ Марсѣ съ сверкающимѣ на брани ко-
піемѣ;

Иль какѣ всежгущій огонь стремящійся по
рощамѣ;

Отѣ гнѣва пѣнятся уста его“ и проч. (18).

Однакожѣ для многихѣ причинѣ при-
мѣтитѣ надобно, что Одиссея (19) Оми-
рова доказываетѣ то, что великій Геній,
(20), старѣясь, любитѣ рассказывать
сказки. Ибо сіе твореніе написано послѣ

(18) Сіе мѣсто взято изѣ XV. пѣсн. Иліады,
гдѣ Омирѣ говоритѣ обѣ Аяксѣ, сравнивая
его съ Марсомѣ.

(19) Платонѣ въ сочиненіи своемѣ: *Меншелемѣ*
Аппіи говоритѣ, что Апемантѣ, отецѣ
Евдика думалѣ, „что Иліада есть лучшее
Омирово твореніе, нежели Одиссея; и
превосходитѣ сію послѣднюю столько,
сколько Ахиллесѣ превосходилѣ Улисса.“

(20) *Великій Геній*. Μεγάλη Φύσις. соб-
ственно значитѣ: великая природа, а
потомѣ великій умѣ. Геній (Genie)

Иліады, что доказать можно кромѣ
прочаго и тѣмъ, что въ Одиссеѣ, много
упоминается такихъ произшествій,
которыя были слѣдствіемъ описанныхъ
въ Иліадѣ несчастій, и приведены въ
оной, какъ Еписоды войны Троянской.
Наиболѣе же видно сіе изъ того, что
въ Одиссеѣ, ирои оплакиваютъ свои,
описанныя въ Иліадѣ несчастія, какъ

происходитъ отъ Латинскаго слова *genius*,
что значило всякаго языческаго бога и
духа, который, по мнѣнію древнихъ,
сѣ самаго рожденія къ каждому челѣвѣку
приспавленъ, такъ же *духа*, приспавлен-
наго къ охраненію какого нибудь мѣста;
а въ нынѣшнемъ значеніи слово сіе ни
у одного древняго Латинскаго Писателя
не употреблено. Въ такомъ же знамено-
ваніи употребляемо было на Греческомъ
языкѣ слово *δαίμων*, а у Сократа *δαίμονιον*,
что такъ же никогда не означало *приво-*
сходныхъ, творческихъ дарованій. По сей
то причинѣ Ла Гарпѣ говоритъ, что на
древнихъ языкахъ нѣтъ слова, которое

давно уже ими претерпѣнныя. И по
тому Одиссея есѣ не иное что, какъ
заключеніе Иліады.

„Аяксъ великій здѣсь, тамъ Ахиллесъ лежиѣ;
„Здѣсь равный мудростью богамъ Папроклъ
сокрыѣ;
„Тутъ мой любезный сынъ,“ и пр:

соотвѣтствовало бы нынѣшнему значенію
Генія. — Греческое слово *νοῦς* и Латин-
ское *ingenium* выражающѣ только, продол-
жаетъ онъ, *умъ, разумъ, разумѣніе*;
они не могутъ выразить той разности,
которую мы пославляемъ между *умомъ*
(*esprit*) ■ *Геніемъ* (*Génie*). — Не знаю,
кто изъ насъ правъ, — но думаю, что
есѣли бы древнему Греку надлежало
жить въ нынѣшнее время и выражать на
своемъ языкѣ употребленныя идеи нынѣшнихъ
писателей, то мнѣ кажется, что онъ
скорѣе согласился бы употребить для
выраженія *Генія* слово *φύσις*, нежели слово
νοῦς. Я ссылаюсь въ томъ не только на
приведенное мною Лонгиново выраженіе
μεγάλη φύσις и другіе мѣста, въ которыхъ
употребляетъ онъ въ такомъ же знаме-
нованіи сіе слово; но и на самое сходство
происхожденія Латинскаго слова *genius*

По сей-то причинѣ, думаю, Иліада исполнена дѣйствія и силы по тому, что написана Омиромъ въ цвѣтущихъ лѣтахъ его; а Одиссея почти вся состоитъ изъ разсказовъ, кои свойственны старости. Въ Одиссеѣ можно уподобить Омира заходящему Солнцу, которое хоша не грѣетъ; но не теряетъ своего величія. Ибо въ Одиссеѣ онъ говоритъ не такимъ уже тономъ, какъ въ Иліадѣ; нѣтъ уже въ Одиссеѣ той равной вездѣ возвышенности, того непрестаннаго разливія одной за другою послѣдующихъ спрасстей, той легкости и силы, свойственной дѣйствию и тѣхъ изображеній, которыя на самой истинѣ основаны. Это есть отливъ великаго

съ Греческимъ *φύσις*. Первое происходитъ отъ слова *gigno*, что значитъ *раждати*; а послѣднее отъ слова *φύω*, что значитъ *тоже*.

Омирова духа, копорой подобно возвра-
щающемся по разлиіи вѣ берега свои
Океану (21), вездѣ теряется вѣ басно-
словныхъ и невѣрояныхъ отступле-
ніяхъ.

Однакожѣ говоря сіе, не забылъ я
находящихся вѣ Одиссеѣ описаній бури,
повѣсти о Циклопѣ и другихъ прекрас-
ныхъ мѣстѣ. — Называя сіе швореніе
произведеніемъ староси, я разумѣю
подѣ симъ старосію Омирову; только
что во всѣхъ сихъ мѣстахъ больше раз-
сказовъ, нежели дѣйствія.

Я распроспранился о семъ предмѣтѣ
для того, дабы показати, что иногда
самые великіе умы на закатѣ жизни
своей любятъ пуспословіе. Къ сему

(21) Примѣтите читатели, какъ Лонгинъ го-
воритъ о великомъ Геніи. Можно ли
сказати величественнѣ сего обѣ ошжива-
ющемъ, такъ сказати, вѣкѣ свой талан-
тѣ?

принадлежитъ по мѣсто, гдѣ Омиръ
говоришь о вѣтрахъ въ мѣху заключенныхъ
(22), и о товарищахъ (дружинѣ) Улис-
совыхъ, превращенныхъ Цирцеею въ бо-
рововъ (23), которыхъ Зоилъ (24) на-
зываетъ *платущими поросятами*. Къ сему
опнесши можно и то, что онъ говоришь
о голубкахъ (25) вскормившихъ Юпитера,
какъ пшеница своего; объ Улиссѣ, копо-
рой десять дней не былъ послѣ корабле-
крушенія (26) и всѣ небытисы, раз-
сказываемыя имъ о побіеніи Пенелопи-
ныхъ жениховъ (27); ибо можно ли все

(22) Одисс. пѣсн. X.

(23) Одисс. пѣсн. X.

(24) Зоилъ родомъ изъ Амфиполя, невольникъ,
прозванный Омиромаспиксомъ (бичемъ
Омировымъ), написалъ книгу *ψόρον Όμῆρου*
(хула Омирова), за которую, по свидѣ-
тельству Суиды, былъ жестоко наказанъ.

25 Одисс. пѣсн. XII.

26 Тамъ же.

27 Одисс. XXII.

сіе иначе назваць, какъ не *сновидѣніями Юпитера* (28).

Другая причина моего отступленія къ Одиссеѣ та, дабы показать тебѣ, любезный Теренціанъ, что великіе Поэты и Прозаиспы, когда *страсти* ихъ теряютъ свою живость, обыкновенно прибѣгаютъ ко *нравамъ* (29). Сіе самое

(28) Однакожъ сновидѣніями не человека, но Юпитера. — Кажется, что древніе все изящное въ своемъ родѣ приписывали Юпитеру. На пр: они говорили *Διός ἐυνέ-Φηλος* (*Юпитеровъ мозгъ*) вмѣсто деликатнаго кушанья; *Διός γάλα*, (*Юпитеро-молоко*) вмѣсто пищи роскошной и пр:

(29) *Ἄρτεις* (*ἡδῆ*) пропивополагаются нѣкоторымъ образомъ *страстямъ* (*πάθη*). Когда впечатлѣнія бываютъ легки, то они производятъ въ насъ то, что называется *чувствованіями, движеніями, тихими страстями*, какова на примѣрѣ дружба, веселость, вкусъ и пр. Тогда душа не возмущается сильными попятреніями, которыя выводятъ ее изъ себя; и когда оныя въ такой степени бываютъ

дѣлаетъ Омиръ, описывая, какую жизнь вели Пенелопины женихи въ домѣ Улиссовомъ; что я не иначе почишаю, какъ за Комедию, въ которой изображаются разные нравы людей.

въ рѣчи, то называются *нравами*. Ибо сообщаемое ими слову движеніе подобно человѣку кроткихъ нравовъ, дѣйствующему для какого нибудь вида или выгоды, но не увлекаемому ни какимъ слишкомъ живымъ чувствованіемъ. — Когда же впечатлѣнія живы ■ сильны, тогда называются они собственно *страстями*. Онѣ суть тѣ спремительныя движенія, которыя насильно влекутъ насъ къ какому нибудь предмету или отъ онаго отвращаютъ. Онѣ суть душа рѣчи, и даютъ ей такую силу, которая все восхищаетъ и увлекаетъ. Чрезъ нихъ Орапоръ имѣетъ совершенную власть надъ слушателями, и вдыхаетъ, какія угодно ему, чувствованія.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Выборъ самыхъ важныхъ и сильныхъ обстоятельствъ бываетъ причиною высокаго.

Теперь посмотримъ, нѣтъ ли еще какого нибудь средства, къ содѣланію сочиненій высокими. — Поелику всѣ вещи и дѣйствія обыкновенно сопровождаемы бывающъ какими нибудь обстоятельствомъ; то по необходимости можетъ быть причиною высокаго то, когда мы, ошобравъ самыя важныя и сильнѣйшія, составимъ изъ нихъ какъ бы одно шѣло; ибо выборъ и по томъ искусное совокупленіе оныхъ, удивительную имѣетъ силу плѣнять слушателя. Такимъ образомъ *Сафо*, желая изобразить все неистовство любовной страсти, заимствуетъ изъ самой ея сущности нуж-

ныя для сего обстоятельства (1).
 Въ чемъ же показываетъ она такое
 свое дарованіе? Въ томъ, что искусно
 отбираетъ все, что есть сильнѣйшаго
 въ сей страсти и совокупляетъ оное
 во едино (2).

(1) Однакожъ никто, думаю, не согласится
 съ Лонгиномъ въ томъ, чтобъ приведен-
 ная имъ Ода Сафы относилась къ роду
 высокихъ сочиненій. Самъ Лонгинъ выше
 приметилъ, что не всѣ страсти бываютъ
 высоки; и мнѣ кажется, что любовь
 наименѣе имѣетъ въ себѣ высокаго. Со-
 всѣмъ тѣмъ Ода сія ни мало не теряетъ
 отъ того красоты своей и вѣчно будетъ
 дышать любовію Лесбійской Стихотво-
 рицы.

(2) Какъ переводъ сихъ стиховъ давно уже
 былъ у меня приготовленъ, то мнѣ не хотѣ-
 лось его оставить. Въ удовольствіе же
 читателей помѣщаю и переводъ Г. Дер-
 жавина.

„Блаженъ подобно томъ богамъ,
 „Кто близъ меня ■ страстно въ разговорахъ
 „Внимаетъ сладостнымъ пвоимъ устамъ
 „И улыбанію во взорахъ!

* * *

„Тотъ сходенъ, кажется, съ богами,
 „Сидитъ кто тая предъ тобой,
 „И восхищаяся словами
 „Прелестной смѣхъ внимаетъ твой.

„Увижу я сіе — и въ мигъ
 „Волнуетъ кровь, дыханіе тѣснится
 „Языкъ не движется въ устахъ моихъ
 „И быстрой огнь по мнѣ стремится.

* * *

„Во слухъ шумъ, во взорахъ мракъ,
 „По тѣлу хладъ текущій ощущаю,
 „Дрожу, блѣднѣю, вяну будто закъ
 „И бездыханна умираю. „

Г. Эминъ такъ перевелъ съ Французскаго
 Боалова перевода.

„Благополученъ тотъ, кто близъ тебя
 сменаеъ,
 „Кто можетъ завсегда съ тобою говориъ,
 „Кого твоей милый взглядъ, улыбка оживляетъ;
 „Какое щастіе возможно съ симъ сравниъ!
 „Когдажъ твой нѣжный видъ мой страстной
 взоръ встрѣчаетъ,
 „Нѣмѣетъ мой языкъ, мершвѣетъ томный
 гласъ
 „И пламя нѣкое всѣ чувства воспалетъ,
 „И солнца лучъ тогда мнѣ кажется погасъ!
 „И звуки смѣшанны мой слухъ лишь ощущаетъ.

„Такое зрѣлище пріятно
 „Волнуетъ страстью грудь мою
 „И голосъ рвется мнѣ стократно,
 „Когда я на тебѣ смотрю.

* * *

„Тогда языкъ мой вдругъ нѣмѣетъ —
 „Огнь разливается въ костяхъ —
 „Свѣтъ солнечной въ глазахъ темнѣетъ
 „И слышанъ только шумъ въ ушахъ.

* * *

„Холоднымъ потомъ обливаясь,
 „Блѣднѣю, трепещу я вся...
 „И какъ бы съ жизнью расставаясь,
 „Кажуся бездыханна я.

* * *

„Но будучи всего лишена,
 „На все отважиться должна, и проч. (3).

Не удивляешься ли ты, любезный
 Теренціанъ, какъ Спихопворица душу,

„Дрожу я, трепещу и шмится мысль моя!..
 Кровь стынетъ... хладный потъ всѣ члены
 орошаетъ. . . .

„Блѣднѣю... чуть дышу.. и умираю я!..“

(3) Ода сія не вся дошла до нашихъ временъ.

тѣло, слухъ, языкъ, зрѣніе, цвѣтъ лица, словомъ: все, какъ бы ее оставляющее, опять къ себѣ призываетъ? Какъ она, борясь съ душевными волненіями, въ одно время и хладѣетъ ■ стараетъ; ■ лишается ума и къ нему возвращается? То прещетъ онъ страха, то едва не умираетъ, дабы показать, что не одною какою нибудь спраспью, но множествомъ оныхъ волнуется, такъ какъ сіе дѣйствительно случается съ любовниками. По чему ■ высокое въ сихъ стихахъ произведено выборомъ и искуснымъ сопряженіемъ самыхъ сильныхъ обстоятельствъ. Такимъ образомъ, Омиръ, желая описать бурю, ошбираетъ все, что есть въ ней ужаснѣйшаго. Равномѣрно и Авпоръ Поемы объ Аримаспахъ (4) старался сказать нѣчто

(4) *Аримаспос*, былъ народъ Скиѣскій. Евстафій въ *Діонисіи Пиррергѣ* говоритъ, что *αρι* на Скиѣскомъ языкѣ значило *одинъ*;

сильное ■ страшное въ слѣдующихъ
словахъ:

„Какое чудо поразило умы наши! —
„Люди оставя землю, живутъ на морѣ. —
„Сколь они несчастны! Никогда не имѣ-
„ютъ покоя; взоры ихъ устремлены къ
„небу; а душа паритъ по морскимъ вол-
„намъ; часто воздѣвая руки къ богамъ,
„они съ сокрушеннымъ сердцемъ мо-
„лятся, но тщетно.“

Однакожъ всякой, думаю, можетъ
видѣть, что въ приведенныхъ словахъ
находится больше украшенія, нежели
величественнаго ужаса. Но какая раз-
ность въ Омирѣ! приведемъ изъ многихъ
примѣровъ одинъ:

а μάστιγος ὀφθαλμοῖς. Прозваны они такъ по-
тому, что привыкнувъ къ метанію стрѣлъ,
обыкновенно одинъ глазъ закрывали, отъ
чего, какъ говорятъ сказочники, привычка
обратилась въ самую природу.

Однакожь вмѣсто того, чтобъ дать мысли важность, онъ представилъ ее мѣлкою и искусно обработанною. При томъ, сказавъ: *бревно спасаетъ отъ смерти*, не токмо не умножилъ страха, но удалилъ оной.

„Поднявъ сѣды верьхи, стремились волны яры.
„И берегъ заревѣлъ, почувствовавъ удары,
„Тогда сквозь мракъ едва увидѣть мы могли,
„Что съ моря бурный вихрь несетъ къ намъ
 корабли ,
„Которы лютость водъ то въ пропастяхъ
 скрываетъ ,
„То вздернувъ на бугры, порывисто бросаетъ;
„Раздранны парусы пловцы отдавъ вѣтрамъ
„Ужъ руки подняли къ закрытымъ небесамъ.,,

Трагедія Демофонтъ.

Вотъ другая ужаснѣйшая прежней буря:
 „Опѣ странѣ родящихъ градъ и снѣги
 „Съ Атлантской буря высоты
 „Стремится чрезъ бугристы бреги,
 „Являя страшныя слѣды.
 „Съ дубами камни похищаетъ,
 „И горы двигнувъ раздираетъ.
 „Налегши на морской хребетъ
 „Волнамъ вспрѣчается волнами,

На противъ того Омиръ не удаляетъ
 опасностьъ отъ мапировъ, но какъ на
 картинѣ, представляющъ ихъ при каж-
 дой поднимающейся волнѣ едва не уто-
 пающими, и насильнымъ соединеніемъ
 между собою такихъ предлоговъ, копо-
 рые по природѣ не могутъ быть со-
 единены *ὕπ' ἐκ θανάτου*, сообщаетъ са-
 мымъ стихамъ бореніе со смертію,
 подобное боренію утопающихъ; а вза-
 имнымъ сраженіемъ словъ и складовъ
 удивительно выражаетъ опчаянную за-
 бошливость и какъ бы напечатлѣваетъ
 въ рѣчи ужасъ предстоящей опасности
ὕπ' ἐκ θανάτου φέρονται (6). Сіе самое

„Песокъ валитъ со дна съ китами;
 „Тамъ въ пѣнѣ стонетъ новой свѣтѣ.“

(6) *Изъ подъ смерти вырываются.* И на
 нашемъ языкѣ тоже чувствуется въ семъ
 выраженіи, что на Греческомъ; но мнѣ
 кажется, что у насъ оно нѣсколько от-
 важно. Въ другихъ случаяхъ сіи два
 предлога *изъ подъ* весьма хорошо упо-

сдѣлалъ *Архилохъ* въ сочиненіи своемъ
о кораблекрушеніи и *Димосеенъ* въ опи-

преблajúтся вмѣстѣ, какъ то: изъ подъ
развалинъ естатъ, изъ подъ горы, изъ
подъ деревъ и проч. Ни какой языкъ
послѣ Греческаго, не имѣетъ такой гиб-
кости, такого изобилія въ словахъ и
такой способности самыя тонкія оп-
тѣнки въ явленіяхъ природы выражать,
какъ Россійской. Изобразитъ ли кто
такъ коротко, громко, сильно на другомъ
нынѣшнемъ Европейскомъ языкѣ величе-
ство слѣдующихъ стиховъ въ *Водопадѣ*
Г. Державина?

„Алмазна сыплется гора

„Съ высотъ чешыремъ скалами,

„Жемчугу бездна и сребра

„Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми,

„Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,

„Далече ревъ въ лѣсу гремитъ“ и проч: и пр.

Или слѣдующее *Г-на Ломоносова* описа-
ніе соловья: „Когда (соловей) вызванъ
„теплою вѣснаго дня взлетаетъ на
„вѣтвь высокаго древа, внезапно то
„голосъ безъ отдыха напрягаетъ, то
„различно перебираетъ, то ударяетъ съ
„отрывомъ, то крутитъ къ верху и къ
„низу, то вдругъ пріятную пѣснь произ-
„носитъ, ■ между сильнымъ возвышеніемъ

саніи прибытія печальнаго вѣстника (7).

Уже наступилъ вечеръ, говоритъ онъ, и

„урчитъ нѣжно, свиститъ, щелкаетъ,
„поводитъ, хрипитъ, дробитъ, стонетъ,
„ушомленно, спремипельно, густо, тонко,
„рѣзко, тупо, гладко, кудряво, жалко,
„порывно. “

- (7) Лонгинъ не все приводитъ сіе мѣсто, взятое изъ Димосееновой рѣчи о вѣнцѣ. Я выпишу здѣсь оное: „Уже наступилъ вечеръ, какъ прибылъ въ Припаней вѣстникъ, сказать, что Елашея взята! Градоначальники, которые въ сіе время ужинали, тотчасъ встали изъ за стола. Одни изъ нихъ выгоняли на поржище купцовъ ■ сожигали свай лавокъ. Другіе посылали за полководцами и призывали трубача; наконецъ весь городъ пришелъ въ волненіе. На другой день на самомъ разсвѣтѣ градоначальники созвали Сенатъ, а вы ошовсюду стеклись на площадь; и прежде нежели Сенатъ успѣлъ приказать, весь народъ уже усѣлся по мѣстамъ. Коль скоро вошли Сенаторы, то градоначальники донесли имъ о полученномъ ими извѣстіи, и ввели къ нимъ самого вѣстника. Онъ подтверждаетъ извѣстіе. Тогда герольдъ провозглашаетъ: „кто хочетъ говоритъ рѣчь къ народу?“

проч. Они отобрали и наилучшимъ образомъ соединили въ своихъ описаніяхъ самые важнѣйшіе предмѣты, не набирая пустыхъ, непристойныхъ ■ школьныхъ словъ, которые весь составъ рѣчи повреждающе и обезображивающе, подобно маленькимъ камешкамъ, между большихъ при спроектированіи зданій вкладываемымъ, для наполненія пустого мѣста въ стѣнахъ.

„Но никто не вызывается. Многократно онъ вопрошалъ, но никто не тронулся съ мѣста, въ присутствіи всѣхъ полководцевъ, всѣхъ ораторовъ, на гласъ вопіющаго о спасеніи общаго намъ отечества.“

Слѣдуетъ только раскрыть письма Г-на Дю Пати, чтобъ найти наилучшіе въ семъ родѣ примѣры.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

О Распространеніи.

Къ вышесказаннымъ совершенствамъ рѣчи относится также Распространеніе (*αὐξήσις*), состоящее въ томъ, когда по свойству разсуждаемыхъ предметовъ, пребывающему пространныхъ и многочисленныхъ періодовъ, посщепенно возвышается одна мысль предъ другою, и шѣмъ восходитъ до возможной величины. Сіе дѣлается или чрезъ употребленіе какого нибудь *общаго Риторическаго мѣста*, или чрезъ Увеличиваніе, либо чрезъ подкрѣпленіе доводовъ и причинъ, либо чрезъ объясненіе какихъ ни есть дѣйствій или страстей; ибо безчисленные способы находятся къ распространенію рѣчи. При всемъ томъ, Орашору надобно знать, что ни одинъ изъ оныхъ способовъ не можетъ быть самъ по себѣ

совершеннымъ безъ *высокаго*, выключая
тѣ случаи, когда нужно возбудить со-
жалѣніе или унижить цѣну вещи. Въ
другихъ же случаяхъ, отнявъ отъ Рас-
пространенія *высокое*, значитъ истор-
гнуть изъ тѣла душу. Ибо рѣчь, лишась
сей подпоры, немедленно лишится всей
силы и сдѣлается пустою. Чѣмъ же
Распространеніе опличается отъ недавно
упомянутаго нами выбора важнѣйшихъ
обстоятельствъ и ихъ соединенія; такъ
же, чѣмъ вообще различается высокое
отъ Распространенія, я постараюсь
объяснить сіе краткимъ опредѣленіемъ.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

*О томъ, что опредѣленіе Распростра-
ненія, дѣлаемое другими Писа-
телями риторическихъ правилъ, не-
справедливо.*

Я не могу одобришь того опредѣле-
нія, которое Писатели Риторическихъ
правилъ обыкновенно дѣлають *Распро-
страненію*. Распространеніе, говорящъ
они, *есть рѣчь придающая предметамъ*
величину. Сіе опредѣленіе прилично вмѣ-
стѣ и высокому и страснямъ и пропамъ,
по тому что и они увеличивають пред-
мѣты. По моему мнѣнію, между Высо-
костію и Распространеніемъ разность
состоитъ въ томъ, что первая возвы-
шаетъ предмѣты; а сіе размножаетъ
оныя. Отсюда происходитъ, что перъ-
вая часто состоитъ въ одной мысли;
а послѣднее всегда въ количествѣ и
множествѣ оныхъ. Коротко сказать:

Распространеніе естъ нарочитое собраніе всѣхъ обстоятельствъ, вещамъ, дѣйствіямъ и лицамъ приличныхъ, которое наполняя собою рѣчь, придаетъ ей больше крѣпости и силы. Оно отличается отъ *Утвержденія* тѣмъ, что сіе доказываетъ истину того, о чемъ говорится (1); а *Распространеніе* служитъ только къ размноженію и увеличенію онаго. * * * * *

Изобильное (2) его выпіисыво разливается подобно выплывающему изъ береговъ своихъ океану. По моему мнѣнію, одинъ изъ нихъ (3) больше ис-

(1) Слѣдующія слова для полноты смысла мною прибавлены. — Звѣздочки означаютъ недостатки, о которыхъ не лзя не пожалѣть.

(2) Кто такой здѣсь разумѣется? Многіе Коментаторы полагаютъ, что это говорится о Платонѣ.

(3) А здѣсь разумѣется, говорятъ Коментаторы, Демосѣенъ. —

полненъ спраспи, жара и блеску; другой, всегда соблюдая величественную и гордую сановитость, не холоденъ правда, но не имѣетъ столько дѣйствія и легкости, какъ первой.

Таковая же, по моему мнѣнію, разность, любезный Теренціанъ, между Цицерономъ и Димосѣеномъ, если можно Греку судить о Латинскихъ Ораторахъ (4). Димосѣенъ великъ въ красн-

-
- (4) Квинтилианъ прекрасно сравниваетъ сихъ двухъ Ораторовъ такъ: „Качества, касающіяся до самаго основанія краснорѣчія, были имъ общи; планъ, порядокъ, расположение рѣчи, раздѣленіе, способъ приготавливать умы, доказывать, словомъ: все что зависитъ отъ изобрѣтенія. — Въ разсужденіи же слога, между ими есть нѣкоторая разность. Одинъ кратче, другой изобильнѣе. Одинъ наступаетъ въ близи на своего непріятеля; другой даетъ себѣ больше мѣста, для сраженія съ нимъ. Одинъ думаетъ всегда, какъ бы пронзить его, такъ сказать, легкостью своего слога; другой угнѣ-

комъ и сжатомъ слогъ; Цицеронъ въ
изобильномъ. По стремленію, быспро-
тѣ, силѣ и пылкости, съ каковою Ди-
мосеенъ все пожигаетъ и разсыпаетъ,

„шаетъ его часто тяжестію своей рѣчи.
„У одного нѣчего убавить, къ другому
„нѣчего прибавить. Въ Димосеенѣ видно
„больше старанія и труда; въ Цицеронѣ
„больше природы и оспроты. Чпожъ
„принадлежитъ до тонкихъ насмѣшекъ
„и возбужденія жалости, которыя имѣ-
„ютъ весьма великую силу въ рѣчи, то
„Цицеронъ безспорно одерживаетъ верхъ
„надъ Димосееномъ. Но съ другой стороны
„онъ уступаетъ ему въ томъ, что Ди-
„мосеенъ былъ до него, и что Орапоръ
„Римской, какъ онъ ни великъ, обязанъ
„нѣкоторою частію своего достоинства,
„Аѳинскому. Ибо мнѣ кажется, что Ци-
„церонъ, обративъ всѣ свои мысли къ
„Грекамъ, дабы по нимъ образовать себя,
„соспавилъ Орапорское свое достоинство
„изъ силы Димосееновой, изъ Платонова
„изобилія, изъ сладости Исократовой; и
„не только чрезъ свое прилѣжаніе вы-
„бралъ то, что было наилучшаго въ сихъ
„великихъ подлинникахъ; но большая часть

его можно уподобить вихрю или громовому удару; о Цицеронѣ же можно сказать, что онѣ, подобно великому пожару, все, что ему ни попадется, по-

„совершенствѣ ихѣ, или лучше сказать, „всѣ оныя произведены имѣ самимѣ по „средствомѣ счастливой плодовитости „божественнаго своего разума. Ибо, чтобѣ „сказать Пиндаровыми словами, онѣ не „собираетѣ воды небесной, дабы посо- „бить своей природной сухости, но на- „ходитѣ въ себѣ самомѣ живой источникѣ „воды, которая течетѣ непрестанно съ „великимѣ клокотаньемѣ; такѣ что можно „сказать: боги даровали его землѣ съ „тѣмѣ, дабы краснорѣчіе оказало всѣ свои „силы въ особѣ великаго оного человѣка.“

Г. Фенелонѣ, отваживше будучи Квинтиліана, явно извѣщаясь къ преимуществу Димосѣена. Вотѣ какѣ онѣ говоритѣ о сихѣ Ораторахѣ въ своемѣ *писмѣ о краснорѣчїи*: Я не спашусь сказать, что Димосѣенѣ мнѣ кажется выше Цицерона. Признаюсь, что никто больше меня не удивляется Цицерону. Онѣ украшаетѣ все, до чего ни коснется; онѣ приноситѣ честь витїйству; дѣлаетѣ изъ словѣ то, чего бы другой сдѣлать никакѣ

жираетъ и истребляетъ тѣмъ неис-
 щимымъ огнемъ, въ разныхъ мѣстахъ
 его сочиненій пылающимъ, которой чѣмъ
 далѣе распространяется, тѣмъ болѣе
 силъ приобрѣтаетъ. Но о семъ ты
 можешь судить лучше меня. Впрочемъ
 высокость Димосеенова приличіе силь-
 нымъ *Увеличиваніямъ* и пламеннымъ стра-
 стямъ, когда надобно вдругъ привести
 слушателя въ изумленіе. Напрошивъ,

не могъ; имѣетъ не знаю сколько - то
 разныхъ умовъ; бываетъ крошкѣ и си-
 ленъ, когда только захочетъ быть та-
 ковымъ. — Но въ его рѣчи видно нѣко-
 торое убранство. Искусство въ ней уди-
 вительно, но оно примѣтно. Ораторъ,
 помышляя о благосостояніи Республики,
 не забываетъ себя самого, и не хочетъ,
 чтобъ и другіе позабыли его. Димосеевъ,
 казался, выходитъ изъ себя и видитъ
 одно токмо опечесство свое. Онъ не ищетъ
 красоты, и помѣщаетъ ее безъ умысла.
 Онъ выше удивленія. Онъ употребляетъ,
 слова такъ, какъ скромной человѣкъ
 плащъ, для прикрытія себя. Онъ гре-

изобиліе лучше бываетъ тогда, когда желательнo разлитъ въ сердцахъ, такъ сказать, цѣлебный бальзамъ. И по тому оно гораздо приличнѣе *въ общихъ мѣстахъ*, въ заключеніяхъ, и вообще во всѣхъ исполковательныхъ и доказательныхъ родахъ рѣчи; также въ повѣствованіяхъ, въ физическихъ разсужденіяхъ и другихъ симъ подобныхъ сочиненіяхъ.

митъ и бросаетъ молнію. Это есть такой потокъ, который все съ собою увлекаетъ. Не можно его критиковать, по тому, что читая его, мы приходимъ въ восхищеніе. Мы помышляемъ только о вещахъ, а не о словахъ; теряемъ его изъ виду и занимаемся токмо Филиппомъ, который все въ руки свои захватываетъ. Я плѣняюсь обоими сими Ораторами; однакожъ признаюсь, что меня меньше трогаетъ чрезмѣрное искусство и великолѣпное краснорѣчіе Цицерона, нежели быстрая простота Демосфенова. „

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

О высокомъ слогѣ Платона, и о подражаніи.

Но возвратимся къ прежнему предмету. — Платонъ, коего слогъ хотя шепчетъ тихо и безъ шума, но шѣмъ не менѣе возвышенъ, подаетъ намъ понятіе о весьма извѣстномъ тебѣ слогѣ, если ты читалъ его сочиненіе о республикѣ (1). „Люди, говоритъ онъ на пр. въ одномъ мѣстѣ, не знающіе, что такое есть премудрость и добродѣтель, и непрестанно упоающіе въ пиршествахъ и тому подобныхъ безчинствахъ, обыкновенно часъ отъ часу болѣе стремятся къ разврату, и такимъ образомъ во всю жизнь свою пре-

(1) По моему мнѣнію, слогъ Платоновъ причнѣ названъ *посредственнымъ* или *изящнымъ*, нежели высокимъ.

„бывающѣ въ заблужденіи. Истина не
 „имѣетъ для нихъ прелестей; они ни-
 „когда не обращали на нсе своихъ взо-
 „ровъ, да ■ никогда не вкушали прямого
 „и чистаго удовольствія; но подобно
 „скошамъ, которые всегда смотрятъ
 „внизъ и наклоняются къ землѣ, дума-
 „ющѣ только о столахъ и предаются
 „всякимъ спрашнямъ и безчинствамъ;
 „и при таковой жадности къ онымъ,
 „одинъ другаго *лягаютъ* (2), царапаются
 „кошнями, бодаются *железными* (3) сво-
 „ими рогами, и наконецъ опъ ненасыт-
 „наго обжирства погибающѣ.“ Сей Писа-
 тель показывающѣ намъ еще одинъ путь

(2) Слово низкое, но иначе выразить на языкѣ нашемъ не можно. Впрочемъ не знаю, можетъ ли и все слѣдующее Платоново раздробленіе понравиться нашимъ читателямъ.

(3) Не знаю почему Платонъ скопскіе рога называетъ железными. Это метафора, но мнѣ кажется она какъ-то странною.

въ высокому, естли только мы не оставимъ онаго безъ вниманія. Какой же этошь пунь? — *Соревнованіе* и *Подражаніе* жившимъ до насъ великимъ Писателямъ и Поэтамъ. Сей предмѣтъ, любезный Теренціанъ, всегда должно имѣть въ виду (4). Ибо многіе, будучи вдохновены чужимъ умомъ, приходятъ

(4) Вмѣсто всѣхъ правилъ подражанія, которыя чипать можно во всякой Риторикѣ, приведемъ въ примѣръ подражаніе Г. Державина Гораціевой Одѣ: *Exegi monumentum aere perennius.*

„Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный,
„Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ;
„Ни вихрь его ни громъ не сломитъ быстро-
течный
„И времени полетъ его не сокрушитъ.

✻ ✻

„Такъ! весь я не умру, но часть моя большая
„Отъ плѣна убѣжавъ, по смерти станеть
жить,
„И слава возрастетъ моя не увядая,
„Доколь Славяновъ родъ вселенна будетъ
чтитъ.“

въ восторгъ почно такъ, какъ говорящъ
о Пиѳіи, которая приближаясь къ свя-
щенному преножнику, и чрезъ отвер-
стіе въ землѣ находящееся приѣмля въ

До сего мѣста, это можно назвать
самымъ близкимъ и удачнымъ переводомъ,
выключая примѣненіе, сдѣланное Г. Дер-
жавинымъ къ себѣ, какъ къ Россіянину,
въ словѣ *Славяновъ*. Но слѣдующіе куп-
леты суть щастливое Россійскаго Горациа
Латинскому подражаніе :

„Слухъ пройдетъ обо мнѣ отъ бѣлыхъ водъ
до черныхъ ,
„Гдѣ Волга, Донъ, Нева, съ Рифея льетъ Уралъ;
„Всякъ будетъ помнить то въ народахъ не-
изчетныхъ ,
„Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ
сталъ,

* * *

„Что первой я дерзнулъ въ забавномъ Рус-
скомъ слогѣ
„О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить;
„Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ
„И истину царямъ съ улыбкой говорить.

* * *

себя небесное испарение, вдруг исполняемая божественной силы, и по шаповому вдохновению даетъ отвѣты во-

„О Муза! возгордись заслугой справедливой,
„И презришь кпо тебя, сама тѣхъ презирай;
„Непринужденною рукой, неторопливой,
„Чело твое зарей безсмертія вѣнчай.“

Посмотримъ еще, какъ Г. Княжнинъ подражаетъ Корнелю въ своемъ *Росславѣ*. — Любомиръ, вельможа Россійскій, объявляетъ Росславу, что великій Князь хочетъ выкупить его изъ плѣна, возвративъ неприцелю всѣ завоеванные у него Росславомъ города. Рославъ, негодуя на то, укоряетъ Любомиру, въ согласіи его исполнить волю Государя своего, предпочитающаго блаженству общества жизнь одного гражданина. Любомиръ спрашиваетъ его: чтожъ бы онъ назначилъ такому герою, котораго Государь, отечество и дружба хотятъ спасти, но коему для пользы отечества должно умереть? — *Умереть!* отвѣтствуетъ онъ; и слово сіе такую же силу имѣетъ въ устахъ Росслава, какъ и въ устахъ престарѣлаго Горація. Дѣйствіе онаго еще болѣе повышается при слѣдующемъ стихѣ:

„Рославъ я въ лаврахъ былъ, и въ узахъ я
Рославъ.

прошающимъ. Равнымъ образомъ отъ величественныхъ красотъ древнихъ Писателей, какъ изъ священнаго Аполлона отверспія, поднимаются, такъ сказать, въ умы ихъ подражателей какія-то испаренія, коими вдохновены будучи и не весьма одаренные отъ природы вишейственнымъ жаромъ, наполняюшся чужими воспоминаніями. Такимъ образомъ, не токмо Иродотъ, но и до него еще Спсихоръ и Архилохъ были великими подражателями Омира. Болѣе же всѣхъ подражалъ ему Платонъ; ибо онъ изъ сего великаго Поэта почерпалъ свои мысли, какъ изъ живаго источника, изъ коего безчисленные потоки разливаются; и сіе подтвердилъ бы я нѣсколькими примѣрами, есплибъ Аммоній не привелъ много оныхъ прежде меня. Таковое подражаніе не токмо не можетъ назваться кражею, но еще служишь какъ бы отпечаткомъ хорошихъ ви-

довѣ (5), вымысловѣ и произведеній. Въ самомъ дѣлѣ, Платонѣ, кажется, не для иного чего столько множество оныхъ вмѣшиваетъ въ философскія свои правила и вдается часто въ стихотворческія матеріи и выраженія, какъ чтобы изъ всѣхъ силъ своихъ поспорить съ Омиромъ о наградѣ, на подобіе новаго борца, съ такимъ, который заслужилъ уже всеобщую похвалу и удивленіе. И хотя онѣ дѣлаешь сіе, можетъ быть, нѣсколько съ излишнимъ рвеніемъ и какъ бы съ непріятельскимъ духомъ, однакожь не безъ пользы; ибо такое соревнованіе, какъ говоритъ Исідоръ, полезно смертнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть славнѣе и доспойнѣе

(5) Въ подлинникѣ стоитъ *ἡθῶν* (нравовъ): *Т. Зооло* перевелъ *les mœurs*. Полагая съ Г. Толліемъ, что здѣсь приличнѣе быть слову *ἡθῶν*, я перевелъ: *видовѣ*.

благородной души, какъ сражаться для назначенной за побѣду награды (6)? Въ таковомъ сраженіи и побѣжденнымъ бышь не постыдно.

(6) Примѣните, молодые читатели: *сражаются для назначенной за побѣду награды.* Въ подражаніи надобно имѣть въ виду то, чѣмъ или сравняться съ подлинникомъ или превзойти оной. — Подражать не всегда есть слабость; это удѣлъ не однихъ только посредственныхъ, но и великихъ умовъ. Виргилій подражалъ Омиру, Горацій Пиндару, Теренцій Менандру, и чѣмъ сказать о Россійскихъ писателяхъ, Г. Державинъ въ нѣкоторыхъ своихъ твореніяхъ, Горацію, въ нѣкоторыхъ Анакреону; Г. Княжнинъ Расину, и пр. Но помрачаетъ ли это ихъ славу? Произведенія Геніевъ тоже, что произведенія Природы. Съ нихъ вѣчно будутъ списывать, и самые сіи списки могутъ быть великими, коль скоро отражается въ нихъ блескъ и достоинство подлинниковъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Должно всегда имѣть въ виду превосходныхъ Писателей.

И такъ, когда желательнo написать что нибудь преbующее высокаго краснорѣчiя и возвышеннаго духа, то весьма хорошо въ такомъ случаѣ представлять себѣ: какъ бы сказалъ поже самое Омиръ, Платонъ, Димосеенъ, или, есльи дѣло идетъ о Истории, Фукидидъ? Ибо есльи мы будемъ подражать упоминаемымъ мною Писателямъ, которые могутъ служить намъ какъ бы свѣтильниками: то душа наша возвысится до той же степени, какъ и мысль полученная нами о ихъ дарованiяхъ, а особливо, есльи и то еще будемъ представлять себѣ, какого бы мнѣнiя былъ о томъ, что мы говоримъ, Омиръ или Димосеенъ, когда бы они насъ слушали? Ибо не маловажно дѣло есть вообра-

зипь себѣ, что мы идемъ дасть опчепѣ
въ своихъ сочиненіяхъ въ споль знамени-
помъ судилищѣ или на театрѣ, гдѣ
таковыя великіе умы будутъ судьями
и свидѣтелями оныхъ. Но и сего силь-
нѣйшимъ побужденіемъ служишь можетъ
то, когда представимъ себѣ, какъ о
нашемъ сочиненіи будетъ судить по-
томство (1). Ибо, еспли кто сполько
не довѣряетъ себѣ, что участь сочи-

(1) Важное наставленіе! Одно токмо одо-
бреніе потомства можетъ утвердить ис-
тинное достоинство сочиненія. Сколько
бы при жизни Писателя ни хвалили
его произведенія, это не можетъ еще
служишь порукою за ихъ превосходство.
Модной оборошѣ ума, новостъ сшля,
ложные блески, сильная спорона, под-
держивающая выгодной обѣ Авторѣ оп-
зывѣ, могутъ придашь имъ цѣны; но
въ слѣдующемъ сполѣпшіи открываютъ,
можетъ быть, глаза и станутъ презиратьъ
то, чему прежде удивлялись. — Нѣтъ со-
мнѣнія, что Г. Ломоносовѣ, не смотря
на нѣкоторыя неисправности въ языкѣ

ненія ограничиваєтѣ краткостію своеѣ
жизни, то *зародѣши*, такѣ сказаѣ, ума
его всегда будѣтѣ слѣпы, несовершенны
и преждевременно *выкинуты*, такѣ чѣто
никогда не дойдѣтѣ они до поздняго
потомства.

и на восторги, вышедшіе, какѣ многіе
говоряѣ, изѣ моды; равно какѣ Г. Дер-
жавинѣ и Херасковѣ сѣтѣ Писатели есѣхѣ
вѣковѣ. Не сомнительно также, чѣто Г.
Княжнинѣ благосклонно приняѣтѣ вѣ храмѣ
безсмертія Расиномѣ Дмипріевѣ также
приняѣтѣ будѣтѣ Лафонтенемѣ ■ Карам-
зинѣ не тщетно трудитѣся надѣ своимѣ
памятникомѣ; но чѣто шакое сказаѣ о
множествѣ ихѣ, а особливо послѣдняго,
рабскихѣ подражателяхѣ? Сіе рѣшитѣ
потомство.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

О Изображеніяхъ или Видѣніяхъ.

Кромѣ сказаннаго нами, любезный Теренціанъ, весьма много способствуя къ важности, великолѣпію и силѣ слова *Изображенія*, называемыя отъ нѣкоторыхъ *Метаніями* или *Видѣніями*. Видѣніемъ (1) вообще называется всякая мысль, раждающая слово, и представляющаяся уму подѣ какимъ бы ни было видомъ. Но сіе слово берется въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, когда въ испушеніи и сильной снраспи кажется намъ, что мы сказываемое нами какъ будто видимъ и представляемъ предѣ глаза насъ слушающихъ. — При семъ надобно знать, что Видѣній или Изображеній *Риторическихъ* совсѣмъ другое намѣрѣніе, нежели *Стихотворческихъ*. Цѣль послѣднихъ есть изумленіе; а первыхъ, ясное

(1) *Φαντασία.*

представленіе ■ описаніе вещей. Одна-
кожь они имѣютъ общее между собою
то, что оба прогаютъ душу слушателя.
Мапримѣръ (2).

(2) Г. Ломоносовъ говоритъ о перевезеніи
Петромъ Великимъ въ Петербургъ мощей
Александра Невского такъ: „Чудное ви-
дѣніе! гребутъ Кавалеры, самъ Монархъ
на кормѣ управляетъ, и къ простѣхъ
людей туду предъ всѣмъ народомъ по-
мазанныя руки простираетъ, вѣры ради
его укрѣпляясь, избывъ многократнаго
сипремленія кровожаждущихъ измѣнни-
ковъ.“ *Похвалн. слово Петру Велик.*

Муза Г. Державина наиболѣе опличается
предъ другими симъ родомъ украшенія.
Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ него
для тѣхъ, коимъ мало удовольствія при-
нести могутъ мѣста, приводимыя нашимъ
Авторомъ изъ Греческихъ Поэтовъ. —
Вошъ его Екатерина Великая, явившая-
ся ему въ сновидѣніи:

„Сошла со облаковъ Жена,
„Сошла — и жрицей очутилась,
„Или Богиней предо мной;
„Одежда бѣлая струилась
„На Ней серебряной волной;
„Градская на главѣ корона,
„Сіялъ при персяхъ поясъ златъ;

„Жестокая мать! не представляй
 „моимъ взорамъ сихъ, съ кровавыми
 „очами и змѣиными власами, адскихъ
 „дѣвъ... Что вижу? онѣ уже бѣгутъ

„Изъ черноогненна виссона
 „Подобной радугѣ нарядъ.
 „Съ плеча деснаго полосою
 „Висѣлъ на лѣвую бедру;
 „Простершой на олтарь рукою
 „На жертвенномъ Она жару
 „Сжигая маки благовонны,
 „Служила вышню Божеству, и *пр.*

Посмотримъ, кто потчуетъ гостей на
 празднествѣ, данномъ Княземъ Пошемки-
 нымъ — Таврическимъ въ Таврическомъ
 дворцѣ:

„Богатая Сибирь, наклоншись надъ столами,
 „Разсыпала по нимъ и золото и сребро.
 „Воспочный, Западный, сѣдые Океаны,
 „Трясяся челами, держали рѣдкихъ рыбъ.
 „Чернокудрявый лѣсъ и бѣловласы сѣпи,
 „Украйна, Колмогоръ, несли тельцовъ и дичь.
 „Вѣнчанна класами, хлѣбъ Волга подавала,
 „Съ плодами сладкими принесъ кошницу Тавръ.
 „Рифей нагнувшійся, въ топазны, аметистны
 „Лилъ кубки медъ златый, древъ искромеш-
 ный сокъ,

„И съ Дона сладкіе и Крымски вкусны вины.

„ко мнѣ . . . (5).

Также :

„Увы! я вижу ее; она умертвила
„меня. . . куда бѣжаешь? (4).

Въ семѣ мѣстѣ Поэти не видѣлъ
въ самой вещи Фурій; однако изобра-
жаешь ихъ такъ, что слушатели какъ
будто видятъ ихъ. Эврипидъ, если
о выраженіи какихъ спраспей старался,

„Прекрасная Нева, пріавъ отъ Бельта съ рукъ,
„Въ фарфорѣ, въ кристалѣ, чужія питія, снѣди,
„Носила по гостямъ, какъ будто ихъ спыдаясь,
„Что помчивать должна такъ прихоть по
неволѣ.

„Обиліе пучное всѣмъ простирало длань.
„Картины по стѣнамъ, огнями освѣщенны,
„Казалось, ожили, и рданы лица ихъ
„Изъ мрака выставя, на славный пиръ смо-
трѣли.

„Лукуллы, Цезари, Траянъ, Октавій, Титъ,
„Какъ будто изумясь, сойши со стѣнъ хотѣли,
„И спросить: кого такъ угощаетъ свѣтъ?
„Кто кромѣ насъ владѣть отважился вселенной?

(3) Взятъ изъ Эврипидова *Ореста* (4). Изъ
Ифигеніи въ Авлидѣ.

то наипаче ярости ■ любви; и я не знаю, успѣлъ ли кто въ семъ больше его. Ибо, хопя онъ опъ природы не великолѣпенъ, однако во многихъ случаяхъ самъ принуждаешъ ее бытиъ возвышенною и прагическою, а особливо въ великихъ предмѣтахъ; такъ чпо весьма хорошо можно примѣнитъ къ нему слѣдующіе Омировы стихи:

„То по бедрамъ себя, то въ чресла ударяетъ,
„И самъ себя чрезъ то къ сраженью побуждаетъ.“

Сіе примѣнитъ можно въ томъ мѣстѣ, гдѣ Солнце, вручая Фаetonу бразды, говоритъ:

Не направляй коней по Ливійскому
„воздуху, который, лишенъ будучи влаж-
„ной умѣренности, низринетъ швою
„колесницу.“

Потомъ непосредственно за симъ говоритъ:

„Направъ печеніе свое къ семи
 „Пліадамъ. При сихъ словахъ Фаеѳонъ,
 „схвативъ бразды, ударяетъ по бокамъ
 „крылатыхъ коней, которые вдругъ
 „пролетаютъ обширныя поля воздушныя.
 „Между тѣмъ отецъ, съ смущеніемъ
 „взирая съ Сирія на сына своего, по
 „воздуху спремящагося, непрестанно
 „указываетъ ему путь: ступай сюда,
 „говоришь онъ, повороши колесницу
 „шуда! остановись!“

Не скажешь ли ты, что душа По-
 эта сядиша вмѣстѣ съ Фаеѳономъ
 въ колесницу, и раздѣляя съ нимъ опа-
 сности, лепишь съ его конями по воз-
 духу? Ибо естлибъ она за сими не-
 бесными дѣйствіями не слѣдовала рав-
 нымъ съ ними спремленіемъ: то могла
 ли бы когда нибудь вообразить оныя?
 Такого же рода Изображеніе и въ слѣ-
 дующемъ мѣстѣ его *Кассандры*:

„Но вы, о храбрые Трояне, и пр. (5).

Въ Эсхилѣ также есть весьма оп-
важныя и самыя героическія Видѣнія или
Изображенія, какъ напримѣръ въ его
трагедіи: *септ* (полководцевъ) при *Оивахъ*
называемой (6).

„Семь непреклонныхъ полководцевъ,
„заклавъ на черномъ щипѣ тельца и
„омоча въ крови его руки, клянущся
„Марсомъ, Беллоною и кровожаждающимъ
„Спрахомъ (7). . . .

(5) Въ сихъ словахъ со всѣмъ нѣтъ Изобра-
женія. Лонгинъ, конечно за тѣмъ, что
мѣсто сіе длинно, напоминаетъ читателю
только начало онаго.

(6) *Торій* Трагедію сію, по разсыпаннымъ
въ ней повсюду военнымъ ужасамъ, на-
зываетъ Марсовою; ■ Плутархъ величе-
ственнѣйшею изъ всѣхъ Эсхилovýchъ Тра-
гедій.

(7) Высокость въ сихъ словахъ, по замѣча-
нію одного Писателя, происходитъ не
только отъ живаго изображенія полко-

Я не жалѣя себя, клянцтся собствен-
 ною своею смертію (8). Впрочемъ Эсхилъ,
 спараясь о сшоль возвышенныхъ изо-
 браженіяхъ, иногда впадаетъ въ грубыя,
 неопдѣланныя и шероховатыя мысли;
 а Эврипидъ, изъ любочеспиваго ему по-
 дражанія, иногда такимъ же слабостямъ
 подвергается. Напримѣръ, въ Эсхилъ,
 при появленіи Бахуса, Ликурговы (9)
 чертоги страннымъ образомъ приходятъ
 въ восшоргъ :

водцевъ; но ■ отъ того, что клятва ихъ
 показываетъ опчаянное мщеніе, которое
 наводитъ такой страхъ на зрителей сего
 дѣйствія, какъ бы сами они были пред-
 мѣтомъ онаго.

(8) Лонгинъ не приводитъ слѣдующихъ сти-
 ховъ, ■ только мысль оныхъ выражаетъ
 сими словами.

(9) Разумѣется сынъ *Дріачта*, Царь Едон-
 скій, о которомъ Омиръ упоминаетъ
 въ VII пѣсни Иліады.

„Безумствуєть чертогъ и внѣ себя при-
ходитъ (9),

А Эврипидъ, выразивъ сію самую
мысль съ нѣкоторымъ смягченіемъ,
сказалъ:

„Гора вся съ ними ликовала.“

Не менѣе опличаєтся въ Изобра-
женіяхъ ■ Софоклъ, что можно видѣть
изъ описанія умирающаго и какъ бы
самаго себя въ ужасной бурѣ погреба-
ющаго Эдипа; также изъ того мѣста,
гдѣ описываетъ онъ Ахиллеса, явивша-
гося на гробъ своемъ Грекамъ возвраща-
ющимся въ опечесство. Однакожъ я
не знаю, чшобы кто другой явленіе сіе
изобразилъ искуснѣе Симонида; но при-
весши всѣ примѣры Изображенія —
трудно.

(9) Въ подлинникѣ сказано еще страниѣ:
’Εὐχεται δὲ δόξα, Βακχεὺς γὰρ. домъ при-
ходитъ въ восторгъ, безумствуєтъ кровля.

Впрочемъ Изображенія или Видѣнія
стихотворческія, какъ мною сказано
выше, обыкновенно исполнены бывають
баснословныхъ приключеній и превыша-
ють всякое вѣроятіе (11). Чпожъ ка-

(11) Таково есть слѣдующее Видѣніе:

„Явилось все тогда предъ Княземъ оживленно;
„Какъ будто подлинно опверзся адъ предъ нимъ,
„Онъ пламень чувствуетъ, вкушаетъ горній
дымъ;

„Ему глубокая въ шуманъ бездна зрима,
„Обширностью своей она неизмѣрима;
„Кругомъ великаго пространства изваянь
„Зіяетъ пламенемъ горящій Океанъ;
„Изъ мрака вѣчнаго сложились тверды своды,
„Погибшихъ на всегда лишаящи свободы;
„Тамъ нѣкій тусклый свѣтъ простерся по
земли,

„Подобный зареву свѣтящему въ дали;
„Но темный оный свѣтъ не зрѣніе прельщаетъ,
„Лишь только ужасы Геенски освѣщаетъ.

„Опчаяніе тамъ терзающе власы,
„Клянетъ текущіе въ мученіяхъ часы.
„Тамъ Скука царствуетъ, склонивъ чело въ
колѣни,

„Повсюду царствуютъ тоскующія тѣни

сается до риторическихъ, красота ихъ
состоитъ въ представленіи вещи такъ,
какъ она происходила, и въ какомъ дѣй-
ствительно находится состояніи (12).

„И грѣшнымъ ихъ грѣховъ изображаютъ ядъ.
„Грызенье совѣсти лютѣйшій самый адъ!
„Тамъ дышущая грусть, одушевленны страхи,
„Тамъ въ вихряхъ грѣшники вращаются какъ
прахи;

„Со пламеннымъ бичемъ ужасна Местъ видна,
„Зміями хищными увиша вокругъ она,
„Подобны молніямъ повсюду взоры мечетъ,
„Весь воздухъ стонетъ вокругъ, земля подъ
ней трепещетъ. *Владим.
Г. Хераск. пѣснь VIII.*

(12) Такъ напр: Г-нъ Ломоносовъ говоритъ:
„Облачается Монархія наша въ порфиру;
„помазуются на царство, вѣнчается, при-
„емлетъ скипетръ и державу. Радуются
„Россіяне и плесками и восклицаніями воз-
„духъ наклоняютъ; ужасаются супостаты
„и блѣднѣютъ; уклоняются, даютъ хребетъ
„Россійскому войску, укрываются за рѣки,
„за горы, за болота; но вездѣ утѣсняетъ ихъ
„сильная рука вѣнчанная Елисаветы.

Но можноли при семъ случаѣ забыть
Г-на дю Паши? Съ какою живостью и

Ибо мы весьма грубо погрѣшаемъ, когда въ прозѣ прибѣгаемъ къ стихотворческимъ, баснословнымъ и слѣдовательно невозможнымъ вымысламъ; такъ какъ дѣлаютъ наши высокопарные Орапоры,

припомъ новостію изображаетъ онъ свои предмѣлы! Я приведу изъ него одинъ примѣръ; ибо никогда наскучить имъ не можно. Авторъ — *Живописецъ* говоритъ о картинѣ, представляющей смерть Сенеки. „Могу сказать, говоритъ онъ, что „я былъ при смерти Сенеки, смотря на „картину, на которой онъ умираетъ.“ Посмотримъ, правда ли? — „Сенека посреди „картины. Онъ обнаженъ до половины, „какъ шакой человекъ, которому не нужно „уже защищать свое тѣло онъ стихій, „коимъ готовъ онъ возвратить его. Ноги „его въ ваннѣ, и изъ нихъ течетъ кровь. „Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Фило- „софа, и при томъ ниже, по правую „сторону, сидитъ Секретарь, который „писалъ, но уже не пишетъ. По лѣвую „два Секретаря, которые писали, но уже „не пишутъ. На одной чертѣ и одной „высотѣ съ Сенекою въ углу ■ въ тѣни „эпохъ человекъ — старый Сенапоръ. „Посмотрише теперь на сцену. Старикъ

которые подобно Трагическимъ Поэтамъ, мечпающе о Фуріяхъ; а не примѣчающе сіи умные люди, что когда Орестъ говорише у Эврипида:

„въ ожиданіи смерти, занимается диктованіемъ мыслей, представляющихся еще его воображенію. Смерть ихъ ошана-
„вливаетъ. Рука оцепенѣла; кровь изъ
„ногъ не течетъ болѣе, тѣло деревенѣетъ,
„глава колеблется, и тогда взоръ, кото-
„рой былъ вперенъ въ мысль, тщетно
„силятся уловить ее; онъ погасаетъ.
„Три Секретаря, съ разными ошибками
„участія, вниманія и безпокойства, каж-
„дый съ перомъ, приспально смотрятъ
„на уста Философа, которыя еще го-
„ворить покушаются. Они надѣются,
„что одно лишнее ихъ движеніе окончитъ
„слова ихъ; но смерть оныя запечатлѣла.
„Между тѣмъ Сотникъ, поднявъ уже ногу
„у дверей, нетерпѣливо считаетъ по-
„слѣдніе вздохи Философа; ибо Неронъ
„ожидаетъ. А старый Сенапоръ, что
„дѣлаетъ? Онъ думаетъ о Неронѣ и на-
„учается примѣромъ смерти Сенекиной.“—
Не правду ли авторъ сказалъ, что онъ
былъ при смерти Сенеки?

„О ты, что въ адъ меня низринуть хочешь!

„О злая Фурія! оставь меня. . . .“

то мечтаеиъ сіе въ бѣснующемся состояніи. И такъ въ чемъ состоиетъ свойство Риторическихъ Видѣній? Въ томъ, что они не токмо представляють вещь въ настоящемъ дѣйствіи и возбуждаютъ въ слушатель такую же спрасть, какъ бы самъ онъ въ дѣлѣ участвовалъ; но будучи искусно вмѣшаны въ доказательства, убѣждаютъ его въ чемъ ни захотятъ и противъ воли себѣ порабощаютъ. „Еслии кто, говоритъ Орапоръ, нечаянно услышитъ крикъ „предъ судилищемъ, а другой тогда же „извѣститъ, что отворена темница ■ „что заключенные въ оной бѣгутъ оп- „туда: то ни одинъ спарецъ, ни юноша „не будетъ столь безпеченъ, чтобъ „не подалъ помощи, сколько можетъ. „Еслии же кто, пришедши со стороны, „скажетъ: вотъ тотъ самой, который

„выпустилъ заключенныхъ! таковой безъ
 „всякаго оправданія долженъ погибнуть
 „немедленно.“

Такое же искусство употребилъ и
 Гиперидъ, оправдываясь въ изданіи имъ
 повелѣнія о возвращеніи свободы неволь-
 никамъ послѣ сраженія: „Не Ораторъ,
 „говоритъ онъ, издалъ сіе повелѣніе, но
 „бывшее при Херонѣ сраженіе.“ Ора-
 торъ, описывая происшествіе, вмѣстѣ
 и оправдывается посредствомъ Видѣнія.
 Такою высокою мыслию превзошелъ онъ
 границы убѣжденія; ибо слухъ нашъ
 обыкновенно болѣе поражается тѣмъ,
 что есть лучшаго въ предметѣ и мы
 среди умствованій и доказательствъ
 увлекаемся представляющимися намъ
 видами, которые за блескомъ покрыва-
 ющимъ предметъ, не даютъ намъ въ
 подробность изслѣдовать оной. И дѣй-
 ствіе такое ни мало не удивительно.
 Ибо при соединеніи между собою двухъ

предмѣтовъ, превосходнѣйшій изъ нихъ
всегда вовлекаетъ въ себя силу слабѣй-
шаго. — Но сего довольно о высокоси-
мыслей, производимой душевнымъ вели-
чіемъ, подражаніемъ и изображеніями.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

О фигурахъ.

Слѣдуя предписанному выше порядку,
я перехожу къ фигурамъ (1); ибо онѣ,
какъ мною сказано, не маловажную со-
ставляють часть высокаго. Но какъ
исслѣдовать теперь всѣ входящія въ
рѣчь фигуры стоило бы не токмо вели-
каго, но и безконечнаго труда: по упо-
мянемъ только о нѣкоторыхъ изъ нихъ,

(1) Фигуры вообще можно назвать языкомъ
воображенія и страстей.

т. е. о тѣхъ, кои способствуютъ къ
 высокому, дабы доказать справедливостъ
 нами сказаннаго. Начнемъ съ Димо-
 сеена. — Орапоръ доказываетъ, что онъ
 во время войны съ Филиппомъ хорошо
 управлялъ дѣлами республики. Какъ же
 натуральнѣе было бы предложить сіе?
 „Аѣиняне! вы не погрѣшили, сражаясь
 „съ опасностію жизни своей за вольностъ
 „и спасеніе всей Греціи; вы имѣете
 „сему многіе дослославныя примѣры.
 „Ибо не погрѣшили ни тѣ, которые на
 „Мараѳонскомъ полѣ, ни тѣ, кои при
 „Саламинѣ, ни тѣ, кои при Платеѣ
 „сражались.“ Но Орапоръ со всѣмъ
 иначе поступилъ; онъ вдругъ какъ бы
 вдохновенный какимъ божествомъ и
 исполненный духомъ самаго Аполлона,
 восклицаетъ, клянясь храбрыми защит-
 никами Еллады: „нѣтъ, Аѣиняне, вы
 „не погрѣшили; клянусь въ томъ тѣнями
 „сражавшихся за спасеніе отечества на

„поляхъ Мараѳонскихъ (2).“ Одною сею кляпвенною формою, кошорую назову здѣсь *Апострофого* (*Обращеніемъ*), онъ обоготворяетъ упоминаемыхъ имъ предковъ, и шѣмъ самымъ показываеиъ, что подобно имъ умирающими должно клясиися точно такъ, какъ богами; между шѣмъ внушаеиъ судьямъ духъ и чувствованія пострадавшихъ за опечесство, и перемѣнивъ обыкновенной образъ доказательства на

- (2) Подобное сему *Обращеніе* находится въ слѣдующихъ словахъ: „Вами свидѣтельствуюсь великія Россійскія рѣки, къ вамъ обращаюсь щастливые берега, освященные Пепровыми стопами и попомъ его орошенные. Коль часто раздавались на васъ добрые и ревностные клики, когда тяжкіе къ состоянію корабля приуготовленные члены не рѣдко тихо отъ работающихъ движимые, наложеніемъ руки его къ скорому теченію устремлялись.“ и пр. Слово похвальное *Петру Великому* Т-на *Аноносова*.

сей высокой и страстной способъ убѣждать споль новыми, чрезвычайными и достойными вѣроятія клятвами, вливая купно съ словами въ души слушателей какой-то противуядѣ, всѣ худыя впечатлѣнія истребляющій. Ободривъ похвалою своею, онѣ увѣрилѣ ихѣ, что они не менѣе должны гордиться несчастнымѣ съ Филиппомѣ сраженіемѣ, какѣ и знаменишыми оными, Мараѳонскою и Саламинскою побѣдами, и такими различными средствами, въ одну фигуру соединенными, привлекѣ всѣхѣ слушателей на свою сторону. Однакожѣ нѣкоторые думаютѣ, что подлинникѣ сей клятвы находится съ Эполидѣ, гдѣ онѣ говоритѣ:

„Ихѣ радость, божусь сраженіемѣ Мараѳонскимѣ, не будетѣ меня огорчать.“

Но клястись какѣ ни будь не великое искусство; надобно знать, гдѣ, какѣ, въ какихѣ обстоятельствахѣ и для чего

кляспись. По чему, приведенное изъ
Поэта мѣсто есть не иное чпо, какъ
просная клятва; ибо онъ говоришъ
пушъ къ щасливымъ еще, и не пре-
бующимъ упѣшенія Аѣинянамъ. Сверхъ
того, Поэтъ не клянется, какъ Димо-
сѣенъ, людьми, коихъ онъ содѣлалъ без-
смертными, дабы возбудить въ Аѣи-
нянахъ достойныя храброспи ихъ чув-
ствованія; но вмѣсто того, чтобъ по-
кляснѣся пострадавшими за опечество,
клянется неодушевленной вещію, ка-
ково естъ сраженіе. Напротивъ, Димо-
сѣенъ клятву прямо относитъ къ по-
бѣжденнымъ, дабы Аѣиняне не почиали
Херонейскаго сраженія за несчастіе;
такимъ образомъ въ одной сей фигурѣ,
какъ мною уже сказано, заключается
и доказательство, что они ни мало
не погрѣшили, и примѣръ и кляпвенное
увѣреніе и похвала Аѣинянамъ и убѣ-
жденіе къ войнѣ противъ Филиппа.

Но поелику можно было возразить Орактору, что „дѣло идетъ о поперяномъ нами противъ Филиппа сраженіи, „во время твоего управленія Республикою; а ты клянешься побѣдами предковъ „нашихъ:“ то онъ употребленные имъ для сего слова послѣ тщательно изслѣдываетъ, и для большей безопасности приводитъ изъ нихъ только нужныя егъ, „научая тѣмъ Орапоровъ, что и въ величайшихъ воспоргахъ надобно быть умѣрену и помнить себя; „сражавшихся, „говоришь онъ, на поляхъ Мараѳонскихъ, „сражавшихся на морѣ при Саламинѣ, „давшихъ битвію при Артемизіи и Платеѣ.“ Нигдѣ не сказалъ „побѣдившихъ,“ но вездѣ умалчиваетъ о прямомъ оныхъ сраженій окончаніи, потому что тѣ были щастливы, а Херонейское напротивъ; и вдругъ предупреждаетъ всякія возраженія слушателя, сказавъ: „и всѣ они, о Эсхинѣ!

а не одни токмо шѣ, которые въ сраженіи были щасливы, погребены иждивеніемъ республики.“

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Фигуры и Высокое взаимную полагаютъ себѣ помощь; гдѣ именно и какъ?

На семъ мѣстѣ не надобно забыть, любезный Теренціанъ, одного изъ нашихъ прежнихъ разсужденій, которое въ короткихъ словахъ здѣсь предложу, т. е. что фигуры обыкновенно служатъ высокому пособіемъ; равнымъ образомъ и высокое удивительно фигурамъ въспомоществуетъ. Но гдѣ именно и какимъ образомъ, теперь хочу о томъ сказать.

Во первыхъ извѣстно, что употребленіе въ рѣчи фигуръ болѣе всего подозрѣвается во лжи, коварствѣ и

обманѣ; наиболѣе же, когда надобно говорить предъ главнымъ судьей, а особливо есѣли онѣ тиранѣ, царь или правитель какой области; ибо онѣ пошасѣ приходѣ въ негодованіе, когда какой нибудь плохой Орашорѣ вздумаетѣ обмануть его, какѣ глупаго ребенка, неискусными фигурами; онѣ иногда, принявъ такую уловку за презрѣніе къ себѣ, даже такѣ раздражается, что хотя гнѣвъ свой удерживаетѣ, однако онѣ рѣчи Орашора вовсе опровергается ■ никакими убѣжденіями не прогадается. Почему, тогда только фигура хороша, когда не примѣтно, что она была фигурою; а къ сему удивительнымъ служитѣ средствомъ *высокое и страстное*; ибо искусство, заключающесѣ такимъ образомъ въ чемъ нибудь прекрасномъ и величественномъ, все прочее прикрываетѣ и избѣгаетѣ всякаго подозрѣнія. Сему досматочнымъ примѣромъ

служишь можешь мною уже приведен-
 ный: „Клянусь сражавшимися за опече-
 „ство на поляхъ Марафонскихъ,“ и пр.
 Какъ же Орапоръ скрылъ свою фигуру?
 Ясно, что самымъ блескомъ мысли. Ибо,
 какъ показавшееся на горизонтѣ Солнце
 блескомъ своимъ помрачаетъ всѣ прочія
 свѣтила; такъ и разливъ на фигуры
 свѣтъ *высокаго* вовсе ихъ затмѣваетъ.
 Тоже самое почти бываетъ и въ живо-
 писи, ибо хотя свѣтъ и тѣнь изобра-
 жаются красками въ смежности между
 собою и при томъ на одной поверхности;
 однако свѣтъ, сильнѣе поражая наши
 взоры, какъ бы выдается изъ картины
 и кажется намъ гораздо ближе тѣни.
 Равнымъ образомъ *страстное и высокое*
 въ словѣ, какъ по естественному ка-
 кому-то сродству ихъ съ душевными
 нашими чувствіями, такъ и по собствен-
 ному блеску, ближе кажутся къ уму
 нашему и всегда видны бывающіе прежде

фигурѣ, которыя помрачаются ими и какъ бы закрывающія нѣкоторою завѣсою.

ГЛАВА ОСЬМНАДЦАТАЯ.

О Вопросеніяхъ и Отвѣтствованіяхъ.

Что сказать о *Вопрошеніяхъ* и *Отвѣтствованіяхъ* (1)? Ибо кому неизвѣстно,

(1) *Вопрошеніе* (*Ἐρώτησις, interrogatio*), вмѣсто всякаго отвѣта, требуетъ только подразумѣвающагося согласія: да, либо отрицанія: нѣтъ; а *Отвѣтствованіе* (*Πεῖσις, responsio*): есть такойже вопросъ, но съ пространнѣйшимъ отвѣтомъ. Примѣръ перваго :

„Когда то правда, человѣкъ!
 „Что цѣль печалей весь твой вѣкъ,
 „Почпожѣ намъ вѣкомъ льститься?
 „На толь, чпобѣ плакать ■ крушиться,
 „И мѣря жизнь свою тоской,
 „Не знать оправды никакой?“ *Державинъ.*

Примѣръ послѣдняго :

что сіи фигуры весьма много придають
 рѣчи движенія, силы и дѣйствія! „Не
 „ужели вы, говоритѣ въ одномѣ мѣстѣ
 „Димосѡенѣ, не хошите ничего дѣлать,
 „какѣ только ходя по городу другѣ у
 „друга спрашивають: что говорятѣ нова-
 „го? — Есѣ ли что новѣе того, что
 „Македонецѣ дѣлается повелителемѣ
 „Аѡинянѣ, и мѣшается въ дѣла Греціи?
 „Но умерѣ ли Филиппѣ, спрашиваетѣ
 „одинѣ? Нѣтъ, онѣ только боленѣ,
 „отвѣтствуетѣ другой. Какая вамѣ
 „въ томѣ нужда, умерѣ ли онѣ или
 „боленѣ? Когда его не станетѣ, то
 „вскорѣ наживете вы себѣ другаго
 „Филиппа.“ И въ другомѣ мѣстѣ:
 „Поплывемѣ къ Македоніи; но гдѣ при-
 „станемѣ? спроситѣ ктонибудь. Война

„Что жизнь? — Жизнь смерти тѣнино сѣмя.
 „Что жить? — Жить мигѣ летяща время,
 „Едва почувствовать, познать.
 „Познавъ ничтожество — спрaдaть.“ *Держав.*

„сама откроетъ слабое состояніе дѣлъ
„Филипповыхъ.“ Еслибъ это сказано
было просто, то слова не соотвѣсти-
ствовали бы важности предмета; на-
противъ, симъ вдохновеннымъ, быст-
рымъ способомъ — предлагать вопросы и
вдругъ самому отвѣчать на оныя, какъ
бы дѣлалъ сіе другой кто, Ораторъ не
только придалъ важности и величе-
ства сказанному имъ, но и умножилъ
вѣроятіе онаго. Ибо *Страстное* иногда
наиболѣе имѣетъ дѣйствія, когда
не Ораторъ, но случай производитъ
оное (2); а нечаянности спрасней ни

(2) Извѣстно, какой имѣли успѣхъ въ устахъ
Ееофана Прокоповича слѣдующія, самыя
простыя, но не изысканныя ■ внушенныя
самимъ обстоятельствомъ слова: „Что
„видимъ? Что дѣлаемъ, сынове Россій-
„стіи? — Петра Великаго погребаемъ.“ —
„Ораторъ отъ слезъ и рыданія слуша-
„телей и своихъ собственныхъ, не могъ
„продолжать Слова.

что такъ хорошо не подражаетъ, какъ таковыя вопросы и собственныя на нихъ отвѣты; потому что какъ тѣ, коихъ другіе спрашиваютъ, обыкновенно чувствуютъ побужденіе вдругъ на сказанное отвѣчать съ какимъ-то рвеніемъ, и для того спѣшатъ сказать самую правду: равнымъ образомъ и сія фигура Вопросенія и Отвѣтствованія искусно слушателя обманываетъ; такъ что онъ довольно обдуманное прежде Ораторомъ почитаетъ за сказанное безъ всякаго приготвленія (3). * * * * *

-
- (3) Окончанія сей главы ■ начала слѣдующей въ подлинникъ не достаетъ. Въ первой я выбросилъ нѣсколько словъ ■ остановился тамъ, гдѣ кончится періодъ; ■ въ послѣдней, первый періодъ для ясности прибавилъ.
-
- *

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

О Безсоюзіи.

Ничто не придаетъ рѣчи такой быспрошы и легкоспи, какъ *Безсоюзіе*. Рѣчь, которую ничто не связываетъ ■ коей ничто не мѣшаетъ въ печеніи, льещя сама собою такъ, что едва не предупреждаетъ говорящаго. „Прира-
 „живъ щипы, говоритъ въ одномъ мѣстѣ
 „Ксенофонтъ, сражались, убивали, уми-
 „рали (1). Тоже самое видно въ словахъ Еврилоха у Омира.

(1) *Г-нъ дю Пати* умѣетъ весьма искусно пользоваться сею Фигурою. „Я выхожу,
 „говоритъ онъ въ Письмѣ VII, изъ дворцовъ
 „Бринголета, Серы и Кіаджеры. Я ослѣ-
 „плѣнъ, изумленъ, восхищенъ: самъ не
 „знаю, что я такое. Глаза мои пора-
 „жены золотомъ, мраморомъ, кристал-
 „ломъ, порфиромъ, басальтомъ, алебаст-
 „ромъ въ колоннахъ, въ пиластрахъ, въ
 „капителяхъ, въ украшеніяхъ всякихъ
 „видовъ, всякихъ формъ, всякихъ родовъ,

„По швоему, о мудрый Улиссъ, по-
 „велѣнію, проходили мы лѣса, видѣли
 „въ долинахъ прекрасно сооруженные
 „чертоги (Церцеи).“

Ибо сіи періоды пѣмъ не менѣе
 такимъ образомъ ускоренные, сильно
 выражаютъ горестъ, которая не токмо
 не мѣшаетъ теченію слова, но еще
 болѣе возбуждаетъ оное. И для того-
 то Поэтъ шаковыя вещи выразилъ без-
 союзіемъ.

„Ионическихъ, Дорическихъ, Коринѣскихъ.,--
 Не видите ли вы той скорости, съ
 каковою взоры Автора перебѣгаютъ съ
 одного предмѣта на другой, рассматри-
 вая сіе безчисленное множество украшеній?

ГЛАВА ДВАТЦАТАЯ.

О смѣшеніи фигуръ.

Смѣшеніе фигуръ также весьма много способствуеѣ къ возбужденію въ слушателей спрасней. Ибо двѣ или болѣе фигуръ, входя посредствомъ взаимнаго сопряженія какъ бы въ нѣкоторое общество, одна другой сообщаютъ силу, убѣжденіе и красоту. Таково слѣдующее мѣсто въ Димосеевой Рѣчи пропивъ Мидіа, гдѣ смѣшаны вмѣстѣ три фигуры: *Постореніе*, *Описаніе* и *Безсюзіе*. „Ибо кто бѣеѣ другаго, „говоритъ Ораторъ, тотъ много дѣлаеѣ тѣлодвиженіемъ, глазами, голосомъ такого, чего спраждащій не „можетъ изобразитъ въ рассказываніи „сего.“ Потомъ, дабы спремленіе рѣчи отъ продолженія тѣхъ же фигуръ не остановилось (ибо порядокъ приличенъ спокойному духу; а спраси, которая

есть не иное что, какъ душевное волнение, свойственно все возмущать и приводить въ расстройство), вдругъ переходя къ другимъ *Безсоюзіямъ* и *Повтореніямъ*. „То ругается, то бьетъ „его, какъ непріятеля своего, иногда „кулаками, иногда въ щоку.“ Таковымъ другъ на друга паденіемъ фигуръ, Ораторъ поражаетъ души судей такъ, какъ бы самъ прежде былъ опъ Мидія поражаемъ. Потомъ опять съ подобнымъ бури стремленіемъ продолжаетъ: „вопъ „какія поруганія раздражаютъ, вопъ „какія поруганія выводятъ изъ себя не „привыкшаго къ онымъ человека. Ни- „кто не въ состояніи выразить словами „степень такой обиды (1). Таковою

(1) Съ такимъ точно смѣшеніемъ фигуръ продолжаетъ и Дю Папи описаніе выше упомянутыхъ дворцовъ: „Тысяча картинъ „разбросаны по частямъ въ моемъ во- „ображеніи. Вижу головы, ноги, руки,

безпрестанною переменною *Повтореній* и *Безсоюзій* вездѣ сохраняеѣ онѣ свойство сихъ фигурѣ; такѣ чѣпо въ порядкѣ его находится безпорядокѣ, и на противѣ въ безпорядкѣ порядокѣ.

ГЛАВА ДВАТЦАТЬПЕРВАЯ.

Союзы рѣтъ обезсилицаютѣ.

Соедини же приведенныя мною слова, ежели угодно, союзами, такѣ какѣ дѣлаютѣ ученики Исократовы: „По истинѣ „не надобно забыѣть и шого, чѣпо бѣющій „другаго много обидѣ въѣспѣтъ причи- „няеѣтъ; во первыхъ тѣлодвиженіемѣ, во

„шуловища и трупы, стариковѣ и дѣ- „вочекѣ, Венерѣ и дѣвѣ. Вотѣ горест- „ныя слезы, текущія изѣ очей почтен- „наго старца. Вотѣ прелестная улыбка, „развивающаяся на устахѣ прекрасной „пятнадцатилѣтней дѣвушки; думаю, эѣто „первая ея улыбка.“

„впорыхъ глазами, а наконецъ и самымъ
„голосомъ,“ и такъ далѣе: то вдругъ
почувствуешь, что сильная и порыви-
стая спрасъ, смягченная таковыми
союзами, лишась своей ярости и какъ
бы нѣкопорого жала, упадетъ и по-
тухнетъ (1). Ибо какъ естлибы кто

-
- (1) Не смотря на то, искусно и къ стати
употребленные союзы весьма много спо-
собствуютъ къ выраженію связи, гдѣ она
должна быть въ дѣйствіяхъ либо явлені-
яхъ природы. Такъ на пр. *Дю Лати*,
описывая Воклюзскій источникъ, говоритъ:
„и теперь, кажется, вижу рѣку, копо-
„рая изъ середины горъ вырывается, под-
„нимается, растетъ и вдругъ разливае-
„ся съ стремленіемъ, съ громомъ, съ ки-
„пѣніемъ, съ пѣною, съ паденіями таки-
„ми, каковыхъ ни кисть Живописца ни
„кисть Стихотворца никогда изобразить
„не въ состояніи.„ До сего мѣста онъ
говоритъ безъ союзовъ; ибо тутъ Природа
ни мало не медлитъ въ своихъ дѣйствіяхъ.
Но продолжая сіе описаніе, говоритъ: „по-
„томъ серебряныя волны свои перемѣ-
„няетъ въ лазуревыя, и разливаетъ ихъ

связалъ бѣгущаго человѣка, то бы лишилъ его всей силы и свободы къ сопротивленію: такъ равно, естли вы дѣлаете справити помѣшательство союзами и другими частицами, то она имъ сопротивляется; вы опниваете у нее свободу въ печеніи ■ ту быспрошу, съ каковою она должна, подобно пущеной изъ лука стрѣлѣ, стремиться на непріятелей.

„и катитъ и разстилаетъ по изумрудному ковру. Видите ли, какъ Воклюзскій источникъ вдругъ перемѣнилъ, печеніе свое въ долину, и столько же шумъ тихъ и спокоенъ, сколько шуменъ и быстръ при своемъ съ горы низверженіи?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬВТОРАЯ.

О Инербатахъ или Переложенїяхъ.

Къ сему причислишь должно ■
Инербаты или *Переложенїя*. Они со-
 споянѣ въ переставленїи словъ или
 мыслей прошивъ обыкновеннаго порядка,
 и служащѣ самымъ истиннымъ призна-
 комъ въ то самое время и безъ всякаго
 пригошовленїя родившейся спраспи. Ибо
 какъ шѣ, которые дѣйствительно ис-
 полнены гнѣва, страха, негодованїя,
 ревности или другой какой спраспи
 (поелику ихъ столь великое множество,
 что изчислить никакъ не возможно)
 часто начинающѣ рѣчь объ одномъ пред-
 мѣтѣ, и не окончивъ онаго, переходящѣ
 къ другому, потомъ опять принимаясь
 безъ всякой причины за новой, возвра-
 щаются къ прежнему, и волнуясь спра-
 спїю, подобно непостоянному вѣтру,
 бросающа то въ ту, то въ другую

сторону; такъ что слова, мысли и весь естественной порядокъ рѣчи необыкновеннымъ и многоразличнымъ образомъ перемѣняющъ: такъ точно поступающъ и превосходные Писатели въ изображеніи спраспей; они совершенно примѣняющъ слова свои къ свойству вещи, непрестанно перемѣняя или лучше разспроивая обыкновенное рѣчи печеніе. Ибо тогда Искусство совершенно, когда оно кажется Природою; и обратно, тогда Природа щастлива, когда скрывается въ ней Искусство. Сему примѣромъ служить могущъ слова Діонисія Фокейскаго у Иродота: „до самой крайности, говоритъ онъ, доведены дѣла наши, Іоняне; намъ необходимо должно быть или вольными, или невольниками, и при томъ самыми жалкими невольниками. И такъ, еспли хощите избѣгнуть угрожающаго вамъ нещастія, что не оплагая нимало, надобно вамъ

„предпринять тяжкой подвигъ; за то,
 „преодолевъ непріятелей, будете на-
 „слаждашься вольностию.“ Обыкновен-
 ной порядокъ пребывалъ слѣдующаго
 расположенія словъ: „Іоняне! теперь
 „время предлежитъ вамъ къ пред-
 „принятію великихъ подвиговъ; ибо
 „дѣла ваши доведены до крайности,“
 и пр. Но Орапоръ слово *Іоняне* от-
 носитъ далѣе, и вдругъ начинаетъ съ
 самаго спраха, какъ бы удержанъ былъ
 угрожающею опасностію наименовань
 слушателей съ начала рѣчи, такъ, какъ
 дѣло того пребывало; послѣ перемѣ-
 няетъ ■ самой порядокъ мыслей (1).
 Ибо не убѣждая еще ихъ къ подвигу, что

(1) Сіе самое примѣтно и въ приведенномъ
 мною подъ 18 главою примѣрѣ изъ *Прокс-
 новита*. Онъ не сказалъ прежде: *Синосе
 Россійстїи!* Что видимъ? Что дѣлаемъ?
 Но сперва спросилъ; а по томъ уже
 именуетъ своихъ слушателей. Сего требо-
 вали обстоятельства.

однакожѣ составляетъ цѣль его, онѣ предлагаетъ прежде причину, для чего надобно сей подвигѣ предпринять; т. е. „дѣла наши доведены до самой крайности,“ дабы показать, что говоришь не прежде имѣ обдуманное, но тогдаже обстоятельствами вынужденное (2). Эукидидѣ еще болѣе исполненѣ таковыхъ Ипербатѣ, и весьма искусно умѣетъ раздѣлять между собою даже

(2) Кто читалъ Тита Ливія, тотѣ не можетѣ при семѣ случаѣ не вспомнить прекрасную рѣчь, вложенную имѣ въ уста престарѣлаго *Торація*, который защищаетъ сына своего, убившаго сестру за то, что она, увидѣвъ на немѣ платье умерщвленнаго имѣ любовника ея, вмѣсто участія въ общей радости, предалась слезамѣ. Какѣ искусно сдѣлано имѣ переложение въ словахѣ! — „*Hunc sine, говоритѣ онѣ, quem modo decoratum ovantem que vidistis, Quirites, eum sub furca vinctum inter verbera et cruciatus videre potestis, и прог.* Я переведу отѣ слова до слова: „Того, котораго теперь только,

такія вещи, которыя по натурѣ вовсе нераздѣлимы и совокупны. Чтожъ касается до Димосѳена, то онъ употребляетъ ихъ съ большею бережливостію; впрочемъ въ семъ родѣ онъ гораздо всѣхъ превосходитъ, и переложеніями своими, равно какъ и тѣмъ способомъ, чтобъ говоришь невзначай, показываетъ

„украшеннаго и торжествующаго видѣли вы, Римляне, того самаго подѣ висѣлицею связаннаго между побоевъ и мученій видѣть можете ли?“ — Ясно, что какъ на Латынскомъ, такъ и на нашемъ языкѣ можно расположить рѣчь сію слѣдующимъ образомъ: „Можете ли вы, Римляне, видѣть подѣ висѣлицею связаннаго, между побоевъ и мученій, того самаго, котораго теперь только видѣли украшеннаго и торжествующаго?“ Но чтобъ склонить Римлянъ къ прощенію преступника, надлежало прежде представить и, такъ сказать, ослабить ихъ его заслугами, дабы привести ихъ въ раздумье. — Не могу также не упомянуть здѣсь о рѣчи, которую говоритъ Муцій Сцевола въ станѣ Порсенны, умертвивъ по незнанію

намъ удивительную силу своего вишійства; сего мало, онъ длинными переложеніями вовлекаетъ слушателей въ такую же опасностъ, въ какой самъ себя представляетъ. Ибо часто первую мысль свою удерживаетъ, какъ бы нарочно допуская въ рѣчи безпорядокъ; потомъ, по приведеніи многихъ, иногда не принадлежащихъ къ его предмету обстоятельство, наводитъ на слушателей страхъ, заставляя ихъ думать, что вся такая рѣчь падетъ, и принуждая участвовать въ опасности, въ каковой видятъ они Орашора. Но вдругъ, про-

вмѣсто сего Царя, Секретаря его: „*Romanus sum civis. Mucium vocant*, и пр. Я Римлянинъ; Муціемъ зовутъ меня.“ — Какая гордость и неуспрашимость дышетъ въ словахъ Римлянина! Но чпобъ такое было въ нихъ, когда бы онъ сказалъ такъ: *Ego sum civis Romanus. Vocant me Mucium?* — Не иное что, какъ робкое, совсѣмъ не Римское признаніе.

шивъ всякаго чаянія, сказавъ наконецъ
къ спаши шю, чего давно уже слушатели
желали, таковыми щасливыми ■ вмѣспѣ
опасными переложеніями гораздо силь-
нѣе поражаетъ ■ изумляетъ; — и сего
рода примѣровъ такое множество, что
я приводить ихъ починаю за излишнее.

ГЛАВА ДВАТЦАТЬ ТРЕТІЯ.

*О Многопадежѣ и другихъ подобныхъ
ему фигурахъ, также о фигурахъ
называемыхъ Множественными.*

Теперь слѣдуетъ сказать о назы-
ваемыхъ такъ *Многопадежѣхъ, Стетеніяхъ*
или *Стѣсненіяхъ, Перемѣненіяхъ* или *Анти-*
метаболахъ и *Маращеніяхъ*, которыя, какъ
шебѣ небезвѣстно, весьма сильны,
и по тому много способствуютъ къ
украшенію, ко всякому возвышенію ■
страсти слова. Чію же сказать о пе-

ремѣненіяхъ падежей, временъ, лицъ, чиселъ и родовъ? Не они ли, такъ сказать, испещряють и возвышають слово? Въ прочемъ, когда я говорю о перемѣненіи чиселъ, то не такъ сіе разумѣть надобно, какъ бы только то служило къ украшенію, что окончаніе имѣетъ *Единственное*, но, естли внимательнѣе разсмотримъ, имѣетъ силу *Множественныхъ*. На пр:

„Вдругъ ужасная толпа народа, разсыпавшись по берегамъ, вскричала (1).

Я разумѣю здѣсь больше *Множественныя* числа, которыя пѣмъ достойнѣе примѣчанія, что заключающимся въ нихъ

(1) Слова сіи взяты изъ Исторіи Фукидидовой. — Вотъ примѣръ изъ Г. Ломоносова.

„Сіе *Россія* восхищенна

„Въ веселіи своемъ гласитъ:

„*Москва* едина на колѣна

„Упавъ, передъ тобой стоитъ,

„Власы сѣдые просшираетъ,

„Тебя, Богиня, ожидаетъ, и пр:

(2)

множествомъ придають слову гораздо болѣе силы и великолѣпія. Таковы суть *Множественныя*, влагаемая Софокломъ въ уста Эдиповы.

„О бракъ! проклятой бракъ! ты
 „жизнь намъ даровалъ, и тоже самое
 „сѣмя, отъ котораго мы родились, со-
 „общилъ намъ; а отъ насъ отцы,
 „братья, дѣти, родственники, невѣсты,
 „жены, матери, — ■ всѣ, какія токмо
 „быть могутъ между людьми, гнусныя
 „дѣянiя.“

Ибо всѣми сими именами означаетъ сперва одинъ Эдипъ, а потомъ Іокаста; но съ окончаніемъ множественнаго числа, кажется, умножены и Эдиповы несчастiя. Таковойже Плеоназмъ употребленъ и Поэтомъ (2) въ слѣдующихъ словахъ;

(2) Разумѣется Эсхилъ.

„Явились Гекторы и Сарпедоны.“ (3)

Тоже сказать можно и о пѣхъ Платоновыхъ словахъ, въ одномъ мѣстѣ мною уже приведенныхъ, гдѣ онъ говоритъ объ Аѳинянахъ: „не Пелопсы, не Кадмы, „не Египтяне, не Данай и не варвары „живущъ съ нами въ семъ городѣ; но „всѣ мы Греки, не имѣвшіе никакого съ „варварами смѣшенія,“ и пр.

Въ самомъ дѣлѣ, собранныя такимъ образомъ вмѣстѣ многія имена подають намъ гораздо большее о вещахъ понятіе. Однакожъ не вездѣ надобно употреблять такой родъ украшенія, а только тамъ, гдѣ предметъ требуетъ или распространенія или умноженія или возвыше-

(3) „Что въ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ отъ „первой Пунической войны до Августа „Меноты, Сципіоны, Маркеллы, Регулы, „Метеллы, Катоны, Суллы произвели: „то Пётръ сдѣлалъ въ краткое время „своея жизни.“ *Долгоносоевъ.*

нія или страсти, т. е. либо одного
 чего-нибудь изъ всего сего, либо **и**
 многого; ибо привѣшивать вездѣ *погре-*
мушки (4) было бы что-то слишкомъ
 Софистическое (5).

(4) *Καδωνας* (*погремушки*), которыя привѣ-
 шивали къ уздамъ и другимъ конскимъ
 уборамъ во время торжественныхъ выѣз-
 довъ. Авторъ чрезъ сіе разумѣетъ, какъ
 всякому легко видѣть можно, что не
 вездѣ надобно употреблять фигуры и
 другія Риторическія украшенія.

(5) Софисты съ начала почивались за людей
 все знающихъ. Пользуясь такими о нихъ
 мыслями народа, они безстыдно хвастали
 своимъ краснорѣчіемъ и не готовясь гово-
 рили слушателямъ, что ни попадетъ въ
 голову.

ГЛАВА ДВАТЦАТЬЧЕТВЕРТАЯ.

*Единственное число иногда служитъ
къ возвышенію слова.*

Напрошивъ иногда случается, что и Множественное число, сокращенное въ Единственное, рѣчь весьма возвышаетъ; наприкладъ, когда говоритъ Димосѳенъ (1): „тогда весь Пелопонисъ „былъ между собою въ несогласіи;“ и въ слѣдующихъ словахъ (2): „когда „Фринихъ появился на сценѣ съ Трагедіею своею подъ названіемъ: Взятіе „города Милеша, то весь театръ за- „лился слезами.“ Ибо таковое соединеніе многихъ предмѣтовъ во едино,

(1) Изъ рѣчи о *Вѣнцѣ*.

(2) Изъ Иродотовой Исторіи книг. *Ерато*.
 „Россія наложила руку
 „На Тавръ, Кавказъ ■ Херсонесъ
 „И распусти въ Босфоръ флаги
 „Стамбулу флотами гремитъ.“ *Держ.*

сообщаетъ рѣчи какое-то *тѣло*. Впрочемъ, я полагаю, что въ обѣихъ сихъ фигурахъ одна бываетъ причина украшения; потому что какъ тогда, когда переменная Единственные числа на Множественныя, изъ одной вещи дѣлаемъ многія; такъ и тогда, когда соединяя Множественныя въ одно Единственное, былобъ только это пріятно для уха, изъ многихъ вещей составляемъ одну, нечаянная таковая переменна доказываетъ необыкновенное духа движеніе.

ГЛАВА ДВАТЦАТЬПЯТАЯ.

Прошедшія дѣйствія надобно предлагать такъ, какъ настоящія или теперь происходящія.

Равнымъ образомъ, когда мы о прошедшемъ дѣлѣ говоримъ такъ, какъ бы оно теперь происходило, тогда не рассказываемъ уже онаго, но представляемъ

въ настоящемъ дѣйствии. „Одинъ воинъ,
„говоритъ Ксенофонтъ, упавъ подъ Ки-
„рову лошадь, и будучи попираемъ ея
„ногами, пронзаетъ мечемъ ее въ брюхо;
„пораженная лошадь мечется въ разные
„спороны, скидываетъ съ себя Кира,
„и онъ падаетъ (1). “ Таковыхъ

(1) Посмотримъ Г-на *дю Пати*. —, Толпа вдругъ
„произноситъ вопль, вдругъ преклоняетъ
„колѣна; вдругъ первосвященникъ окру-
„жается на воздухъ тысячею слезящими
„взорами, ■ тысячею воздѣшными къ Богу
„руками. Первосвященникъ возводитъ
„взоры къ небу и молился; народъ скло-
„няетъ взоры долу и молился.“

Въ слѣдующемъ примѣрѣ Эней разска-
зываетъ Дидонѣ случившееся противъ
него въ храмѣ возмущеніе:

„Ко жертвованью былъ гошовъ священный ликъ,
„Незапно возстае въ дали смятенный крикъ,
„Весь движется народъ, отъ звука храмъ
трепещетъ,

„Какъ волны страшныя къ брегамъ вихрь
сильный мещетъ,

„И извергаетъ въ нихъ чудовище изъ водъ:
„Таковъ во ужасъ волнуяся народъ,

фигуръ много находится у Эукидида.

ГЛАВА ДВАТЦАТЬШЕСТАЯ.

О перемѣнѣ лицъ.

Перемѣна лицъ также много служитъ къ выраженію страсти; такъ что Слушатель часно представляетъ самъ себя среди опасности, напр:

„Ты бы сказалъ, что ихъ ничто не
„можетъ ни упоминъ ни преодолѣтъ
„въ стремленіи ихъ другъ на друга —
„съ такимъ жаромъ они сражались (1)!“

„Разверзшись вдругъ Посла Гетульска открываетъ.

„Какъ молнія острѣ мечъ въ рукахъ его блистаетъ,

„Какъ угліе глаза кровавые горятъ,

„Ошъ ярости уста безмолвныя дрожатъ, и пр.

Траг. Дидона Г. Княж.

(1) Иліад. пѣс. XIV. — Нашъ языкъ совершенно сходенъ въ семъ съ Греческимъ; на немъ также щастливо можно упо-

И у Араша :

„Не отпраляйся въ море въ семъ
„мѣсяцѣ.“

Сіе самое можно видѣть и въ Иродотѣ: „когда вышедъ изъ города Елефанпины, пойдешь возвышенною спороною, то сперва представится тебѣ холмъ; потомъ спустишься въ пространную долину, которую прошевши, сядешь на другой корабль, и чрезъ двенадцать дней приѣдешь къ великому городу Меробъ.“ — Видишь ли, любезный Теренціанъ, какъ Писатель, взявъ съ собою, такъ сказать, душу твою, водилъ ее по всѣмъ мѣстамъ и заставлялъ тебя видѣть то, что, какъ тебѣ казалось, ты только слышалъ? И вообще всякая рѣчь, расположенная

проблать одно лице вмѣсто другаго. — „Войдешь — и при первомъ взорѣ воображеніе касается небесъ; но при шоромъ, упадаетъ.“

такимъ образомъ, что обращается къ самымъ лицамъ слушателей, представляя ихъ участвующими въ самомъ дѣйстви; а особливо сіе бываетъ тогда, когда говоримъ не ко всѣмъ, но какъ бы къ одному лицу.

„Не можешь узнать, которой спороны держится сынъ Тидеевъ (2).“

Такимъ образомъ возбуждавъ слушателя, пронешь его гораздо сильнѣе, сдѣлаешь внимательнѣе и внушишь ему великое въ дѣйстви участие.

(2) Иліады пѣснь IX. — „Тутъ видишь столько картинъ, что, кажется, видишь не больше одной. Цѣлой мѣсяцъ надобно различать ихъ и познавать; но пробѣгаешь ихъ въ одинъ часъ.“ Также: „идешь подъ прекраснѣйшими деревьями — шелковичными, фиговыми, яворовыми; *тонгешъ* самой зеленой дернъ, самые благовонные цвѣты; въ ближнихъ лѣсахъ слышишь пѣніе тысячи птицъ; лошади сходятъ съ горъ, спуска пасущся на ихъ вершинахъ и убѣляютъ оныя.“ *дѣю Плати.*

ГЛАВА ДВАТЦАТЬШЕСТАЯ.

О переходѣ отъ одного лица къ другому.

Иногда также случается, что Писатель говоря о комъ нибудь, вдругъ на мѣсто его себя поставяетъ, и паковой родъ украшенія доказываетъ стремленіе спрасней.

„Но Гекторъ, взывая къ Троянамъ
„громогласно, повелѣваетъ оставитъ
„добычи падающихъ на сраженіи и бѣ-
„жасть на корабли. Есѣли же я увижу
„когонибудъ вдали опѣ флопа, то самъ
„низрину его во адъ (1).“

(1) Иліады пѣснь XV. — Такъ Ломоносовъ, презрѣвъ въ восторгѣ своемъ обыкновенную связь и переходъ въ періодахъ, говоритъ:
„Не Пиндъ ли подъ ногами зрю?
„Я слышу чистыхъ Сесіпръ музыку;
„Пермесскимъ жаромъ я горю,
„Теку поспѣшно къ оныхъ лику.

Поэтъ сіе повѣствованіе, какъ ему
 свойственное, относитъ къ себѣ, и
 вдругъ безо всякаго о томъ предувѣдо-
 мленія, сію опривиспую угрозу влагаетъ
 въ уста раздраженнаго полководца. Ибо
 рѣчь совершенно бы ослабѣла, естлибъ
 онъ включилъ слѣдующія слова: „Гекторъ
 „сказалъ тогда то либо другое.“ Но
 такой нечаянный переходъ упредилъ
 скорость и самаго Поэта. Почему фи-
 гуру сію тогда только употреблять
 надобно, когда скорость времени не-
 позволяетъ медлить Писателю, но при-
 нуждаетъ вдругъ перейти отъ одного
 лица къ другому, какъ и у Гекашея:

„Врачебной дали мнѣ воды;
 „Успей и всѣ забудь труды;
 „Умой росой Кастальской очи,
 „Чрезъ степь и горы взоръ простри,
 „И духъ свой къ тѣмъ странамъ впери,
 „Гдѣ всходитъ день по темной ночи.“

„Смущенный такою вѣстію Царь Це-
 „иксѣ немедленно повелѣваетъ Иракли-
 „довымъ попомкамъ выпти изъ его цар-
 „ства. Ибо я не въ силахъ вамъ покро-
 „вительствовать. И такъ, дабы вамъ
 „самимъ не погибнуть и меня не погу-
 „бить, удалитесь къ другому какому
 „нибудь народу.“ Димосѣенъ въ своей
 рѣчи прошивъ Аристогигона употре-
 билъ сію фигуру другимъ какимъ—то
 и при томъ весьма искуснымъ и спра-
 внымъ образомъ: „И изъ васъ никто
 „не найдется, говоритъ Ораторъ, кто
 „чувствовалъ гнѣвъ и негодованіе, видя
 „сего гнуснаго и безстыднаго человѣка,
 „нарушающаго священнѣйшіе законы?
 „злодѣя, который О! величайшій
 „изъ всѣхъ злодѣевъ! Ничто не могло
 „бы удержать твоей необузданности
 „ни сіи заклепы, ни сіи двери, кото-
 „рая другой бы ктонибудь отворилъ

„мо
 пер
 уде
 два
 вел
 по
 ги
 ну
 бол
 —
 (2)

„Н
 „В
 „С
 „Ж
 „П
 „К
 „П
 „И
 „Т
 „К

„могъ (2).“ Не окончавъ мысли, вдругъ перемѣняетъ видъ рѣчи, и не могши удержаться отъ гнѣва, одно слово на два лица раздѣляетъ: и копорый... о! величайшій изъ всѣхъ злодѣевъ!“ Потомъ вдругъ обративъ рѣчь на Аристопотона, какъ бы прежде имъ оставленную, въ сильной страсти своей тѣмъ большее дѣлаетъ въ судьяхъ впечатлѣніе.

(2) Таковой переходъ отъ одного лица къ другому иногда составляетъ фигуру Обращеніе (Апострофу), какъ видно изъ приводимыхъ нашимъ Авторомъ примѣровъ. Такъ Г. Державинъ, сказавъ прежде о непостоянствѣ нашихъ желаній, и вдругъ какъ бы опомнясь, что пишетъ къ сосѣду своему, обращаетъ рѣчь къ нему.

„Непостоянство доля смертныхъ;

„Въ прелѣнахъ вкуса счастье ихъ,

„Среди утѣхъ своихъ несмѣшныхъ

„Желаемъ мы утѣхъ иныхъ.

„Придутъ, придутъ часы тѣ скучны,

„Когда твои ланины тучны

„Престанутъ Граціи прелести,

„И можетъ быть съ тобой въ разлукѣ

„Твоя ужъ Пенелопа въ сукѣ

„Коверъ не будетъ разпускать.

Такимъ же образомъ изъясняется и Пенелопа :

„Вѣспникъ! почто жестокіе женихи
 „мои тебя сюда предпослали? Не обѣ-
 „явишь ли хочешь отъ нихъ повелѣніе,
 „дабы рабыни божественнаго Улисса
 „престали отъ дѣлъ своихъ и пригото-
 „вили для нихъ пиршество? О Боги!
 „даруйте, да въ сей день послѣднее
 „будетъ для нихъ пированіе и бесѣда
 „со мною! Безстыдные! спекаясь часно
 „ко мнѣ, вы пожираете спяжаніе
 „мудраго Телемака. Или вы въ дѣлствѣ
 „своемъ не слышали отъ отцевъ вашихъ,
 „каковъ былъ Улиссъ?“ (3).

(3) Г-нъ Державинъ, изображая *Павлина*, переходя къ ослѣпляющей насъ пышности такъ :

„Но что за чудное явленіе?
 „Я слышу нѣкій странный визгъ!
 „Сей Фениксъ опустилъ вдругъ перье,
 „Увидя гнусность ногъ своихъ; —
 „О пышность! какъ ты ослѣпляешь!
 „И баринъ безъ ума — Павливъ.“

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ОСЬМАЯ.

О Перифразисѣ.

Никто, думаю, не будетъ мнѣ въ томъ противорѣчить, что и *Перифразисъ* (Обреченіе) способствуетъ къ возвышенію слова. Ибо, какъ въ музыкѣ главный звукъ бываетъ пріятнѣе, когда сопровождается разными соотвѣствующими ему тонами: такъ и Перифразисъ часто дѣлаетъ гармонію съ собственнымъ реченіемъ и весьма способствуетъ къ украшенію; а особливо, когда нѣтъ въ немъ ничего надушаго и разстроенаго, но все въ надлежащемъ согласіи. Сему прекрасный примѣръ представляетъ Платонъ въ началѣ надгробнаго своего слова: „Наконецъ, говоритъ онъ, мы самымъ дѣломъ воздали имъ послѣдній долгъ, послѣ чего теперь совершають они роковой путь свой, въ который отправляются въ провожаніи

„какъ всего города вообще, такъ и род-
 „ныхъ своихъ особенно.“ — Во первыхъ,
 смерть называетъ онъ *роковымъ путемъ*;
 потомъ, послѣдній долгъ воздаваемый
 умершимъ, называетъ *общимъ всего оте-
 гества провожаніемъ*. Не правда ли, что
 онъ такимъ образомъ умѣренно мысль
 возвысилъ и помощію мелодически
 разлипаго въ рѣчи Перифразиса, изъ
 самаго простаго выраженія составилъ
 нѣкопору гармонію? Равномѣрно и
 Ксенофонтъ: „Вы трудъ почищаете
 „единственнымъ вождемъ къ пріятной
 „жизни. Но души ваши украшены на-
 „илучшимъ качествомъ, какое только
 „могутъ имѣть люди рожденные къ
 „войнѣ; т. е. что вы ничемъ столько
 „не прогааетесь, какъ похвалою. Вме-
 сто словъ: *хотите трудиться*, сказавъ:
почитаете трудъ единственнымъ вождемъ
къ пріятной жизни, и разпространивъ рѣчь
 подобнымъ образомъ, придалъ похвалѣ

какую-то величественную мысль. Прибавимъ къ сему еще оное неподражаемое. Иродотово выраженіе: „Богиня, „вѣ наказаніе Скиѳовѣ за разграбленіе „храма, послала къ нимъ женскую болѣзнь (1).“

ГЛАВА ДВАТЦАТЬДЕВЯТАЯ.

*Неумѣренной Перифразисъ бываетъ
пустъ и легкомысленъ.*

Нѣтъ ничего лучше въ сочиненіи, какъ Перифразисъ, естли не нарушена будетъ въ немъ мѣра; въ противномъ случаѣ она вдругъ дѣлается отвращительною, пустою и грубою. Почему и Платона, который всегда изобиленъ

(1) Не знаю почему Лонгинъ сей Иродотовъ Перифразисъ почитаетъ неподражаемымъ, да и что такое разумѣется подъ именемъ женской болѣзни, не извѣстно.

въ украшеніяхъ, и даже иногда, по
мнѣнію нѣкоторыхъ, употребленіе ихъ
не къ мѣсту, многіе осмѣивають въ
томъ, что онъ сказалъ въ книгѣ своей
о законахъ. „Не должно ни *сребреному*
„ни *златому* богатству позволять водво-
„ренія въ городѣ.“ Если бы, го-
ворятъ они, вздумалъ Платонъ запре-
пить держаніе скотъ, то конечно бы
овецъ и быковъ назвалъ также богат-
ствомъ.

Но сказаннаго нами вообще о упо-
требленіи фигуръ, касательно *высокаго*,
довольно. Ибо всѣ онъ дѣлають рѣчь
спрасниѣе и живѣе; а *страсти* сколько
заключаютъ въ себѣ *высокоуши*, сколько
нравы пріятности.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

О выборѣ словъ.

Поелику мысль и выраженіе по большей части взаимно сами себя объясняютъ, то посмотримъ, не нужно ли еще что нибудь примѣнить въ той части слова, которая называется *израженіемъ* или *выговоромъ*. Излишне было бы сказать тебѣ, любезный Теренціанъ, которому сіе такъ извѣстно, что выборъ собственныхъ и великолѣпныхъ словъ удивительно какъ трогаетъ и обворожаетъ слушателя (1). Можемъ

(1) „Можно сказать, говоритъ Ролленъ, что „слова стоятъ только того, чего хотятъ, „чтобы они стоили, и что одно искусство „Сочинителя даетъ имъ цѣну. Поелику „они опредѣлены къ выраженію мыслей, „то они и родиться должны. Ибо „хорошія выраженія обыкновенно привязаны бывають къ самымъ вещамъ, и „слѣдуютъ за ними, какъ тѣнь за тѣломъ. Это былабы погрѣшность, есть-

быть ни откуда Орапоры и всѣ вообще Писатели, о высокости слова спарающіеся, не заимствуюшѣ сколько величества, изящности, вѣсу, силы, крѣпости и ясности для своихъ твореній,

„либѣ кто думалѣ, что надобно искать
 „оныхъ въ матеріи, какѣ будтобѣ они
 „отѣ насѣ скрывались и надобно было
 „насильно употреблять оныя. — Когда
 „кто сочиняетѣ, то слова подобны бы-
 „ваютьъ служителямѣ въ домѣ хорошо
 „управляемомѣ; они не ожидаютѣ того,
 „чтобѣ ихѣ позвали, но сами предстаютѣ
 „и бываютьъ всегда гоповы въ нуждѣ. На-
 „добно только дѣлать въ нихѣ выборѣ и
 „умѣть употреблять каждое изѣ нихѣ
 „въ своемѣ мѣстѣ.

Г. нѣ Ломоносовѣ и Державинѣ знаютѣ
 сію тайну, какѣ никто лучше изѣ Россій-
 скихъ Поэтовѣ; напр: когда говоритѣ
 нашѣ Пиндарѣ.

„Подѣ сильною его пятою

„Кремнистые бугры трещатѣ;

то кто не слышитѣ сего треска подѣ
 стопами гордаго исполина? — Г. Держа-
 винѣ такѣ начинаетѣ гремѣть вмѣстѣ

какъ изъ сего источника; всѣ сіи красоты въ рѣчи, подобно какъ въ превосходныхъ картинахъ получаютъ блескъ свой отъ выбора словъ, копорыя сообщаютъ предметамъ какую-то душу и голосъ; словомъ: отборныя слова по истинѣ суть собственной свѣтъ нашихъ мыслей. Однакожь не вездѣ надобно напыщать рѣчь нарядными словами. — Ибо выражать низкой предметъ словами величественными и важными поже самое значить, какъ бы большую траги-

съ Суворовымъ въ своемъ *Переходѣ чрезъ Альпы*:

„Сквозь тучи вдругъ лежащи, черны,
 „Твой горній кроючи полетъ,
 „Носящи страхъ намъ, скорьби зѣльны,
 „Ты грянулъ наконецъ! — ■ свѣтъ
 „Отъ молніи твоёй горящій,
 „Сердца Алпійскихъ горъ потрясшій,
 „Струей вселенну пролетѣлъ;
 „Чрезъ неприступны переправы,
 „На высотѣ ты новой славы
 „Явился Сѣверной Орелъ.“

ческую маску надѣтъ на ребенка, выключая только въ Спихотворствѣ. * *

* * (2).

(2) Что такое далѣе сказать хотѣлъ Авторъ нашъ, неизвѣстно. Въ дополненіе къ сему, я только скажу, что нашъ языкъ наиболѣе способенъ отличить своими словами одинъ слогъ отъ другаго, стоить только умѣть имъ пользоваться. Для высокаго слога у насъ есть особливья слова, которыя было бы худо употребить въ слогъ низкомъ, и на оборотъ. Примѣсь Славянскаго нарѣчія, также сокращеніе и протяженіе, уменьшеніе и увеличеніе словъ еще болѣе умножаютъ его изобиліе. На пр: когда мнѣ надобно сказать важно, то я говорю: *попираю, потрясаю, позлащеннѣй, кумирѣ* или *истуканѣ, гряди, реку, гласѣ*, и пр: когда же просто, то говорю: *тонгу, позолотеннѣй, болванѣ* или *статуя, иди, говорю, голосѣ*, ■ пр. Однако и сіи слова принимаютъ какую-то сановитость, какъ скоро Писатель умѣетъ искусно ихъ употребить.

Вотъ что Екатерина Великая писала къ Вольтеру о Россійскомъ языкѣ въ сравненіи его съ Французскимъ: „нѣтъ ничего труднѣе, какъ перевести на языкъ

„не

„ли

пр

хва

(1)

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

О словахъ простонародныхъ.

* * * * *

* * Сіе мѣсто въ Анакреонѣ: „уже
„не кружитъ моей головы Эракійская
„лира“ (1), хотя число, но весьма
проспо. Не меньшую заслуживаетъ по-
хвалу и оное мѣсто въ Теопомпѣ, ко-

„Французской, что бы такое ни было на
„Рускомъ написано; сей послѣдній столь
„богатъ и выразишеленъ, и терпитъ та-
„кіе извороты и составленія словъ, что
„изъ него можно сдѣлать все, что уго-
„дно; а вашъ столь ученъ и столь бѣ-
„денъ, что надобно быть вами, чтобъ
„изъ него сдѣлать такое употребленіе,
„какъ вы сдѣлали,

(1) Какъ сія Анакреонова Ода не дошла до
нашихъ временъ, то мнѣ позволено
догадываться, что такое Стихотворецъ
хочетъ сказать въ сихъ словахъ: *Ὀυκ ἔτι
Ἑρακίης ἐπιγρέφομαι*. — Онъ столько занятъ
любвовными дѣлами, что Эракійская, т.
е. Орфеева лира не кружитъ уже головы
его.

торое, по приличію къ предмѣту, кажется мнѣ весьма значительнымъ, хотя Цецилій, не знаю почему, оное охуждаетъ. „Филиппъ, говоришь онъ, „весьма способенъ былъ въ случаѣ нужды „переломить себя“ (2). Въ самомъ дѣлѣ, иногда простая и обыкновенная рѣчь

(2) *Αὐτοφάγῃσι πρῶτα*. Сіи слова весьма значительно выражаютъ свойства Филиппа, Царя Македонскаго; но на Рускомъ языкѣ никакъ не можно въ короткихъ словахъ изобразить мысль оныхъ. Историкъ сими простыми на Греческомъ языкѣ словами хочетъ сказать, что Филиппъ, по гибкому своему характеру, въ необходимости, *переломивъ себя*, охотно дѣлалъ то, чего бы ему и не хотѣлось, — волю свою подчинялъ вещамъ, а не вещи своей волѣ, и переносилъ все равнодушно. — Но это не значитъ недостатокъ нашего языка. — Всякой языкъ имѣетъ свои идиоматизмы, которые сколько трудно перевести на другой, столько ■ не нужно. Возмемъ вмѣсто того примѣры на нашемъ языкѣ. Слова: *давнутъ, разсѣстся, лихой, трѣснутъ, сдвинутъ* весьма просты; но посмотрите, какую силу получаютъ они

сильнѣе выражаетъ мысль, нежели всякое украшеніе, такъ какъ это всегда видѣть можно въ общежитіи. При томъ, что обыкновеннѣе, то по сему уже одному и вѣроятнѣе. Почему, говоря о такомъ человѣкѣ, который изъ любочестія сноситъ великія поруганія не токмо терпѣливо, но и съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, весьма значительно сказать, что онъ *въ слугахъ нужды легко*

въ устахъ нашихъ Поэтовъ, когда, напр: говоряшъ они о Борѣ:

„Сгустилъ туманы въ облака,
„*Давнулъ* и облака *разсѣлсѣ*;

Или о Герое же:

„Вся Природа содрогала
„Опѣ *лихова* старика;

Или о героѣ:

„И горы *трѣснули* подъ нимъ;

Или о всемогуществѣ Божіемъ:

„Не я ли сильною рукою

„Открылъ и разогналъ туманъ

„И съ суши *сдвигнулъ* Океанъ?“

Къ стати здѣсь примѣшеть, сколь много способствуютъ къ возвышенію рѣчи слова

можетъ себя переломить (*ἀναυχοφάγῃσιν*
πράγματι). Къ сему же отнести должно
 и слѣдующія слова Иродотовы: „Клео-
 „менъ, говоришъ онъ, въ безуміи изрѣ-
 „залъ шѣло свое (*ножикомъ*) въ мѣлкіе
 „куски, такъ что наконецъ искрошивъ
 „всего себя, испустилъ духъ.“ Также:
 „Пиеей до шѣхъ поръ на кораблѣ сра-
 „жался, пока всего его не изрубили. Тако-
 выя выраженія очень близко подходятъ
 къ проstonароднымъ, но въ значитель-
 ности своей отъ нихъ весьма далеки.

дѣйствіямъ и явленіямъ Природы подра-
 жающія. напр:

„Ее (лань) страшитъ вокругъ шумъ, бурь
 свистъ,

„И хрупкій подъ ногами листъ.“

Или: „Онъ спитъ — и въ сихъ мечтахъ веселыхъ

„Внимаетъ *завыванье* псовъ,

„Ревъ вѣтровъ, *скрежетъ* деревъ дебелыхъ,

„Стенанье филиновъ и совъ,

„И вѣщихъ гласъ вездѣ животныхъ

„И тихій *шорохъ* вокругъ безплотныхъ.“

Или: *грохочетъ* эхо по лѣсамъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

О совокупленіи Метафоръ.

Въ разсужденіи совокупленія Метафоръ, Цецилій согласенъ съ мнѣніемъ тѣхъ, которые для изображенія одной вещи предписываютъ не больше двухъ, а много при метафоры. Въ семъ случаѣ, равно какъ и въ другихъ, также должно послѣдовать Димосѣену. Онъ показываетъ намъ, что есть такіе случаи, въ которыхъ необходимо употребленіе многихъ Метафоръ, когда спраши, стремясь подобно быспрому потоку, по неволѣ и толпой увлекающъ ихъ съ собою. „Сіи гнусные люди, „говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, сіи „подлые лъспецы, которые, терзавъ „прежде заговорами своими опечесиво, „въ безчинствѣ предали вольность сперва Филиппу, а нынѣ Александру; которые, измѣряя щастіе свое угожде-

„ніемъ чреву и развратомъ, разрушили
 „границы честности и истребили то
 „правило, въ коемъ древніе Греки по-
 „синавляли все свое благополучіе; т. е.
 „чтобъ не терпѣшь надъ собою ника-
 „кого начальника.“ — Здѣсь во множе-
 ствѣ проповѣй усматривается на измѣн-
 никовъ весь гнѣвъ Оратора. Впрочемъ
 Аристофель и Теофрастъ думающіе,
 что не худо отважныя Метафоры ого-
 варовать слѣдующими выраженіями:
такъ сказать, какъ бѣ, если можно такъ
сказать, или если смѣю такъ сказать,
 и пр. — Ибо такое извиненіе, говоряще
 они, смягчаетъ смѣлость оныхъ. Я со-
 гласенъ съ ними въ семъ мнѣніи; одна-
 кожъ сильныя и приличныя обстоятель-
 ствамъ спраши и благородную высо-
 кость, такъ какъ прежде сказано мною
 о фигурахъ, признаю особеннымъ и на-
 лучшимъ средствомъ противъ спеченія
 и отважности Метафоръ. Ибо свой-

ство ихъ таково, что силою стремле-
 нія своего онѣ все возхищаютъ и увле-
 каютъ съ собою; онѣ по необходимости
 требуютъ смѣлыхъ выражений и не
 даютъ слушателю заниматься разбо-
 ромъ Метафоръ, приводя его въ одина-
 кое съ Ораторомъ изступленіе. Также
 въ общихъ мѣстахъ и описаніяхъ ничто
 такъ не выразительно, какъ частое и
 продолжительное употребленіе проповѣ-
 сти. Помощію оныхъ у Ксенофонта съ вели-
 кою пышностію описано зданіе чело-
 вѣческаго тѣла, а у Платона боже-
 ственно. Послѣдній изъ нихъ голову
 теловѣческую называетъ *зѣлкою*, шею
истмою (перешейкомъ) *утвержденіемъ*
между ею и грудью; а позвонки, веревки,
 на коихъ она оборачивается. Онѣ говорятъ,
 что удовольствіе есть *приманка* *всѣмъ*
бѣдствіямъ людей; языкъ судья *вкусовъ*;
 сердце, начало связи *всѣхъ* жилъ и исто-
 чникъ крови *быстро-разливающейся* оттуда

но всѣмъ членамъ; и что оно расположено на подобіе отовсюду охраняемой крѣпости; а порогъ сушь не иное что, какъ узкія улицы. „Боги, продолжаетъ онъ, желая „пособити препенанію сердца при не- „чаянномъ страхѣ, и воспаленію во вре- „мя гнѣва, положили подъ него легкое, „коего вещество мягко, безкровно, и „внутри, подобно губкѣ, снабжено ды- „рочками, дабы сердце въ сильномъ во „время гнѣва біеніи, прыгая какъ бы на „какую подушечку, не повредилось.“ Онъ сѣдалище вождельній называетъ жен- скою комнатою; а гнѣва, мужескою; селе- zenку называетъ кишковою кухнею, кото- рая наполняясь нечистотою, вздувается и пухнетъ. Потомъ продолжаетъ онъ: „Боги всѣ сіи части покрыли мясомъ, „которое служилъ имъ вмѣсто ограды „и защиты противъ зноя и спужи, и „подобно взбитой шерсти (войлоку): „уступаетъ всякимъ легкимъ ударамъ.“

Онѣ *кровь* называетъ *пищею мяса*; „а дабы
 „всѣ части тѣла нашего, продолжаетъ
 „онѣ, могли получать пищу, то они
 „какъ бы въ саду вырыли много каналовъ,
 „дабы потоки жилъ, выходя изъ сердца,
 „какъ изъ источника, могли пропекать
 „сими узкими каналами человѣческаго
 „тѣла. Когда же приблизится смерть,
 „то канаты души, такъ какъ у корабля,
 „опивязывающіяся и ославляющія себя въ
 „свободѣ“ (1). Послѣ сего слѣдуетъ
 „множество другихъ подобныхъ симъ
 „проповѣдей. Но сказаннаго нами довольно
 „къ показанію, сколь величественны сіи
 „пропы сами по себѣ, сколько Метафоры
 „способствуютъ къ *высокому*, и сколь

(1) Не знаю какъ другимъ, а мнѣ не всѣ
 части въ сей Аллегоріи нравятся, и еще
 менѣе, въ противность Лонгину, кажутся
 божественными. Я думаю, что виноваты
 въ семъ не языкъ нашъ, но то, что
 вкусъ нашъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ
 не сходенъ со вкусомъ древнихъ.

полезны онѣ какъ къ выраженію спра-
 сшей, такъ и въ повѣснвованіяхъ и
 описаніяхъ. Однако употребленіе Тро-
 повъ, равно какъ и всѣхъ другихъ укра-
 шеній слова, всегда вовлекаетъ въ изли-
 шество; но это уже извѣстно, хотя бы
 я и не сказывалъ. Для сего-по и самого
 Плафона не мало въ томъ порицаютъ,
 что онъ часто, какъ бы опъ излишней
 справки къ словамъ, предается вле-
 ченію неумѣренныхъ и грубыхъ Мета-
 форъ ■ пустой Аллегорической пышно-
 сти. Трудно понять, говорятъ они,
 какъ „городу можно быть благораспо-
 „реннымъ подобно чашѣ, въ которой
 „наливаемое вино сперва кипитъ и пѣ-
 „нится, потомъ вдругъ вошедъ въ со-
 „общество съ другимъ *трезвѣмъ*, нака-
 „зѣвающимъ его *Богомъ*, становится
 „умѣреннымъ и хорошимъ напиткомъ.
 „Назвавъ воду *трезвѣмъ Богомъ*, и упо-
 пребитъ слово *наказатъ* вмѣсто *умѣ-*

ритъ — таковой вздоръ, говорятъ они, доказываетъ, что самъ Писатель не слишкомъ презвѣ. И сіе-то, можетъ быть, подало поводъ Цецилію столь смѣло въ своихъ на Лизія примѣчаніяхъ сказать, что Лизій во всемъ превосходитъ Плафона; но сіе мнѣніе внушено двумя самыми несправедливými справами. Ибо онъ не только любилъ Лизія больше самого себя, но и больше ненавидѣлъ Плафона, нежели любилъ Лизія; къ тому же, поспрашивъ къ противорѣчію, утверждалъ о сихъ Писателяхъ много такого, что еще не всѣми такъ признано, какъ онъ думалъ; ибо Лизія столько предпочитаетъ Плафону, что какъ бы онъ никакой не имѣлъ погрѣшности, а послѣдній слишкомъ много, — что не только не справедливо, но и никакой вѣроятности не имѣетъ.

*

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Что лучше, совершенная ли посредственность безъ высокаго, или высокое съ нѣкоторыми несовершенствами?

Положимъ, что можно найсти такого Писателя, которой бы не имѣлъ никакого недоспапка, и коему бы не въ чемъ было попрекнуть; но споль благородной предмѣтъ не заслуживаетъ ли, чпобъ разсмотрѣнъ былъ вообще слѣдующій вопросъ: что такое лучше какъ въ прозѣ такъ и въ стихахъ; высокое ли съ нѣкоторыми недоспапками или посредственность во всемъ совершенная и безъ всякихъ пороковъ? Также, судя по самой справедливости, которое изъ двухъ сочиненій предпочпительнѣе, то ли, въ коемъ больше красота, или то, которое болѣе приближается къ высокому? Сии вопросы, какъ суще-

ственные нашему предмету, необходимо должны быть разрешены.

И такъ, во первыхъ извѣстно мнѣ, что необыкновенная возвышенность не можетъ быть совершенно исправною. Ибо строгая во всемъ правильность подвержена низкости; въ высокомъ же точно такъ, какъ и въ великомъ богатствѣ, должно быть нѣкоторой небрежности. Напропивъ, обыкновенно почти не возможно бываешь, чтобъ низкой и посредственной умъ сдѣлалъ ошибку; ибо никогда не опваживаясь и не возвышаясь, всегда находится въ безопасности; а высокое, по собственному своему свойству, подвержено опасности. Впрочемъ безъизвѣстно мнѣ и то, что человѣческія произведенія всегда бывающъ примѣтнѣе по худшей ихъ сторонѣ, и воспоминаніе погрѣшностей пребываетъ неизгладимо; а то, что есть въ нихъ прекраснаго, скоро за-

бывается. Почему, хотя я самъ не мало погрѣшностей нашелъ какъ въ Омирѣ, такъ и въ другихъ превосходныхъ Писателяхъ, и оными болѣе всѣхъ былъ не доволенъ; однако почитаю оныя не произвольными погрѣшностями, но недо-
 смопрѣнными небрежностями, потому что умъ стремящійся къ высокому, презираетъ таковыя мѣлочи. Изъ сего заключаю, что великимъ дарованіемъ, хотя бы они и не во всемъ были правильны, надобно всегда отдавать преимущество, если не въ другомъ чемъ, то по крайней мѣрѣ въ томъ одномъ, что они имѣютъ духъ возвышенный. Но поелику Аполлоній, который написалъ Поэму объ Аргонавтахъ не имѣетъ никакихъ пороковъ, и Теокрытъ, еще счастливѣйшій Поэтъ въ пастушескихъ ссихотвореніяхъ, кромѣ нѣкоторыхъ его Эклогъ, не принадлежащихъ къ сему роду ссихотворства: то Омиромъ ли

ты лучше бы желалъ быть или Теоκρι-
помъ либо Аполлоніемъ (1)?

И поелику Ерапосѣенова *Эригона* ни
въ чемъ похулена быть не можетъ: то
не ужели для сего скажешь ты, что
Ерапосѣенъ есть большій Поэтъ нежели
Архилохъ, который божественнымъ ума
своего спремленіемъ, неподверженнымъ
никакому закону, все влечетъ съ собою
безъ всякаго порядка и бережливости?
Также въ Лирическомъ стихотворствѣ
лучшели бы ты желалъ быть Вакхили-
домъ или Пиндаромъ; а въ Трагедіяхъ,

(1) Надобно прежде справиться съ своими
дарованіями, ■ потомъ желать того либо
другаго. Мнѣ кажется, лучше быть
Теокрипомъ или Аполлоніемъ, нежели спа-
раться быть Омиромъ, дабы только шѣмъ
смѣшить другихъ. — Но узнать мѣру и
границы своихъ дарованій есть также да-
рованіе. Никогда бы не было дурныхъ
Писателей, если бы всякъ зналъ на-
значенную ему дорогу, по которой онъ
идти долженъ.

Іономъ, Поэтомъ Хіосскимъ или Софокломъ? Поэтому что тѣ писали со всею исправностію, гладкостію и изяществомъ (2); а Пиндаръ ■ Софоклъ, между тѣмъ какъ въ быспромъ своемъ спремленіи, подобно великому пожару, все пожигаютъ, часто сверхъ всякаго чаянія пухнутъ и несчастнымъ образомъ падаютъ. Но при всемъ томъ найдется ли хоть одинъ здравомыслящій, кѣмъ бы не предпочелъ всѣмъ вмѣстѣ Іоновымъ швореніямъ одного Софоклова Эдипа?

(2) Однакожь это не для того сказано, чтобъ мы не старались о исправности и чистотѣ — слога. Тѣ Писатели весьма ошибаются, которые пренебрегаютъ даже Грамматическую исправность, и коихъ у насъ весьма много. Нѣкоторые даже думаютъ, будто *гертой* *Генія* должны блистать *въ кутѣ* ошибокъ и неисправностей, и для того нарочно попускаютъ оныя въ своихъ сочиненіяхъ. Чтобы такое иногда было, когда бы сіи алмазы находили только *въ навозныхъ кугахъ*?

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

О томъ же; также сравненіе Димосеена съ Гиперидомъ.

Естьли о достоинствѣ Писателей судить по числу, а не по качеству ихъ красотъ, то Гиперидъ безъ сомнѣнія долженъ быть предпочтенъ Димосеену. Ибо онъ больше его какъ гармоніи, такъ и другихъ Орапорскихъ совершенствъ имѣетъ, и при томъ въ превосходномъ степени, подобно Аплету называемому Пеншашломъ (1), который хотя на всѣхъ сраженіяхъ другими Аплетами побѣждается, однако превосходитъ всѣхъ ихъ, кои подобно ему занимаются

(1) *Атлетами* назывались у Грековъ тѣ, которые спорили о наградѣ на публичныхъ играхъ; а *Пеншатлами* тѣ, кои упражнялись во всѣхъ пяти подвигахъ, какъ-то: въ борбѣ, въ бѣганьѣ, въ скаканіи, въ метаніи кружка (диска) и копья.

всѣми пятью подвигами. Ибо Гиперидѣ подражалъ всѣмъ Димосѣеновымъ красотамъ, кромѣ сочиненія словъ; сверхъ того, онѣ присвоилъ себѣ совершенства и пріятности Лизіевы, смягчаеиця, гдѣ потребна простота и опккровенность, ■ не говоритъ вездѣ, какъ Димосѣенѣ, съ единоголасіемъ, живописуетъ нравы съ какою-то умѣренною и пріятною сладостію; его вѣжливостъ безподобна, насмѣшки самыя тонкія и благородныя, удивительное искусство въ употребленіи ироніи; шутки его благоприспойны и не вынуждены, какъ бывающѣ у худыхъ подражателѣй Аптическому слогу, но изъ самаго предмета родящя. Съ какимъ искусствомъ отражаетъ онѣ дѣлаемыя ему возраженія! Сколько въ немъ забавнаго и комическаго! и все сіе распворено такимъ скромнымъ оспрословіемъ, все приправлено такою неподражаемою пріятно-

спью! Сверхъ того, онъ рожденъ къ возбужденію жалости, обиленъ въ баснословныхъ повѣствованіяхъ, гибокъ въ опскупленіяхъ и переходахъ къ своему предмѣту, когда ему вздумается; что видѣть можно изъ его опскупленія о Лапонѣ, преисполненнаго красотъ стихотворческихъ. Его надгробное слово съ такою пышностію написано, что я не знаю, можетъ ли кто другой такъ написать.

Чтожь касается до Димосеена, онъ не умѣетъ такъ хорошо изображать нравы; не обиленъ, не гибокъ, не способенъ къ пышности, и лишенъ всѣхъ почти выше сказанныхъ совершенствъ. Припомъ, когда усиливается быть забавнымъ и шупливымъ, то не возбуждая въ другихъ смѣха, самъ лишь смѣшнымъ дѣлается; и чѣмъ больше стараемся приблизиться къ пріятности, тѣмъ далѣе отъ нее отходитъ. Одна-

ко какъ, по мнѣнію моему, Гиперидовы красоты, коихъ въ немъ весьма великое множество, не имѣютъ въ себѣ ничего величественнаго и родились изъ сердца, не согрѣшаго жаромъ вдохновенія: по по сему онъ вялы и оспавлиютъ въ слушателей какую-то пусшину; ибо кто при чтеніи Гиперида приходитъ въ восторгъ? — Напропивъ, Димосѣенъ, совокупивъ въ себѣ всѣ качества Ора-тора, по истинѣ рожденнаго къ высоко-му, ■ усоверша наукою сей тонъ ве-личія, сіи одушевленные страсти, сію плодovitость, ловкость, оборотливость, быстроту, и что всего важнѣе, жаръ ■ силу, къ коимъ никто еще не могъ приблизиться, всѣми сими качествами, сими отъ Бога полученными дарами, коихъ никакъ не можно назвать чело-вѣческими, побѣждаетъ всѣхъ въковъ Орапоровъ, и къ униженію тѣхъ со-вершенствъ, копорыхъ онъ не имѣетъ,

ослабляеиъ ихъ своими молніями и оглушаеиъ громами. И подлинно, легче смотрѣиъ открытыми глазами на низпадающе сѣ неба перуны, нежели не быиъ пронуиу и поражену сильными, повсюду пылающими вѣ его швореніяхъ спрасшями.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

О Платонѣ и Лизіѣ.

Чтожъ касается до Платона и Лизія, между ними есиъ еще, какъ сказано мною, другая разность. Ибо Платонѣ превосходитѣ Лизія не токмо величествомѣ, но ■ множествомѣ красотѣ своихъ. Сверхъ сего, Лизій больше изобилуетѣ пороками, нежели сколько, вѣ сравненіи сѣ Платономѣ, лишенѣ красотѣ. Зачемѣ же сіи божественные Писатели старались только о высокомѣ

въ своихъ сочиненіяхъ, а точность и во всемъ исправность презирали? Кромѣ многого, причиною сему и то, что Природа не сочла человѣка за низкое ■ презрѣнное живошное, но даровавъ ему жизнь, вывела его въ свѣтъ, какъ бы на великое позорище, дабы онъ былъ зрителемъ всего на немъ происходящаго и подвижникомъ жаждущимъ славы; и для того при самомъ рожденіи вліяла въ душу его неодолимую спрасъ ко всему великому ■ божественному. Отсюда происходитъ, что для обширности ума человѣческаго не довольно цѣлаго міра; мысли наши часто прелещаются предѣлы, все сотворенное оканчивающіе. Почему, естли кто со всѣхъ сторонъ обозритъ жизнь нашу и примѣтитъ, сколько величественное ■ превосходное во всѣхъ вещахъ имѣетъ преимущества предъ блистательнымъ и прекраснымъ, тошъ вдругъ увидитъ,

и кѣ чему челоѣкѣ рожденѣ. По тако-
 вому врожденному побужденію, мы не
 маленькимѣ рѣчкамѣ удивляемся, хощя
 бы онѣ были чисты, прозрачны ■
 годны кѣ нашему употребленію: но
 Нилу, Дунаю, Рейну, а еще гораздо болѣе
 Океану. Равнымѣ образомѣ не удивля-
 емся огоньку нами зажженному, какѣ бы
 онѣ ни былѣ ясенѣ, но изумляемся свѣ-
 тилами небесными, не смотря на то, что
 они часто помрачаются; и ничего не на-
 ходимѣ удивительнѣе оныхѣ жерлѣ Эпны,
 копорая часто изѣ нѣдрѣ своихѣ извер-
 гаешѣ камни, скалы, иногда изливаешѣ
 сѣрные рѣки и огненные попоки. Изѣ
 всего сего слѣдуешѣ, что полезное лю-
 дямѣ и даже нужное мы легко приобѣ-
 таемѣ, а величественному и чрезвычай-
 ному только удивляемся.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

*О исправности въ сочиненіяхъ и о
высокости съ пороками.*

И такъ о великихъ Писателяхъ, въ которыхъ, кромѣ полезнаго и нужнаго, находится еще высокое, надобно заключить, что хотя они далеки отъ совершенной исправности, не смотря однакожь на то, имѣютъ въ себѣ что-то бессмертное (1); что имѣтъ прочія совершенства свойственныя человѣку, а высокое возвышаетъ насъ почти до ве-

(1) Тоже самое сказать можно о Ломоносовѣ и Державинѣ. Въ ихъ твореніяхъ встрѣчаются неисправности и погрѣшности прошивъ языка, но что такое значатъ онѣ въ безднѣ ихъ совершенствъ?

„Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
„Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
„Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
„Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ.“

личества Божія; и что исправно-
 стію въ сочиненіяхъ можно только
 избѣжать порицанія; а великое заспа-
 вляетъ другихъ намъ удивляться. Что
 еще прибавить къ сему должно? — То,
 что каждый изъ таковыхъ Писателей
 часто всѣ ошибки свои выкупаетъ, такъ
 сказать, одною высокою и величествен-
 ною мыслию. Къ сему присовокупить на-
 добно и то, что хотя бы кто всѣ Оми-
 ровы, Димосѣеновы, Платоновы, и дру-
 гихъ великихъ Писателей погрѣшности
 собралъ вмѣстѣ, то онѣ не соснавили бы
 ни даже тысячной части превосходныхъ
 вещей ими написанныхъ. И пошому самая
 зависть не могла успѣть въ томъ, чтобъ
 не отдали имъ первенства во всѣхъ
 вѣкахъ, и никто еще до сего времени
 не могъ опныть у нихъ той цѣны, ко-
 торую они по нынѣ сохранили и вбро-
 шно сохраняютъ,

„Доколь течеть вода, а дерева растутъ (2).

Впрочемъ, можетъ быть, кто нибудь скажетъ мнѣ, что Колоссъ, который имѣетъ свои недостатки, не лучше Поликлетова Дорифора (3). На сіе кромѣ прочаго можно сказать и то, что въ твореніяхъ искусства удивляться надобно совершенству въ отдѣлкѣ; а въ произведеніяхъ природы величію и высокоси. — Природа одарила человека разумомъ и словомъ. Почему въ ваяніяхъ потребно сходство съ чело-

(2) Діогенъ Лаертій стихъ сей приписываетъ Клеовулу.

(3) Поликлетъ Сикіонянинъ превзошелъ въ ваяніи всѣхъ своихъ предшественниковъ и современниковъ. Онъ сдѣлалъ статую Дорифора или воина, которая почиталася превосходнѣйшимъ произведеніемъ сего искусства, и которую Плиній въ исторіи своей называетъ мужественнымъ отрокомъ (*viriliter puerum*).

вѣческимъ тѣломъ; а въ словѣ, какъ
 выше мною сказано, потребно то, что
 превосходило бы все человѣческое. Одна-
 кожъ, дабы не удалился намъ отъ преж-
 нихъ нашихъ разсужденій, — поелику
 долгъ искусства есть предостерегашъ
 насъ отъ погрѣшностей; а возвышеніе
 по большей части не можетъ быть
 равно выдержано: то необходимо нужно,
 чпобъ *искусство* подавало помощь *природѣ*;
 ибо превосходное совершенство есть
 слѣдствіе взаимнаго ихъ вспомошество-
 ванія. Вотъ что я за нужное считалъ
 сказать о выше предложенныхъ мною
 вопросахъ; прочее оставляю на произ-
 воленіе каждаго.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДМАЯ.

О Параболахъ, Подобіяхъ и Илер-
болахъ.

Но возвратимся къ нашему предмѣ-
ту. — Параболы или Сравненія и Подобія
весьма сходны съ Метафорами, и оп-
личаются отъ нихъ только тѣмъ * *
* * (1).

(1) Дополнимъ сіе мѣсто изъ другихъ писа-
телей. *Парабола* или *Сравненіе*, *Подо-
біе* и *Метафора* имѣютъ между собою
великое сходство, и опличаются только
тѣмъ, что первая показываетъ сходство
одной вещи съ другою пространнѣе, а
послѣднія двѣ, короче; ■ первая по боль-
шей части составляетъ цѣлую мысль,
а послѣднія часто въ одномъ только словѣ
закljučаются. — Такъ говорятъ многіе
Риторы. Но по моему мнѣнію, нѣтъ по-
чти никакой разности между первыми
двумя; напримѣръ: *ребра твои бѣлы, какъ
пѣна волнующагося моря, когда терновыя
бури извергаютъ ее на гремящіе берега
Кютона*; или: *какъ бурю, гортанью
воетъ*, это можете бы назвать сравне-

Въ Иперболахъ (2) весьма удобно превзойти мѣру; какъ на примѣръ, въ слѣдующей: „Есѣли только разумъ вашъ „находится въ головахъ вашихъ, а не „попираете его пятами“ (3). Почему, надобно всячески наблюдать, до какой степени можно отважиться въ такихъ фигурахъ; ибо иногда, возвышая Иперболу сверхъ мѣры, вовсе ее уничтожаемъ, точно такъ какъ и все другое отъ излишняго напряженія ослабѣваетъ. Сверхъ того, излишнее

нѣмъ или подобіемъ, какъ вамъ угодно. Но когда говорится: „Копіе Конналово „любитъ *униватися* кровію, то это уже Метафора. Она беретъ отъ одной вещи свойство и приписываетъ другой безъ всякой сравнительной частицы.

(2) Конечно Лонгинъ говорилъ здѣсь о надлежащихъ границахъ Иперболы.

(3) Лонгинъ сіи Димосееновы слова охуждаетъ; а Ермогенъ, Греческій Риторъ, одобряетъ. Кто изъ нихъ правъ, рѣшить не трудно.

возвышеніе иногда производитъ дѣйствіе
совсѣмъ прошивное нами намѣреваемому;
что случилось съ Исократомъ, который,
спараясь все до чрезвычайности воз-
вышашъ, не знаю какъ впалъ въ порокъ
ребячества. — Содержаніе его Паниги-
рика то, что Аѣинская Республика въ
оказываемыхъ Грекамъ благотвореніяхъ
превосходитъ Лакедемонскую; но вопль
какъ онъ его начинаешъ: „Поелику слова
„такую имѣютъ силу, что великое дѣ-
„лаютъ малымъ, а малое великимъ, спа-
„рое представишь могутъ въ новомъ
„видѣ, а новое и недавно случившееся
„выдать за старое.“ Поэтому, скажетъ
иной, и ты, Исократъ, будешь говоришь
намъ съ такими же переменами о Лаке-
демонянахъ и Аѣинянахъ? Ибо такое
въ рѣчь вступленіе служишь слуша-
телямъ какъ бы предварительнымъ увѣ-
щаніемъ, чтобъ они ему не вѣрили.
И такъ, тоже самое сказать должно

и о Иперболахъ, что выше сказано о фигурахъ вообще, — что тѣ изъ нихъ наилучшія, въ которыхъ и виду нѣтъ, чтобъ онѣ были Иперболами. А сіе бываетъ тогда, когда, при сильномъ движеніи духа, сами онѣ рождаются въ важномъ какомъ обстоятельстве. Такъ Фукидидъ описываетъ поражение Афинянъ въ Сициліи: „Сиракузяне, говорятъ „онѣ, вышедъ туда, жестоко, а особливо „тѣхъ, которые были въ рѣкѣ, побивали; „отъ чего вода вдругъ испортилась. „Однакожъ не смотря на то, что она „возмущена была кровію и шиною, ее „пили, и многіе даже дрались за нее.“ — Что кровь и шину пили, ■ при томъ такъ, что многіе даже дрались за нее, сіе великость страха и при томъ самое происшествіе дѣлаетъ вѣроятнымъ. Подобно сему говорятъ Иродотъ о Лакедемонянахъ, убитыхъ на Термопильскомъ сраженіи: „На семъ мѣстѣ

„они защищались еще нѣсколько времени
 „мечами, каковыя оставались у нихъ,
 „руками и зубами, пока варвары вовсе
 „не засыпали ихъ стрѣлами.“ Что
 скажешь ты, любезной мой Теренціанъ,
 о сей Иперболѣ? Какъ можно зубами
 защищаться противъ вооруженныхъ, и
 при томъ быть засыпану стрѣлами? При
 всемъ томъ, это вѣроятно; ибо не пред-
 мѣтъ выбранъ для Иперболы, но Ипер-
 бола сама родилась отъ предмѣта (4). Въ
 самомъ дѣлѣ (я не престану повторять),
 противъ всякой опважности въ словахъ
 вѣрнымъ служишь пособіемъ то, чѣмъ

(4) Въ слѣдующемъ примѣрѣ столь же ощу-
 тительно Ипербола произошла отъ самихъ
 обстоятельствъ описываемаго предмѣта:
 „Такъ мнѣ воиюще, вдругъ морская пу-
 „чина посинѣла, вѣтры отъ четырехъ
 „странъ заревѣли, валы въ колеблемыя
 „горы преобразились, дно морское предъ
 „нами нашими обнажилось ■ поглотить
 насъ угрожало.“ *Кадмъ и Тар. к. IV.*

ее употреблять токмо въ страсти и въ
 такихъ мѣстахъ, гдѣ, кажется, самое
 дѣло того пребудетъ (5). Отсюда про-
 исходитъ, что и Комическія изреченія,
 хотя бы они до невѣроятности про-
 стирались, по причинѣ производимаго
 ими смѣха, кажутся вѣроятными; на-
 пр: „у него было земли меньше Лаконическаго письма“ (6). Ибо смѣхъ

(5) Когда Митрополитъ Самуилъ сказалъ на случай воздвигнутаго Петру I монумента: „Ваше Императорское Величество повелѣли двинуться *горѣ* изъ нѣдръ земли и стать въ подножіе Петру Великому:“ то не самое ли дѣло требовало сказать сіе?

(6) Всѣмъ извѣстна Лаконическая краткость; но сіи слова, кажется, примѣнены именно къ тому письму, которое Лакедемоняне въ отвѣтъ писали на сіи слова: „Lacedaemonii Philippro; т. е. Лакедемоняне Филиппу.“ *Διονύσιος ἐν Κορίνθῳ* „Діониссій въ Коринѣ.“ Симвъ письмомъ хотѣли они устрашить Филиппа, чтобъ онъ не присвоилъ себѣ власти надъ Греціею; т. е. смотри Филиппъ, чтобъ и съ тобою

есть страсть, но только пріятная. Впрочемъ Иперболы служатъ какъ къ возвышенію, такъ и къ пониженію вещей (7); ибо обѣимъ случаямъ свойственно напряженіе; почему и *Діаспрмѣ* есть не иное что, какъ возвышеніе низкости вещей.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ОСЬМАЯ.

О распорядженіи словъ.

Наконецъ, любезный другъ, дошли мы до распорядженія словъ, пятой и послѣдней изъ предположенныхъ нами съ начала часшей, къ высокости слова

тоже не случилось, что съ Діонисіемъ, который недавно былъ въ Сиракузахъ Царемъ, а нынѣ ведетъ въ Коринѣ жизнь проспаго учителя.

(7) Такъ, напр. Державиново: *я царь* возвышаетъ человека; *я рабъ* унижаетъ; *я терю*, также унижаетъ; *я Богъ!* возвышаетъ до самой возможной степени.

способствующихъ. Но какъ я написалъ уже о семъ двѣ книги (1), въ коихъ достаточно изъяснилъ все, что изъ долговременнаго умозрѣнія могъ познать: то здѣсь скажу только то, что за необходимое для настоящаго предмета почишаю; а именно: что *гармонія* служитъ удивительнымъ орудіемъ, природою чловѣку дарованнымъ, не только къ убѣжденію и внушенію удовольствія, но и къ возвышенію духа и возбужденію страстей. Ибо не только флейта, производя въ слушающихъ какія-то необыкновенныя движенія, какъ бы внѣ себя ихъ восхищаетъ, и отражая въ ихъ ушахъ свое паденіе, принуждаетъ за онымъ слѣдовать, и сообразоваться измѣненію голоса движеніемъ пѣла: но и всякіе другіе звоны, даже издаваемые гуслями, хотя сами по себѣ ничего не

(1) Обѣ сіи книги потеряны; — какая потеря!

значашъ, по перемѣною голосовъ, по взаимнымъ сраженіемъ, по смѣшеніемъ симфоніи, часто удивительное, какъ тебѣ небезвѣстно, производя въ насъ очарованіе; и при всемъ томъ, таковыя звуки суть токмо поддѣльныя, ни мало не убѣждающія изображенія и подражанія голосу, а не настоящія, какъ сказано мною, дѣйствія человѣческой природы. Чтоже сказать о сочиненіи, которое есть дѣйствительно какъ бы гармонія врожденнаго человѣку слова; которое не токмо слухъ, но и самую душу поражаетъ; которое возбуждаетъ въ насъ разные образы именъ, мыслей, вещей, красоты и изящности, имѣющихъ съ душою нашею какую-то связь и сродство; которое смѣсю и разнообразностію своихъ звуковъ вливаетъ въ слушателей страсти Орапора и всегда дѣлаетъ ихъ въ оныхъ участниками? Можно ли отринуть, чтобъ

оно, сопрягая съ словосоставленіемъ великость мыслей, не располагало совершенно по своей волѣ духомъ нашимъ, по услаждая насъ, по подчиняя какой-то гордоспи, величавоспи, возвышенію и всякимъ находящимся въ немъ красотамъ? О споль очевидной и вообще всѣми признанной истинѣ безумно бы было сомнѣваться; ибо опытъ ее утверждаетъ. Такимъ образомъ, мысль произнесенная Димосееномъ, по прочтеніи своего *опредѣленія* (2), кажется весьма высока, и подлинно удивительна. „Сіе „опредѣленіе, говоритъ онъ, угрожающую тогда городу опасность разогнало, какъ облако (3). *Τῆτο τὸ ψήφισμα τὸν τότε*

(2) Въ рѣчи *о вѣнцѣ*.

(3) Слѣдующія Авторovy разсужденія касаются одного только Греческаго языка. Кому угодно и кому нужно, пусть прочтетъ ихъ; для незнающихъ же Греческаго языка скажу, что занимается гармоні-

τῇ πόλει περιστάτα κίνδυνον παρελθεῖν ἐποίησεν
ὥσπερ νέφος. Но признайся, что гармонія

ческимъ размѣщеніемъ словъ и періодовъ на нашемъ языкѣ сколько, сколько занимались онымъ древніе Риторы, значило бы только по пустому терять время. Они думали, что и проза, подобно стихотворству, имѣетъ паденіе хотя не столь постоянное, но такое, которое можно подвести подъ правила. Они показываютъ даже число стопъ или цепь долгихъ и короткихъ складовъ, долженствующихъ составлять члены періода, и предсказываютъ, какое они произведутъ дѣйствіе. Когда разсуждаютъ они о составленіи выраженій, то главнымъ предметомъ бываетъ у нихъ гармонія. *Діонисій Таликарнасскій* написалъ цѣлую книгу о распоряженіи словъ, дабы только доказать дѣйствія ихъ гармоніи. По сходству нашего языка съ Греческимъ, можно было бы судить, что не трудно подвести его словораспоряженіе подъ таковыя же правила; ибо и нашъ языкъ имѣетъ такое же какъ оный изобиліе въ словахъ, мелодію пріятности и силы, разнообразность въ звукахъ и въ окончаніяхъ именъ и глаголовъ и свободу въ изворотахъ. Но что бы такое значили сіи правила? Это

красотѣ сей мысли не уступаетъ; ибо
 весь періодъ составленъ изъ Дакшилей,

была бы теорія, которая по сей самой
 свободѣ въ изворотахъ и гибкости языка,
 всегда бы нарушаема было на практикѣ.
 Проза должна быть прозою; она имѣетъ
 право повелѣвать словами, ставитъ ихъ,
 гдѣ угодно, только бы имѣли они свое
 дѣйствіе и силу. Всякая мѣра въ ней
 несносна; сіе можно замѣтить изъ того,
 что хорошій Писатель всячески оспе-
 регается, дабы въ его сочиненіи не было
 выраженій на стихи похожихъ; и ежели по
 случаю находимъ мы въ какой нибудь прозѣ
 мѣру стиховъ, то она производитъ нѣко-
 торое къ себѣ отвращеніе. Сверхъ того,
 ежели научиться изъ чужихъ примѣровъ
 значить благоразуміе, то надобно только
 посмотрѣть на правила, написанныя древ-
 ними Римлянами о измѣреніи прозы, чтобъ
 оставить свои замѣти. Изъ всѣхъ оныхъ
 ни одного не можно извлечь вѣрнаго, дабы
 оно служило компасомъ при сочиненіи.
 Загляните только въ Цицеронова *Оратора*,
 и увидите, что всѣ древніе Критики
 удивительно какъ другъ другу прошиво-
 рѣчаютъ въ разсужденіи сего пункта.

Не смотря на то, не надобно думать,
 что гармоническое словораспоряженіе во-

самой благороднѣйшей и способнѣйшей
къ высокости мѣры; почему она и про-

все должно пренебрегать. Напротивъ, оно имѣетъ великое вліяніе на сочиненія, и всѣ желающіе хорошо писать, пишутъ съ великимъ успѣхомъ, должны обращать на то нарочитое вниманіе. „Слова въ „рукѣ Орашора, говоритъ Роллень, не „иное что какъ мягкой и гибкой воскъ, „которой онъ мнетъ и обращаетъ по „своей волѣ и даетъ ему всякіе виды, „какіе ему угодно. Чрезъ различное словъ „сопряженіе, рѣчь иногда идетъ съ величе- „ственнымъ важностію, иногда течетъ „съ легкою быстрою, иногда плѣняетъ „и восхищаетъ слушателя пріятною „стройностію, или наполняетъ его ужа- „сомъ и содроганіемъ чрезъ жестокое и „грубое паденіе, смотря по различію „матерій, кои предлагаются.“ Но въ этомъ должно руководствоваться насъ, практикою и наблюденіемъ образованное ухо; ибо правила можно преподавать на сіе токмо слишкомъ всеобщія. Есть однакожъ нѣсколько оныхъ для образованія уха въ приличной рѣчи гармоніи; но приводитъ ихъ здѣсь я почишаю за излишнее. Кому угодно, можетъ читать ихъ въ Риторикѣ Г-на Ломоносова, гдѣ говоритъ онъ о

ической, прекрасной, какъ извѣстно, родъ стиховъ соспавляетъ. Есѣли только одно слово переспавить съ своего мѣсна на другое, на примѣрѣ такъ: τὸ τοῦ ψήφισμα ὥσπερ νέφος ἐποίησε τοῦ τότε κίνδυνον παρελθεῖν. Или есѣли хотѣ одинъ складъ опсѣчь: ἐποίησε παρελθεῖν ὡς νέφος, то легко усмотрѣть можно, сколько гармонія способствустъ кѣ высокому.

печеніи слова, вѣ Опытѣ Риторики Рижскаго § 13 — 21 и вѣ Опытѣ Риторики Доктора Блера вѣ статьѣ о расположеніи періодовъ и согласіи, стр. 123. Вѣ заключение всего, скажу съ Г. Карамзинымъ: „да будетъ честъ ■ слава нашему „языку, который вѣ самородномъ богатствѣ своемъ, почти безъ всякаго чужаго „примѣса печетъ, какъ гордая, величественная рѣка — шумитъ, гремитъ и „вдругъ, есѣли надобно, смягчается, „журчитъ, нѣжнымъ ручейкомъ ■ сла„дочно вливается вѣ душу, образуя всѣ „мѣры, какія заключающа только вѣ „падении и возвышении ? человеческого „голоса.“

Ибо сіи слова: ὥσπερ νέφος, опираясь на первомъ складѣ, копорый есть долгой, измѣряются въ четыре приема; такъ что ежели одинъ складъ опнятъ ὡς νέφος, то вдругъ съ таковымъ отсѣченіемъ исчезнетъ величество періода. И напротивъ, ежели прибавленіемъ склада пропьянешь оной, сказавъ: παρελθεῖν ἐποίησεν ὥσπερ νέφος, то хотя значеніе въ сихъ словахъ будетъ тоже, но не тоже паденіе; пошому что какъ періодъ останавливается слишкомъ долго на послѣднихъ складахъ, то *высокое*, копорое было прежде сжато, распянется и ослабѣетъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

О соединеніи частей высокаго.

Къ украшенію ■ возвышенію рѣчи
 весьма много также служишъ самое
 совокупленіе частей *высокаго*, точно такъ
 какъ въ тѣлѣ соединеніе членовъ, ко-
 торые естли раздѣлены между собою,
 то ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ ни-
 какой силы и важности, а всѣ вмѣстѣ
 составляюшъ совершенное тѣло. Такимъ
 образомъ, когда части высокаго будутъ
 между собою раздѣлены, то высокое
 вовсе исчезнетъ: на противъ, когда
 собраны будутъ въ одно тѣло, и при-
 томъ совокуплены онымъ гармониче-
 скимъ союзомъ: то опъ самой сей
 округлости сдѣлаются громкими и ве-
 личественными; и потому *высокое* въ
 періодъ можно сравнить съ пиромъ,
 который дѣлается съ обща съ другими.
 Въ упомянутомъ мною сочиненіи я

довольно ясно доказалъ, что многіе какъ изъ произаическихъ Писателей, такъ и изъ Поетовъ, не бывъ рождены къ *высокому*, никогда не имѣли въ ономъ недосшатка, хошя по большей части употребляли общенародныя, низкія и никакой почти изящности не имѣющія слова. Они подкрѣпляли себя однимъ только стройнымъ распоряженіемъ словъ, которое придавало имъ какую-то сано-виносъ и величавосъ. Изъ числа ша-ковыхъ Писателей есѣ Филистѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Аристофанѣ, и во многихъ Еврипидѣ; на пр. когда Геркулесѣ, по убіеніи дѣшей своихъ, говоришѣ:

„Я такъ исполненъ золъ, что новымъ мѣста
нѣшѣ“ (1).

(1) *Γένω κακῶν δὴ καί ἐστ', ὅπῃ τέθει.* Ясно, что на Русскомъ языкѣ не должно искать въ семъ стихѣ той высокости, каковую уху Лонгиново чувствовало на Греческомъ.

Сія мысль самая простионародная, но соотвѣпствуя словосоставленію сдѣлалась высокою. Еспьли сіи слова иначе расположишь, то увидишь, что Еврипидъ превосходитъ больше въ сочиненіи словъ, нежели въ смыслѣ оныхъ. Равнымъ образомъ въ его *Дирцеѣ* влгтимой телбцолб:

„И въ бѣшенствѣ своемъ
 „Куда ни бросится, вокругъ себя повсюду
 „Крутитъ жену сію, дубъ, каменну громаду (2).

(2)

ἔι δέ πκ

Τύχοι περίξ ἑλίξας ἔιλχ' οὐκ λαβών

Γυνῆκα, πέτραν, δρῦν, μεταλλίστων ἄει. —

Еврипидъ въ сихъ стихахъ говоритъ о несчастной *Дирцеѣ*, которую пасынки ея *Зетъ* и *Амфіонъ* привязали за волосы къ хвосту бѣшенанаго быка въ ошмщеніе за обиды ею ■ мужемъ ея *Ликомъ* причиненныя матери ихъ *Антіонѣ*. Знатски въ Греческомъ языкѣ находящъ въ нихъ весьма много силы, происходящей отъ ихъ гармоніи, а особливо въ словахъ: γυνῆκα, πέτραν, δρῦν, чего выразить на нашемъ языкѣ не можно. За то, выразишъ ли кшо на другомъ языкѣ силу, благород-

Сія мысль по истинѣ благородна, но она сдѣлалась еще сильнѣе отъ того, что въ ней гармонія ни стремительна, ни на подобіе тяжелой массы вдругъ упадаетъ; но слова ея одно другое поддерживаетъ и составляютъ нѣкоторую опору, на коей рѣчь утверждается и вмѣстѣ возвышается.

ство, и величество напимѣрь, слѣдующихъ стиховъ Ломоносова?

„Намъ въ ономъ ужасѣ казалось,
 „Что море въ ярости своей
 „Съ предѣлами небесъ сражалось,
 „Земля спенала отъ зыбей;
 „Что вихри въ вихри ударялись,
 „И тучи съ тучами сражались
 „И устремлялся громъ на громъ;
 „И что надуты водъ громады
 „Текли покрыть пространны грады,
 „Сравнятъ хребты горъ съ влажнымъ дномъ.“

Стихи сіи тѣмъ величественнѣе, что кромѣ гармоніи и грому какъ бы нарочно подобранныхъ буквъ и сражающихся между собою словъ, заключаютъ въ себѣ удивительную картину бунтующей природы.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ.

Что такое противно высокому?

Напрошивъ, ничто такъ не унижаетъ *высокаго*, какъ прерывистое и поропливое измѣреніе слова; каковы супъ *Пиррихи*, *Трохеи* и *Дихореи*, которые способны только для танцованья. Ибо всякая, сими спопами измѣренная рѣчь, вдругъ кажется нарочно прикрашеною, поддѣланною, на самое короткое время прельщающею, и поелику безпрестанно симъ образомъ измѣряется, то и никакой въ другихъ страсти не возбуждаетъ; а еще сего хуже то, что какъ пѣсенки, ошвлекая слушателя ошъ мысли въ нихъ заключающейся, принуждаютъ заниматься пріятностію ихъ тоновъ: такъ равно и измѣренная рѣчь не спрашиваетъ слушателямъ внушаетъ и не важностию вещей въ ней находящихся занимается, но плѣняетъ только пріят-

носпію теченія и спройноспи; такъ
 что иногда предвидя слѣдующія паденія,
 они предупреждають Орапора, и какъ
 въ пляскѣ *шествіе* рѣчи ускоряють сво-
 имъ рукоплесканіемъ. Равнымъ образомъ
 лишена величества и та рѣчь, которая
 слишкомъ сжата, на мѣлкіе и коропкіе
 склады раздроблена и какъ бы *гвоздями*
прибита въ шѣхъ мѣстахъ, гдѣ пресѣ-
 жается.

ГЛАВА СОРОКЪ ПЕРВАЯ.

О рѣчи слишкомъ сжатой.

Сверхъ того, чрезмѣрная краткость
 періодовъ весьма прошивна *высокому*; по-
 тому что оно, будучи слишкомъ сжато,
 принуждено бываетъ нѣсколько отсѣ-
 кать отъ своей великости. Однакожь
 надобно примѣнить, что я подъ симъ
 разумѣю не періоды благоразумно со-
 кращенные, но имъ прошивные, укор-

ченныя, такъ сказать, и на мѣлкія части раздробленныя (1). Слишкомъ сжатая рѣчь мѣшаетъ смыслу; а краткая, но совершенная, способствуетъ оному. Впрочемъ, извѣстно опять и то, что и разтянутая рѣчь лишается своей души и опъ чрезмѣрнаго пропяхенія слабѣетъ.

ГЛАВА СОРОКЪ ВТОРАЯ.

О низкости и распространеніи.

Лишается также благородства рѣчь и опъ низкихъ словъ. Сіе видно изъ Иродотова описанія бури, которое исполнено великолѣпныхъ и подлинно божественныхъ мыслей, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обезображено словами, кои

(1) Напримѣръ: жизнь наша кратка; искусство долговременно; время быстроетно.

ниже своего предмѣта. Напримѣръ; когда онъ говоритъ: *по вскипѣніи моря* (1) дурной звукъ слова *по вскипѣніи* много опшнимаетъ у рѣчи высокости. Также: *вѣтеръ ихъ изтомила* (2), говоритъ онъ же въ одномъ мѣстѣ, и въ другомъ: „разсѣянные кораблекрушеніемъ имѣли „*конецъ непріятный*.“ Слово *изтомила* (ἐκοπίασε) низко и простонародно; а слово *непріятный* (ἄχαρις) не соотвѣтствуетъ великости злополучія претерпѣвшихъ кораблекрушеніе. Въ такой порокъ впалъ ■ Теопомъ, который, описавъ превосходнымъ образомъ походъ Персидскаго Царя въ Египетъ, все великолѣпіе онаго подорвалъ нѣкоторыми низкими словами. „Какой городъ, говоритъ онъ, и какой

(1) Ζεσάσης θαλάσσης; буква ζ соотвѣтствующая нашему з, также четыре раза повторяемое σ (наше с) производятъ звукъ какъ бы свистящій.

(2) Ο' ἄνεμος ἐκοπίασε.

„Азіійскій народъ не посылалъ къ Царю
 „пословъ? Какихъ прекрасныхъ ■ дра-
 „гоцѣнныхъ произведеній земли и иску-
 „сства не принесено было ему въ
 „подарокъ? Сколько богатыхъ ков-
 „ровъ и одеждъ, пурпуровыхъ, испе-
 „щренныхъ, бѣлыхъ! — Сколько злато-
 „шканныхъ палапокъ со всѣми нужными
 „къ нимъ приборами! сколько домашнихъ
 „плащевъ и постелей дорогихъ! сколько
 „златыхъ ■ серебряныхъ чашъ, вазъ и
 „другихъ сосудовъ, изъ коихъ одни
 „украшены драгоцѣнными каменьями,
 „другіе искусною и изящною рукою ху-
 „дожника выдѣланы. Сверхъ того без-
 „численное множество Греческихъ и ино-
 „странныхъ оружій; несмѣшныя спада
 „рабочаго скопа и приносимыхъ на
 „жертву животныхъ, множество ме-
 „димнъ (3) съ разными приправами,

(3) Греческая мѣра сухихъ припасовъ.

„кошницѣ, мѣшковѣ, булажныхъ кишѣ, и
 „другихъ нужныхъ въ общежитіи вещей!
 „а соленыхъ всякаго рода мясѣ такое было
 „множество, что кучи ихъ сморщившимъ
 „на нихъ издали казались холмами, изъ
 „земли возникающими.“ Отъ высокихъ
 мыслей Авторъ переходитъ къ низкимъ,
 въ противность правиламъ возвышенія;
 и включивъ не къ спати въ удивитель-
 ное описаніе такого великолѣпія *кошницъ,*
приправъ и *мѣшки*, описалъ какую-то
 поварню. Ибо какъ естлибы кто, при-
 готовляя такія дорогія вещи, между
 серебряныхъ, золотыхъ и драгоценными
 камнями украшенныхъ чашъ, вазъ и
 лапотканыхъ палатокъ, поставилъ
 кошницы и мѣшки (4), тобы весьма не-
 пріятное представилъ для глазъ зрѣлище:
 равнымъ образомъ и въ рѣчи шаковыя
 слова весьма не къ спати и производятъ

(4) Къ сему прибавить надобно и *куги мяса.*

опшрапшительное безобразіе. Вмѣсто
возникающихъ изъ земли холмовъ и
другихъ мѣлкихъ изчисленій, сдѣлавъ
небольшую перемѣну, могъ бы онъ во-
обще такъ сказать: „какое множество
„верблюдовъ и другаго рабочаго скопа
„навьюченнаго всѣмъ нужнымъ для хоро-
„шаго спола и лакомства!“ Или: „какія
„кучи всякихъ хлѣбныхъ сѣмянъ и всего,
„что можно только предсавить себѣ
„вкуснѣйшаго и пріятнѣйшаго;“ или,
если онъ не хотѣлъ сказать обо всемъ
въ частности: „и всего, чего только
„повара и *столовые* прислужники желаютъ
„могутъ для своихъ господъ.“ Ибо не
должно въ рѣчи отъ высокихъ пред-
метовъ переходить къ низкимъ ■ оп-
шрапшительнымъ, если не пребудетъ
того крайняя необходимость. Надобно,
чтобъ слова соотвѣпствовали важности
описываемыхъ нами вещей, дабы тѣмъ
подражать Природѣ, которая въ снрое-

нїи челоуѣческаго тѣла тѣ части, кои
 наименованъ постыдно и полцу соста-
 ва его не выпавила наружу, но сколько
 можно старалась закрытьъ и, говоря
 Ксенофоновыми словами, каналы ихъ
 отвела какъ можно далѣе, дабы тѣмъ
 не обезобразить красоты всего живо-
 наго. Но вычисляю все, рѣчь унижа-
 ющее, я почишаю не нужнымъ; ибо когда
 показано то, что дѣлаетъ рѣчь благо-
 родною и высокою, то ясно, что про-
 тивное тому по большей части дѣлаетъ
 будетъ ее низкою и подлою.

ГЛАВА СОРОКЪ ТРЕТЬЯ.

*Отъ чего нынѣ такъ мало высокихъ
 и истинныхъ превосходныхъ Писателей.*

Теперь остается только изслѣ-
 довать вопросъ, не давно мнѣ предложен-
 ной однимъ философомъ, чемъ я, въ

угоднось швоей кѣ наукамѣ любви,
заклучу сіи мои разсужденія.

„Не могу надивисься, сказалъ онѣ
„мнѣ, да и многіе со мною: онѣ чего
„въ наши времена премного есть Ора-
„торовѣ краснорѣчивыхѣ, искусныхѣ въ
„убѣжденіи и судебномѣ вѣпійствѣ,
„исполненныхѣ ясносьи, живоспи, а
„особливо пріятсшва: но величеспвенные
„и по ишпинѣ высокіе Ораторы весьма
„рѣдки? Столь великѣ теперь недоспа-
„шокѣ въ превосходныхѣ дарованіяхѣ!
„Не уже ли причиною сему, продолжалъ
„онѣ, то, какѣ обыкновенно гово-
„ряшѣ, что великіе умы пипаешѣ и
„образуешѣ Димокрапическое правленіе:
„ибо сколько ни было искусныхѣ Орато-
„ровѣ, всѣ почти процвѣпали во время
„онаго и съ нимѣ умерли? Ничто,
„присовокупляющѣ они, сполько не воз-
„вышаешѣ душу великихѣ людей, какѣ
„свобода, и ничто такѣ сильно, какѣ

„она, не возбуждаешъ въ насъ соревно-
 „ванія и желанія видѣть себя выше
 „другихъ. — Сверхъ того, награды пред-
 „лагаемыя въ Респу́бликахъ поощряютъ
 „и какъ бы очищаютъ дарованія Орапо-
 „ровъ; отъ чего они получаютъ блескъ
 „въ высочайшей степени.

„Напропивъ мы, продолжалъ онъ,
 „съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ привыкши
 „къ кропкому рабству, и какъ бы съ
 „матернимъ молокомъ высосавъ его обы-
 „чай и правила, свободы, сего прекрас-
 „наго и обильнѣйшаго источника, даже
 „не опиваемъ; и потому не инымъ
 „чемъ быть можемъ, какъ только ве-
 „ликолѣпными льстецами. По сему-то,
 „говорилъ онъ, даже человекъ рожден-
 „ный въ рабствѣ, способенъ къ другимъ
 „наукамъ, но Орапоромъ никакой рабъ
 „быть не можетъ; ибо вдругъ показы-
 „вается въ немъ какой-то страхъ, ко-
 „торый умъ его содержишь какъ бы

„въ темницѣ; такъ что онъ при первомъ
 „покушеніи отважиться, опять пони-
 „каетъ; словомъ, говоря съ Омиромъ:
 „Когда свободы кто изъ человѣкъ лишится,
 „Вдругъ *добродѣтель* въ немъ лишь въ поло-
 винѣ зрится“ (1).

„И для того, какъ ящери (естьли
 „тому вѣришь, что говорятъ), въ ко-
 „торыхъ карлы называемые пигмеями
 „воспитываются, препятствуютъ имъ
 „не только расти, но еще дѣлаютъ
 „ихъ гораздо меньшими, посредствомъ
 „перевязки, которою тѣло ихъ связыва-
 „ютъ: такъ и рабство, какъ бы оно

(1) *Одиссеи* *кнѣ* *XVII*. — Постыдное для
 рода человѣческаго мнѣніе; не смотря на
 то, оно во многихъ отношеніяхъ спра-
 ведливо. Неволья связываетъ крылья да-
 рованіямъ. Страхъ и недостатокъ по-
 бужденій изощряетъ оныя производя въ
 нихъ какіе — то застои и наводятъ
 вѣчную дремоту; самыя добродѣтели по
 тѣмъ же причинамъ въ невольникѣ увя-
 даютъ.

„крошко ни было, служишъ нѣкоторымъ
 „образомъ темницею, въ коей душа по-
 „нижается, и теряешъ свое благород-
 „ство.“

На сіе сказалъ я ему въ отвѣтъ:
 „легко, любезный другъ, и весьма свой-
 ственно человѣку презирать настоящее.
 Но подумай пожалуй, не всеобщій ли
 миръ причиною недостатка въ великихъ
 Геніяхъ; а еще гораздо болѣе удержи-
 ваетъ самыя благородныя стремленія
 наши сія безконечная война. Сверхъ
 того не мало участвуютъ въ томъ ■
 страсти нынѣшнихъ временъ, копо-
 рымъ мы предаемся. Ибо сребролюбіе,
 коимъ всѣ мы нынѣ страдаемъ до край-
 носпи, и любострастіе совершенно по-
 работили насъ, или лучше сказать, по-
 вергли въ бездну, всѣ таланты наши
 поглощающую. При томъ же, нѣтъ под-
 лѣе страсти, какъ сребролюбіе и нѣтъ
 постыднѣе, какъ любострастіе. По-

нятъ не могу, какъ прилѣпившіеся къ
 чрезвычайному богатству и учинившіе
 оное своимъ божествомъ могутъ не при-
 нятъ вмѣстѣ съ сею страстію всѣхъ
 пороковъ, по природѣ съ нею сопряжен-
 ныхъ. Ибо за чрезмѣрнымъ богатствомъ
 слѣдуетъ роскошь и нѣга; онѣ, такъ
 сказать, идутъ по его стопамъ и по-
 мощію его опворяютъ входъ въ города
 ■ дома, въ которые вошедши, навсегда
 въ нихъ поселяются. Чрезъ нѣсколько
 времени онѣ тамъ, по словамъ мудре-
 цовъ, *свиваютъ себѣ гнѣздо* и вскорѣ раж-
 даютъ исчадія, — какія же? Высокомѣріе,
 надменность ■ роскошь, кои суть не
 побочные, ■ но законные ихъ дѣти.
 Если же кто симъ достойнымъ бо-
 гатства дѣтямъ попустилъ въ себѣ
 возрасти, то въ скоромъ времени ро-
 дятъ они неумолимыхъ ширановъ: вра-
 жду, беззаконіе и безстыдство. Сему
 необходимо должно такъ случиться;

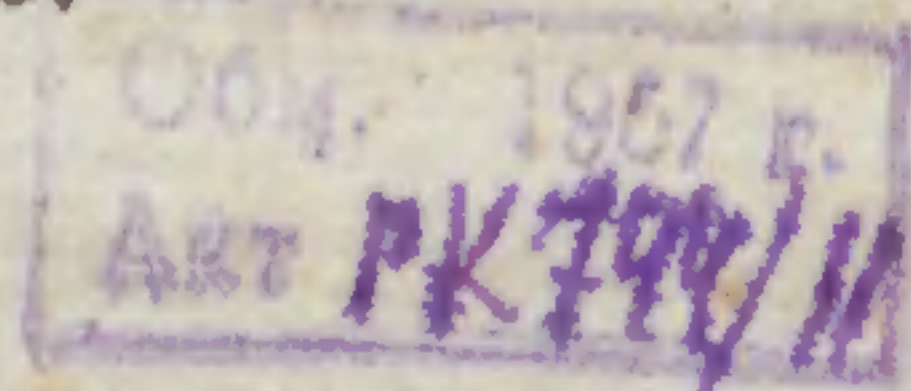
человѣкъ, презрѣвъ добродѣтель, не смѣетъ поднять взоровъ выше себя или сказать что нибудь для вѣчной славы; удивляясь только маловажнымъ и плѣннымъ вещамъ, мало по малу предается совершенному разврату, отъ чего все благородство и величество душевное само собою вянетъ, засыхаетъ и привлекаетъ къ себѣ только презрѣнiе. И какъ подкупленный судья не можетъ здраво и свободно судить о томъ, что честно и справедливо; потому что принимающему подарки справедливымъ и честнымъ кажется только то, что ему полезно: то какъ мы хотимъ, чтобъ въ наши времена, когда вся жизнь наша порабощена сребролюбiю; когда мы только и думаемъ, какъ бы выждать смерть одного, другому поставивъ сѣпи, чтобъ попасть въ его духовную; когда для любостыжанiя все продаемъ, даже собственную душу, будучи жалкими не-

вольниками спрасшей своихъ; какъ, говорю, хопимъ мы, чшобъ при споль всеобщей заразѣ нашелся безпристрастный судья, который бы, не ослѣпленъ будучи корыстолюбіемъ, могъ узнать истинно высокое и досшойное потомства? И поелику всѣ мы шаковы, то не лучше ли повиноваться какой нибудь власти, нежели бытъ вольными, дабы ненасытная сія жадность, лишась всякаго обузданія, подобно сорвавшемуся съ цепи звѣрю, не опустошила всей вселенной? Словомъ, раждающіеся нынѣ Геніи, сказалъ я ему, разпочаются праздноспію, которою всѣ мы, исключивъ немногихъ, спраждемъ, спараясь только о томъ, какъ бы заслужить маловажную похвалу или получить какое удовольствіе; а не о томъ, чшобъ принести другимъ пользу, которая возродила бы въ другихъ соревнованіе и доставила бы намъ прочную честь и славу. — Но о семъ,

довольно; приступимъ къ страстямъ (2)
о коихъ общалъ я сказать въ особен-
номъ Сочиненіи, и кои, по моему мнѣ-
нію, не малое имѣють участіе какъ во
всякомъ другомъ родѣ сочиненія, такъ
и въ высокомъ.

(2) Сіе сочиненіе также не дошло до нашихъ
временъ.

К о н е ц ъ.

Погрѣшности.

напечатано.

титай.

страниц: строк.

12.	10.	есть-	если разсмотрѣть со
59.	19.	лѣса	лѣсы
156.	1.	ДВАТЦАТЬШЕ-	ДВАТЦАТЬ СЕДМАЯ.
		СТАЯ.	
167.	15.	Вдругъ	Вкругъ.
171.	15.	о Героѣ	о Бореѣ.
180.	1.	ПЕРВАЯ.	ТРЕТЬЯ.
185.	1.	ВТОРАЯ.	ЧЕТВЕРТАЯ.
189.	8.	ТРЕТЬЯ.	ПЯТАЯ.
192.	1.	ЧЕТВЕРТАЯ.	ШЕСТАЯ.
211.	1.	СЕДЬМАЯ.	ДЕВЯТАЯ.